

ИРАИДА И ВИКТОР ДУДКО

16+

**ЭНЦИКЛОПЕДИЯ НАШИХ ЖИЗНЕЙ
(СЕМЕЙНАЯ САГА)**

**ИСТОКИ
КНИГА 1**

**ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ
ВИКТОРА АНАТОЛЬЕВИЧА ДУДКО**

МОСКВА МАИ ГРУППА АП – 4 ВЫПУСК 1957 года

МОСКВА
2019 г.

Ираида Владимировна Дудко
Энциклопедия наших жизней
(семейная сага). Истоки
книга 1. Детство и юность
Виктора Анатольевича Дудко

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42665667

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-05774-6

Аннотация

Семейная сага – «Энциклопедия наших жизней». В неё вошли: Детство; Трудная дорога на Украину; Побег из дома 11-летнего Виктора на фронт в поисках отца; Разрыв родителей; Жизнь в Фергане в семье дяди; Школа и спорт; Первая любовь; Самовоспитание; Трудности поступления в Москве в МАИ; Учёба в МАИ, друзья, практика и военные лагеря; Защита, Диплом с отличием в 1957 году, но – мимо распределения; Сын, с которым никогда не виделся; Скитания в поисках работы; Держинка Подмосковная и начало работы в НИХТИ (ракетостроение); Встреча в 2017 году через 60 лет после окончания МАИ – шестерых, ещё живущих сокурсников выпуска МАИ 1957 года.

Содержание

Глава 1	6
Введение	6
Часть 1	11
Часть 2	37
Часть 3	43
ЧАСТЬ 4	73
Часть 5	106
Глава 2	128
Часть 1	128
Часть 2	143
Часть 3	177
Часть 4	206
Часть 5	236
Часть 6	260
Часть 7	279
Часть 8	298
Часть 9	316
Часть 10	327
Часть 11	364
Часть 12	381
Часть 13	390
Часть 14	404
Часть 15	415

Часть 16	434
Часть 17	447
Часть 18	457
Часть 19	491
Послесловие	514
Глава 3	516
Часть 1	516
Часть 2	527
Часть 3	529

Эта книга посвящается с благодарностью – Виктору Анатольевичу Дудко (18.02.1934–25.09.2018 г.г.) – соавтору, верному другу и любимому мужу, с которым прошли по жизни – душа в душу, плечом к плечу долгих 59 лет...

*ТЕБЕ – ЛЮБИМОМУ ПОСВЯЩАЮ,
УШЕДШЕМУ В НЕБО Я ВОЗВРАЩАЮ
НАПИСАННОЕ НА ЭТИХ ЛИСТАХ —
О ДЕТСТВЕ, ЮНОСТИ И МЕЧТАХ*

МОСКВА МАИ ГРУППА АП – 1–4 ВЫПУСК 1957

года

Глава 1

Детство и юность Виктора Анатольевича Дудко

Введение

**Ираида Степанова и Виктор Дудко.
Это первый наш совместный снимок в 1959 год.**

Подмосковный посёлок имени Дзержинского, общежитие молодых специалистов. Поскольку свадебных фотографий у нас не было, этот снимок можно считать – точкой отсчёта нашей совместной жизни.

Каждый человек может написать единственную книгу – о своей жизни.

Наша семья – Ираида, Виктор и наши дети – Стэлла и Олег Дудко написали серию книг, под общим названием – «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ НАШИХ ЖИЗНЕЙ». В Энциклопедию вошли книги:

«РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО СЕМЬИ ДУДКО», «ИСТОКИ», «СОЗИДАНИЕ», «ЗАКОН СИНУСОИДЫ», «ДОРОГАМИ ЖИЗНИ» и «ЖЕМЧУЖНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ».

По сути – все книги вместе являются документальной сагой, или, если сказать точнее, это – АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА, охватывающая период жизни советской семьи с начала 20-го века и по настоящее время.

Книги включают в себя: родословную (с XVIII века)); военное детство; «совковый» секс; работу, связанную с наукой, и не только; взлёты и падения; автотуризм; воспоминания о друзьях; а в последние годы – наши судьбы: стариков, детей, внуков, и правнуков – в борьбе за выживание.

В книгах использованы: подлинные старинные и другие фотографии, документы, дневники и, конечно – наши лич-

ные воспоминания о прожитых нами годами и происходившими судьбоносными событиями.

Попутно вытаскиваем и публикуем из этих книг ГЛАВЫ, которые могут рассматриваться, как самостоятельные рассказы и мемуары. Такие, как -

"МИСТИКА И СНЫ", "ЧЕТВЕРОНОГИЕ ЧЛЕНЫ НАШЕЙ СЕМЬИ", "КАК МЫ САМИ СТРОИЛИ ДАЧУ", "НАШ ПРАВНУК ИЛЬЯ" и другие...

Эти повествования могут быть опубликованы самостоятельными книгами. Если хватит отпущенного Всевышним времени и здоровья.

В 2019 году мы с Виктором планировали отпраздновать 18 февраля его 85-летие, а 20 октября – нашу бриллиантовую свадьбу... Почти 60 лет совместной жизни – это не каждому удаётся. Естественно за эти долгие годы было всё: любовь и ссоры, радости и разочарования, взлёты и падения, да легче перечислить – чего не было...

Можно верить в судьбу, можно не верить, но в нашем случае наш союз был предначертан судьбой, это точно. Причём, этот процесс начинался давно и осуществлялся – медленно... Виктор родился в Ташкенте, потом жил в Фергане, позже во Фрунзе. Соответственно, его родители жили в Средней Азии.

Я родилась в Казани. Мои родители ездили на заработки в те же перечисленные места и города, но тогда дороги наших родителей не пересекались. Прошла война. Ещё до

окончания войны, в 1944-ом году, когда Киев был освобождён, наша семья Степановых переехала жить в столицу Украины Киев, а мои бабушка, дедушка и две маминых сестры перебрались из Горького – тоже на Украину, в город Каменец – Подольский. Тогда же, в 44-м, из Ферганы мама Виктора Вера Николаевна Дудко с двумя детьми, проехав через Киев, обосновалась тоже в Каменец – Подольском.

На этот раз, мама Виктора и одна из моих тёток – Маргарита Николаевна Плешакова и её дети – Наталья и Володя познакомились и дружили семьями. Вера Николаевна (мама Виктора) и Наташа (моя двоюродная сестра) работали в одной школе. Виктор и Володя (мой двоюродный брат) вместе голодной весной на полях собирали мёрзлую картошку на пропитание.

Я, после Киева, меняла место жительства несколько раз. В Подмосковье для меня поочерёдно становились родными: Вельяминово, Шатура, Орехово-Зуево, ТЭЦ-22 – посёлок Дзержинский. Виктор, уехав из Каменец-Подольского, жил в Бресте, Фрунзе, учился в МАИ, в Москве. На работу после института попал в НИХТИ – в посёлок Дзержинский.

Вот так и получилось, что наши с Виктором родственники встретились и подружились ещё в 1945 году. А мы с Виктором познакомились случайно в Подмосковье – 15 лет спустя.

И встретились мы с ним, возвращаясь в одном автобусе из Москвы.

Вот так, наши дорожки по жизни бежали из разных кон-

цов страны, постепенно, медленно сближаясь. И наконец, слились в одну общую дорогу, которая вот уже – 59 лет бежит через леса, буераки, овраги, горы и пригорки, и волшебные равнины.

Так что это? Судьба или случайность?

Вот поэтому и в этой семейной саге «Энциклопедии наших жизней» мы, сначала рассказываем в разных книгах – параллельно о жизни каждого из нас – Виктора Дудко и Ираиды Степановой. И только, начиная с 1959-го года, после нашей свадьбы, мы в нашей «Энциклопедии...» переходим к воспоминаниям событий, рассказывающих о жизни семьи – нашей и наших детей. В этой 1-й книге – «ИСТОКИ», открывающей серию книг «ЭНИКЛОПЕДИИ НАШИХ ЖИЗНЕЙ» помещён рассказ о детстве и юности Виктора Анатольевича Дудко...

Часть 1
Раннее детство
Ташкент – Фергана
(1934–1944 г.г.)

ВСПОМИНАЕТ ВИКТОР

МОИ ПРЕДКИ

Вы можете представить себе дедушку, которому 18 февраля 2018 года исполнилось уже 84 года – грудным ребёнком?

Я тоже не могу, потому что не помню. Но, тем не менее, в моей жизни произошёл такой счастливый случай – я родился.

Как и у всех, на нашей грешной земле у меня были родители.

Оказалось, что имеются подробности жизни рода Дудко, начиная, аж с Ивана Михайловича Дудко – он нашим внукам приходится пра-прапрадедом.

У Ивана Михайловича было четыре сына: Петро, Данила,

Остап и Яков. Остап – мой дедушка.

Когда Остап Дудко вырос и получал паспорт, бабушка не нашёл в книге православных имени Остап. И тогда нарёк он его – Евстафием. Так и жил он с двумя именами. Родственники звали его – Остапом, а во всех документах он значился – Евстафием.

У Остап Ивановича было 10 детей: девять мальчиков и одна девочка.

На ниже приведённой фотографии (Фотография сделана в 1912 году. запечатлены три поколения ДУДКО:

В центре – мой прадед – Иван Михайлович с прабабушкой.

В верхнем ряду – справа – Ефстафий (Остап) Иванович с женой – Ефросиньей Яковлевной – мои дедушка и бабушка Дудко.

Остальные – шестеро детей Ефстафия (Остапа) Ивановича и Ефросиньи Яковлевны, в том числе и мой отец – Анатолий.

Один из них – Анатолий – мой отец.

**На этой фотографии представлено три поколения
семьи Дудко**

Снимок сделан в 1912 году

Мой отец – Анатолий Евстафьевич Дудко

Мой отец – Анатолий Евстафьевич (Остапович) прошёл всю войну на 4-ом Украинском фронте и был награждён: – Орденом «Красная Звезда», и медалями: «За Победу над Германией» и Чехословацким – «за Храбрость».

Моя мама – Вера Николаевна Дудко (Покровская)

В семье моего деда – Николая Ананьевича (священника) и его жены – Раисы Дмитриевны было шестеро детей:

Борис – 1894 г. рождения

Павел – 1902 г. рождения

Зоя – 1904 г. рождения

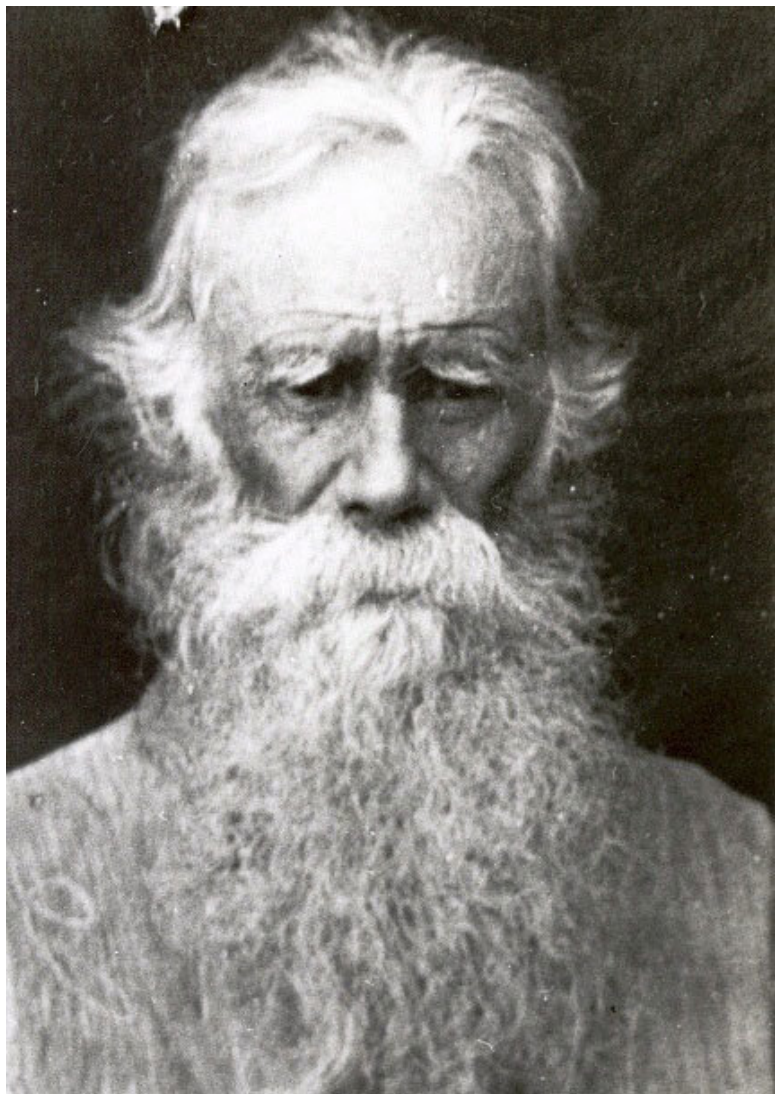
Сергей – 1907 г. рождения

Дмитрий – 1908 г. рождения

Вера – 1910 г. рождения

Моя мама – Вера Николаевна Покровская была младшей в семье.

Стала учительницей географии. Преподавала сначала в Фергане, а потом до самой пенсии – в Каменец-Подольском в школе рабочей молодежи, а также в разных дневных школах.

Отец моей мамы – Покровский Николай Ананьевич

Эта фотография – НИКОЛАЯ АНАНЬЕВИЧА ПОКРОВСКОГО, (деда Виктора Дудко и всех других его внуков), хранилась в «расстрельном» деле, и была выслана по запросу внуку – Юрию Константиновичу Ермалюку. Юра Ермалюк – сын сестры Веры Николаевны – Зои.

Мой дедушка – Николай Ананьевич Покровский был священником.

До 1931 года Николай Ананьевич Покровский служил священником в с. Лоховка, Оренбургская о., Бузулукский р. Кроме того, Николай преподавал в церковно-приходской школе.

Жена его, Раиса Дмитриевна, была регентом церковного хора и учила детей пению.

1931. Арrestован в с. Лоховка, Оренбургская о., Бузулукский р.

После ареста дом о. Николая конфисковали, а жену заставили немедленно выехать из Лоховки, и она перебралась в г. Бузулук.

При осуждении о. Николай получил приговор – 3 года ссылки.

1931–1934. Находился в заключении в г. Инта, Коми АССР.

1934. Отец Николай вернулся из ссылки и стал служить священником в местной церкви в г. Бузулуке, Оренбургская

о. Условия во всех этих лагерях были одинаково невыносимыми и трудновыживаемыми...

В ссылке он пробыл три года – с 1931 по 1934 г.г.

Главное, что тогда он вернулся из этой ссылки живым и снова занял должность священника в одной из церквей Бузулука, куда перебралась его жена после Ареста Николая.

Это были три последние годы жизни вместе с семьёй – женой и детьми. Был вновь арестован 17 июня 1937 года в г. Бузулуке.

У о. Николая осталось шестеро детей. На допросах о. Николай сказал, что у него только один сын. Скрыв наличие пятерых детей, о. Николай спас их и их семьи от страшного клейма – ВРАГИ НАРОДА...

Впоследствии все четыре сына о. Николая воевали, двое погибли на фронте, а двое вернулись искалеченными и прожили недолго.

В тюрьме о. Николая пытали.

14 августа 1937 года тройкой при УНКВД СССР по Оренбургской обл. Николай Ананьевич обвинен в "активном участии в фашистской контрреволюционной организации" и приговорен к высшей мере наказания – расстрелу.

Приговор приведён к исполнению 16 августа 1937 года в тюрьме г. Бузулука, Оренбургской о.

1988. Реабилитирован Оренбургским областным судом 27 июня 1988 года. Справка о реабилитации (номер 44-у-III) выдана родным 1 июля 1988 года.

Сохранился документ:

Министерство юстиции РСФСР
ОРЕНБУРГСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СУД
460000 г. ОРЕНБУРГ
ул. ПУШКИНА, 31 тел. 7-59-67
1.07.88 г. № 44 – у – 111

СПРАВКА

Дело по обвинению Покровского Николая Ананьевича, 1872 года рождения, до отъезда был служителем религиозного культа, проживал в г. БУЗУЛУКЕ Оренбургской области – пересмотрено судом.

Постановление тройки УНКВД Оренбургской области от 14.08.37 г. в отношении Покровского Николая Ананьевича отменено и дело производством прекращено за отсутствием события преступления.

Покровский Николай Ананьевич по данному делу реабилитирован.

Председатель ОРЕНБУРГСКОГО

Областного суда – – – – Н. Н. ДАШУТИН.

Справка о прекращении дела Дудко Евстафия Ивановича 1937 г.

Мой дедушка со стороны отца – Дудко Евстафий (Остап) тоже был репрессирован в 1937 году. Но ему повезло. В лагерях он пробыл всего 2 года. В 1939 году его реабилитировали.

Я родился в 1934 году в Средней Азии, в Ташкенте, 18 февраля 1934 года, в центре города в роддоме Сталинского района, которого уже не было, когда я приезжал в командировку много лет спустя.

Отец, как я потом узнал, встретил мою маму, Покровскую Веру Николаевну, в школе, где работала тётя Катя, жена старшего брата отца – Миши, у которого я впоследствии во Фрунзе прожил несколько лет.

Тогда – молодая учительница, приехавшая из Бузулука,

начала свою деятельность после окончания учительского института. Отец где-то служил. Они познакомились, и поженились.

Родился я ранним утром, точно никто не знает, в котором часу это было. Я пытался узнать точное время, но мама говорила, что не помнит его. Много позже, с 1990 по 1992 год мы с Ираидой обучались в астрологической академии у Михаила Левина. Мы перестали её посещать на третьем курсе, когда нужно было переходить к специализации (правда, я её закончил, но не защищал диплом). Мы в тот момент не были готовы к изучению глубинных знаний, не хватало элементарной практики. Позже мы стали покупать нужную литературу, купили кое-какую астрологическую программу для компьютера, т. е. занялись самообразованием на базе уже полученных знаний в академии.

Вот тогда-то мы и опробовали метод ректификации.

Он заключается в том, что исходными данными служат даты основных событий, происшедших в прожитой жизни. Чем точнее даты и чем больше их – этих событий, тем точнее компьютер выдаст час и минуты твоего рождения.

Я использовал такие точные даты, как даты рождения детей и даты умерших, близких для меня людей, начало и окончание разных видов учёбы и другие, памятные мне даты. Получилось, что я родился в 5 часов 47 минут утра по местному времени. Вообще, это близко к маминым упоминаниям о том, что я родился ранним утром.

У отца это был второй брак. От первого с Татьяной Григорьевной Скрынниковой родилось двое детей: мальчик и девочка.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
Отдел Актов Гражданского состояния

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О прекращении брака № 4

Брак между гражданином___ ДУДКО
АНАТОЛИЕМ ЕВСТАФЬЕВИЧЕМ

и гражданкой_____ ДУДКОВОЙ
ТАТЬЯНОЙ ГРИГОРЬЕВНОЙ прекращён, о чём в
книге записей актов гражданского состояния.

о прекращении брака за 14.10 1930 г.
(четырнадцатого ноября тысяча девятьсот тридцатого
года произведена соответствующая запись).

Фамилия после прекращения брака с ДУДКО –
СКРЫННИКОВА

Печать...

Я нарочно привёл здесь документ о разводе. Дело в том, что каждая очередная жена, после того, как Анатолий Евстафьевич уходил из семьи, уверяла, что никакого развода не было, и он является многоженцем...

Сохранилось единственное письмо от Татьяны Григорьевны Скринниковой. В нём она упоминает, что Вера Николаевна – уже третья жена Анатолия. Была ещё и вторая, с которой он жил в Ташкенте и Киргизии, какая-то полячка...

Нужно заметить, что практически во всех документах ничего не говорится о семейном положении БАТИ. Тем не менее, основываясь на имеющихся документах и письмах можно сделать заключение, что Батя отличался любвиобилием.

Трижды он был официально женат. У него были в каждой семье дети.

В первом браке родились Алексей и Лидия. У моей мамы было нас двое – я и Марта. И от третьего брака родился мой младший сводный брат – Женька. Были ещё и внебрачные дети. Где-то они живут, а нам и не суждено знать своих, в общем-то, близких родственников (сводных братьев и сестёр).

Так распорядилась жизнь.

ФЕРГАНА

В 1935 году семья переехала в город Фергану, где отец стал работать вольнонаёмным бухгалтером в НКВД. Ему был положен пистолет, так как ещё не были окончательно подавлены басмачи. Но к истории с пистолетом я вернусь попозже.

Был я беспокойным ребёнком. Мог орать долгими часами, и никто не понимал – почему? Вроде бы ничего не болело. Когда мама уставала носить меня на руках, меня брал отец, а я продолжал орать.

В общем, им долго ещё не приходилось высыпаться.

Город, в котором мы жили, находится в долине со всех сторон окружённый горами, климат там субтропический: зима, как правило, один месяц в году, отмеченная сплошными дождями. Снег мы видели только на вершинах окружавших нас гор. А пощупать его не приходилось.

Проживали мы в домике с двумя комнатами, маленькой кухней и небольшим крылечком с навесом. Это дом по улице Горького кажется – № 15.

(Когда много лет спустя, мы были в Уч-Кургоне, мы заехали г. Фергану и посмотрели на ещё сохранившийся дом, хотя большие новые многоэтажные дома уже наступали и сюда).

Домик находился у въезда во двор, с окнами, выходящими

ми на улицу. Во дворе проживало в разных строениях ещё несколько семей.

Сам двор был большим, задняя от улицы сплошная стена отделяла от нас, кажется, какую-то автоколонну. У забора росли несколько деревьев грецких орехов, а среди них были заросли земляных орехов. Окна одной комнаты выходили на улицу. На улице был тротуар, выложенный плиткой, но неширокий, а остальное – обычная земля. Между тротуаром и дорогой, протекал арык. С арыком связаны некоторые воспоминания. Так лет в пять или шесть я взял без спросу пятьдесят рублей и спрятал купюру в арыке под камушком. А затем вынул её и купил каких-то конфет или мороженое. Меня разоблачили, и отец провёл со мной воспитательно-разъяснительную беседу – с применением ремня для убедительности. Правда, и продавщице тоже досталось, как она могла что-то продать малышу, приняв такую большую купюру, да ещё не дать сдачу.

Был ещё второй глубокий основной арык, который протекал справа от дома. Если по нему пройти вверх, то у шлюза находилось небольшое углубление в виде огромной лужи или – небольшого пруда. Мы, ребяташки часто купались там и прыгали с каменных опор шлюза. И, когда в очередной раз я прыгнул, то мне в ногу воткнулась колючка от акации, пробив всю ступню насквозь. Ветви акации с большим количеством колючек бросали в арык, чтобы не закрывали (а, может быть, не открывали) шлюз. Почти без особых проволо-

чек мне её вынули, хотя было очень больно, но я не плакал. Акации на юге растут очень большими, ветви и колючки тоже были большими и очень твёрдыми.

Хотелось отметить, что в долине всё давало большой урожай. Так вдоль арыков были посажены деревья, и когда мы побывали в городе во время отпуска, нас поразило то, что деревья с обеих сторон дороги выросли такими большими, что своей кроной они заслоняли дорогу от солнца, и мы ехали по улице, и всё время были в тени.

Помню – ещё до войны, когда мне было шесть лет, у меня горлом пошла кровь. Меня отвели к врачу. Сдали необходимые анализы. Врач предположил болезнь лёгких. Меня стали родители буквально носить на руках. Мне это понравилось. И, когда в следующий раз мы пошли к врачу, у меня опять – кровь: втайне от всех я высосал кровь из десны.

Врач сказал, что он не может определить – в чём дело, и посоветовал родителям поить меня горячим молоком, в которое добавлять ложку топлёного масла и через раз ложку мёда. Каждое утро я пил молоко с маслом и мёдом. Меня оберегали от всего. За год я поправился невероятно, а кровь всё идёт. Я высасывал её из десны и сплевывал, чтобы показать, что я ещё болен. Уж больно вкусно меня лечили.

Наконец, пора и честь знать – я кончил представляться, десна укрепилась, кровь не сплёвывалась. Мои лёгкие тоже были в порядке. Я поправился и больше не болел.

Мама работала в школе, меня и Риту ей помогала воспи-

тывать двоюродная сестра – Ираида Ананьевна Покровская и некоторое время с нами жила мамина мама – моя бабушка. У бабушки я видел Библию. Похоже, что бабушка окрестила меня и вероятно, сестрёнку. О себе я знаю точно. Фотографий бабушки (по маминой линии) не осталось кроме одной...

На фотографии – моя бабушка (Покровская – мама моей мамы), Я – Витя, моя сестрёнка – Марта, которую всю жизнь называли – Ритой, и мамина двоюродная сестра – Ираида Аристарховна Покровская, которая жила с нами, помогала маме по хозяйству и нянчиться с нами – детьми.

О детстве у меня сохранилось много воспоминаний. Они все, какие—то отрывочные. И чаще всего, особенно ярко запомнилось всё, что связано с едой.

Например, мне запомнилось то, что перед войной в магазине появился плов в железных консервных банках, он был очень вкусным. Когда его подогревали на сковороде, запах был необыкновенным, а вкус, ну просто пальчики оближешь. Вкус этого плова сохранился до сих пор, хотя плов в банках потом пропал, а после войны я его нигде не видел.

Рано или поздно, все мальчишки испытывают смущение, обнаружив, что мужчины и женщины различаются между собой по некоторым определенным признакам. Однажды, в начале войны (мне, получается, было – лет шесть), когда отца забрали в армию, мы пошли в баню. Там были огромные очереди. Мы, как и многие другие, пришли со своими тазами. Мне было только семь лет, и мама, как и некоторые другие мамы, взяла меня в женское отделение. Мы устроились в дальнем углу. Мама и сестрёнка носили воду в тазах, а я сидел на одном месте, и почему-то прятал своё достоинство между ног, чтобы не отличаться от всех. Всё остальное я практически не помню. После этого похода я больше не ходил в баню с мамой. Мы, ребята, старались попасть в баню с взрослыми дядями или не мылись совсем.

Проблема пропитания началась ещё задолго до начала войны. Но, когда началась война, эта тема стала проблемной

для каждой семьи. Нужно было выживать.

Весь двор поделили под огороды, кроме того, от школы маме выделили участок, недалеко от шлюза. На нём мы посадили рассаду помидоров. Я ухаживал за ними, вовремя поливал и вырастил помидор весом около двух килограмм. На семейном совете было решено вместе с другими помидорами – продать его на базаре. Когда мы принесли помидоры, то сбежался весь базар посмотреть на чудо. Мы его продали, и на вырученные деньги купили лепёшек – с хлебом было трудно (шёл 2 или 3 год войны).

Надо заметить, что базар на юге – это что-то необыкновенное. Его не с чем сравнить: на нём можно было что угодно продать, и что угодно купить.

А вы когда-нибудь пробовали жареную саранчу? Нет? А вдыхали ли запах запечённой в огне саранчи, как в лучших ресторанах Китая? А было это так. В 42, а скорее в 43 году я видел то, что теперь можно увидеть только в фантастических фильмах. На нашу Ферганскую долину напала саранча.

И взрослых, и детей вывели за город на борьбу с саранчой: рыть канавы, жечь солому в них, давить саранчу, чем только можно, производя для этого любые действия.

Саранча двигалась: одни ползли, другие прыгали, третьи летели на крыльях. Благо они не ели людей. Проехавшая машина давила саранчу, на место раздавленной тотчас наползала масса новой – казалось с ней никак не справиться.

По обеим сторонам дороги были поля хлопчатника, раз-

делённые на прямоугольники арыками для полива.

Вдоль арыков были посажены тутовые деревья, ветви, и листья которых использовались как пища для непарного шелкопряда. Так вот эти деревья стояли голыми: листья и ветви были съедены саранчой, а сами стволы сплошь были усыпаны ею. Всё это производило ужасающее впечатление. Младшие школьники рыли канавы, кто-то подносил солому или просто мешковину. Всё это поджигалось. В воздухе носился запах горелого мяса. Конечно, от нас помощь была небольшой. Это показало, что люди бессильны против стихии.

Говорили, что саранча пришла из-за кордона. Потом появились самолёты, которые что-то опыляли. В город саранчу не пустили, но хлопка и шёлковых тканей в конце этого года не было.

Вспоминать о болезнях не очень хочется, но и забыть то, что кошмаром запало в душу, тоже невозможно. Я переболел малярией в тяжёлой форме.

В пионерлагеря за городом я попал после 1-го класса вместе с сестрёнкой. До города и до дома было несколько километров, как считалось не очень далеко. Иногда с разрешения вожатого мы после завтрака до обеда бегали домой. Когда однажды я взял с собой сестрёнку, то на обратной дороге с ней намучился: она быстро уставала, и плакала, прося отдыха.

Перед лагерем находился аул. Дорога шла вдоль забора

(дувала), и почти нигде не было тени, местные жители вдоль заборов никогда не сажали деревья. Было около 12 или 13 часов. Самая жара, пекло. Мне напекло голову. Недалеко от лагеря протекал арык. Вода в нём была ледяная с гор.

Я искупался. Спустя некоторое время, меня стала бить дрожь. В лагере я никак не мог согреться. Затем, спустя несколько дней, я заболел малярией.

При температуре воздуха 40 и выше, при наступлении приступа меня била дрожь, мне было холодно. Укрытый несколькими шерстяными одеялами я не мог никак согреться. Меня забрали домой. Лекарств не было. Когда наступал приступ – меня помещали во вторую комнату, завешивали окна, накрывали несколькими одеялами.

Я смотрел на потолок – там вырисовывались разные фантастические фигуры, которые почему-то передвигались по потолку ко мне, стараясь сделать со мной что-то нехорошее (просто никогда не удавалось плотно закрыть окна – всегда пробивался солнечный зайчик – свет).

Мне становилось страшно – я кричал, терял сознание: температура подскакивала до 42. Я дрожал, как осиновый лист, несмотря на то, что был закутан во множество одеял. Мама с огромным трудом достала таблетку хинина. Она мне помогла: сбила температуру, сняла дрожь, стало легче дышать. Таким образом, для лечения нужен хинин, а он – дефицит, достать его в то время было невозможно. На всю жизнь мне запомнился этот приступ, хотя он повторялся неодно-

кратно. Изредка, сейчас во сне он мне нет-нет, да привидится, а я хочу стереть его из памяти навсегда.

Где и как доставала мама хинин, но после лечения малярия больше никогда не возвращалась. В то время это заболевание без лекарств было смертельно опасным. Мне в этот раз просто крупно повезло – я остался не только живым, но и, кажется, здоровым.

Из моего детства, как ностальгия, выплывают и встают перед закрытыми глазами ореховые деревья, ряд ореховых деревьев, множество деревьев. Весной с ореховых деревьев мы сбивали молодые орехи для того, чтобы съесть их. Но для этого нужно было снять верхнюю зелёную кожуру, которая ничем не счищалась и, кроме того, при чистке выделяла несмываемый ничем сок, окрашивающий руки в тёмно-коричневый цвет, так что, по цвету рук можно было узнать – кто сбивал орехи. Когда орехи поспевали, кожура съёживалась, лопалась и легко снималась. Молодые орехи мы пытались чистить в воде, но это не помогало: руки всё равно пачкались. Но до чего – же вкусными нам казались эти молодые, недоспевшие молочные ореховые ядра. Ведь нам, мальчишкам, особенно в годы войны, всегда так хотелось есть.

Запомнилось мне так же, как мы, однажды, откопали у забора земляные груши – растение похожее на картошку, есть которую можно было сырым прямо на месте. Мы перекопали большой участок нашего двора, копошась в земле, добывая её, как самое дорогое золото. Но на следующий год их не

было. Мы не знали, что для воспроизводства их надо было вновь посадить весной в землю.

И что характерно для того времени: между нами никогда не возникало межнациональной или межрелигиозной и иной розни, или нам, ребятишкам, это только казалось. Местные жители: узбеки, дунгане, татары, русские и украинцы жили дружно, не было претензий и к эвакуированным людям разной национальности, не было ни тени антисемитизма – шла война. Начало войны мы, мальчишки, сначала восприняли с восторгом: думали, что она быстро кончиться, мы будем воевать на территории врага. Мы стали играть в войну.

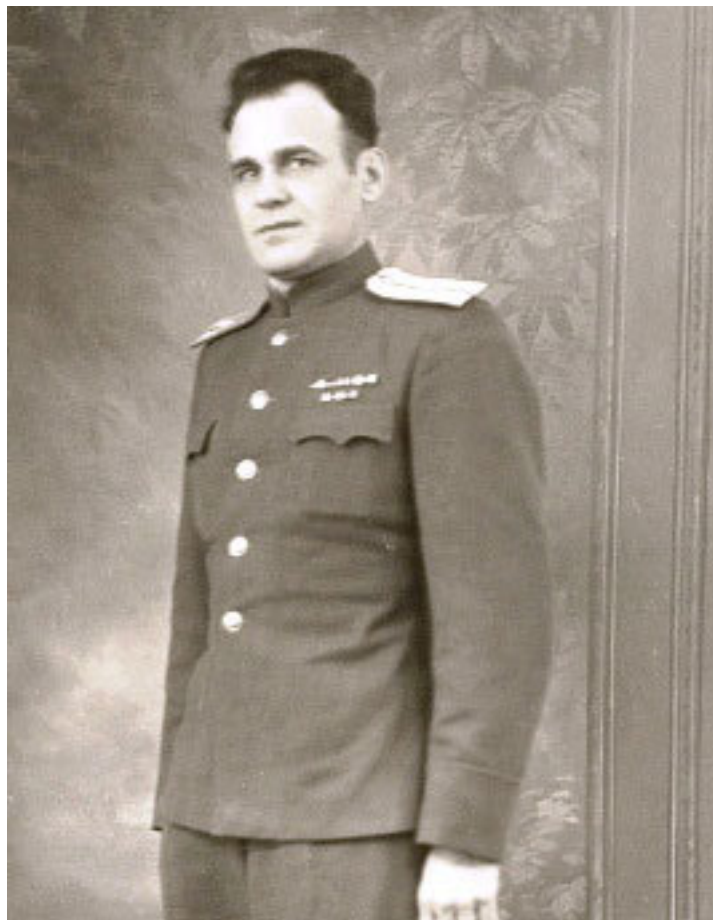
Но по радио начали приходить тревожные новости. Мы стали отступать. Фашисты стали расстреливать мирное население. Постепенно стали прибывать беженцы. Их рассказы о войне были ужасными. Стали уходить на фронт отцы, деды, братья. Ввели карточки на продукты, большинство из которых пропало с прилавков в первые дни войны. Наступило военное время.

Несмотря на болезни, летнее пекло, начавшуюся войну, работу на огородах для того, чтобы как-то выжить – Фергана осталась в памяти как одно из самых тёплых, ласковых воспоминаний. Это всё было – моё раннее детство.

Начинал учиться я в городе Фергана в 1941 году, после начала войны. Как я учился, я не помню.

Часть 2

Дорога на Украину

На фотографии – мой отец Анатолий Евстафьевич Дудко 1944 г

Мой отец в конце 41-го года ушёл в армию.

Окончив ускоренные курсы командиров, он ушёл на фронт.

В 1944 году от отца пришёл вызов: нам предлагалось переехать на Украину в город Каменец-Подольск. Отец сообщал, что ему удалось приобрести домик, который до нашего приезда будет находиться в распоряжении КЭЧ (коммунально-эксплуатационной части).

Мама решилась ехать. Это отчаянное, очень смелое по тем временам решение – ехать в неизведанное, с двумя маленькими детьми, на только что освобождённую территорию!

Надо сказать, что ранней весной этого или предыдущего года она приобрела бычка, которого ей выделила школа. Мы его не видели, так как он постоянно находился в стаде.

Мы заказывали время от времени машину жмыха с хлопкозавода. Когда машина проезжала мимо нашего дома, мы старались из кузова стащить плитку жмыха, чтобы съесть его (он был съедобным, хотя и отжимался из хлопковых зёрен).

Бычка забили, мясо продали, вырученные деньги пригодились в дороге. Всего этого мы не видели, мясо не ели. Вещи, вероятно, были проданы.

И мама с двумя маленькими детьми решилась на этот рис-

кованный шаг: по вызову купили билеты сели на поезд на станции Маргелан и поехали в неизвестность...

По дороге увидели впервые снег, песчаные барханы. Проезжали по берегу озера-моря Арал. На станции продавали копчёную рыбу.

Когда прибыли на станцию Соль-Илимск, увидели горы соли, лежащей возле полотна железной дороги: всё было белым из-за соли. Пассажиры бросились набирать очень дефицитную по тем временам соль в любую попадавшуюся под руку тару. И только гудок паровоза заставил всё бросить, кроме соли, и бежать к вагонам.

На фотографии – Россыпи технической соли на станции в Усть-Илимске. 1944 г.

Остановились мы на станции города Самары или Саратова (не помню точно). Дальше в Москву нас, как и других пассажиров, не пустили. Комендант станции предложил маме ехать другим путём, тем более, сказал он, что сейчас формируется состав до города Киева, или надо ждать, когда поступит распоряжение об открытии пути на Москву.

Мама решила ехать дальше сразу же. Мы сели в теплушку (товарный вагон с печкой внутри), где находилось ещё несколько семей.

Волгу мы пересекли у города Сталинграда, который лежал в развалинах, и только ввысь поднималось некоторое количество многоэтажных кусков зданий. Вид был очень удручающий, печальный.

Запомнилось мне перед городом Сталино, как я сижу у открытой двери вагона, свесив ноги, а далеко внизу почти под нами расстились поля, разделённые на кусочки под огороды. Мы проплывали над ними. А по бокам стояли терриконы и вдалеке дымили трубы каких-то заводов. (Позже, мне несколько раз снился этот эпизод).

В первых числах января мы доехали до Киева.

Остановились на вокзале. Следующая станция – Винница.

Билеты достали только на поезд, отъезжающий на следующий день. В Киеве мы вышли на привокзальную площадь, где круг делали трамваи, а в метрах 150 была поперечная улица – Саксагановская.

На её углу был продуктовый магазин, а в следующем доме жила семья Степановых.

С Ираидой (моей будущей женой) в этот раз, мы, конечно, не встретились.

Затем был Фастов, Винница, которая запомнилась тем, что на фасаде станции сохранились немецкие указатели и надписи.

Дальше мы отправились в Проскуров (теперь – Хмельницкий, хотя знаменитый атаман и близко там не был), а оттуда в город Каменец-Подольский, в то время бывший областной центр, который был целью нашего путешествия по предписанию.

Приехав туда, мы отца уже не застали – он с армией ушёл дальше на Запад. В Каменец-Подольский мы прибыли числа 15-го января. Там нас, конечно, только и ждали «с распротёртыми объятями». Дом, который забронировал для нас отец, занял полковник-медик. Мы оказались у разбитого корыта: ни кола, ни двора.

Мама несколько раз была у начальника КЭЧ, но всё было бесполезно. (Сейчас я не знаю: то ли мы запоздали с приездом, то ли полковник заплатил больше). Жить негде, двое маленьких детей 10 и 8 лет на руках, зима, холодно. Ничего нет: ни работы, ни жилья, ни знакомых, ни друзей. Это был конец...

Часть 3 Каменец-Подольский

На фотографии – КАМЕНЕЦ ПОДОЛЬСКИЙ предвоенных годов...

Долго мама обивала пороги разных учреждений. Теперь я уже не помню – где мы спали и прятались от холодной зимней погоды.

Наконец, нам выделили квартиру на улице Шевченко, напротив парка. На углу, напротив дома стояла разрушенная кирха – католическая церковь.

Дом наш был построен из природного камня. Вход к нам – на второй этаж был со двора по каменной лестнице в несколько ступеней, затем был деревянный коридор и две двери: одна – влево к соседям в однокомнатную квартиру, а другая – направо к нам в трёхкомнатную квартиру.

Первая комната – кухня. Вернее – первая комната, пре-
вращенная в кухню. А затем – две проходные комнаты, рас-
положенные перпендикулярно улице Шевченко.

В дальней комнате одно окно выходило на улицу, в парк, а другое – во двор. А во второй комнате одно окно выходило во двор, а другое – во внутренний двор и на почти засыпан-
ный колодец внутри двора.

По тем временам это было роскошное жильё.

Правда, довольно холодное. В жилище было две печи: одна в кухне, обогревающая кухню и первую комнату, а вто-
рая в дальней комнате, обогревающая эту комнату и сосед-
нюю за стеной чужую комнату. Вероятно, сразу же за печкой,
раньше здесь была дверь в эту комнату, теперь заделанную.

Кроме необходимости топить печи в доме, были и другие
неудобства.

Воду мы брали из колонки, одна из которых была распо-
ложена вверх от дома, почти напротив Дворца Пионеров, а
другая – вниз по улице и направо полквартала. Хотя колонки
были и в нескольких метрах от нашего дома, но за забором.

Туалет был стареньким, находился в глубине двора. Дома
ночью все пользовались «помойными» вёдрами, которые по-

том выносили и выливали в туалет. А днём ходили в общественный...

Обживать было трудно. Войска, продвигавшиеся вперёд, ещё недалеко ушли от Каменец-Подольского. Мама хотела увидеться с отцом, и даже получила каким-то образом информацию о его личной жизни. Ей передали, что он живёт с какой-то женщиной. Она взяла с собой меня и поехала в местечко, где квартировалась часть, в которой служил отец. Действительно, мы нашли воинскую часть, в которой служил отец. Квартировались они в одной из деревень.

Мама расспросила кого-то – где искать отца? Ей указали на один из домов. Она постучала. Никто не ответил. Дверь была не заперта. Мы вошли в дом. Мне запомнился стол, на котором были закуски и хлеб. В комнате стояла большая кровать.

На ней горой возвышались пуховые перины и подушки. А на перинах лежала нарядная женщина.

Увидев нас, она вскочила и стремглав, в одном халате выскочила на улицу. Мама растерялась. Потом растерянность сменилась гневом. Она схватила меня за руку, и, не дожидаясь прихода отца, потянула меня на улицу, а потом – дальше от этого местечка. Свой поступок она называла позже – гордостью, хотя жалела, что не оставила меня там в доме одного, дожидаться отца.

Странно, но именно тот момент, когда она, сгоряча, решила убежать от этого местечка, был решающим.

Могло всё случиться по-другому. Тогда ещё отец и душой, и сердцем был предан нашей семье. Иначе, зачем было вызывать нас на Украину? А Полина (так звали ППЖ), это было временное... В конце концов, он всё равно с ней расстался... Но, как говорится – «после драки руками не машут».

Мы остались в Каменец-Подольском, а отец с войсками ушёл далеко на Запад.

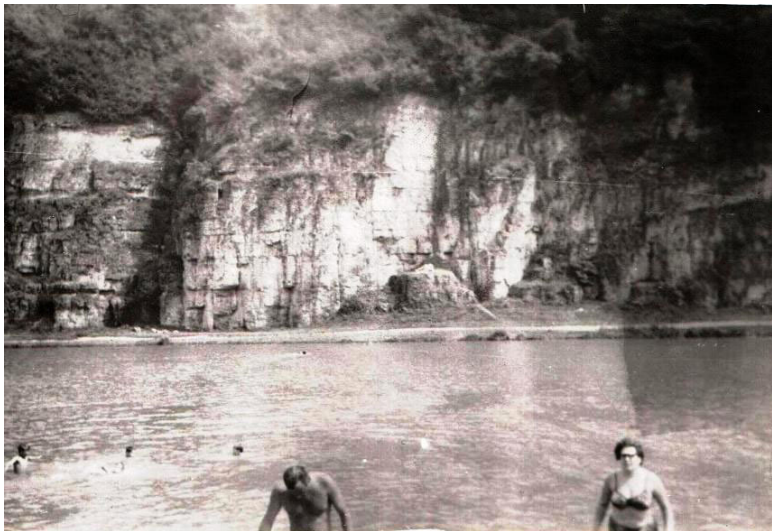
Мне очень хочется рассказать о нашем доме, где мы жили, об улочках, рядом с нашей, о парке над рекой Смотрич. Может быть, у меня этот рассказ не совсем хорошо получится с литературной точки зрения, но я всё-таки поделюсь своими воспоминаниями.

Улица Шевченко, на которой мы жили, начиналась вверху на горе и шла параллельно речке Смотрич.

Река текла глубоко внизу, за много столетий прорыв ущелье, глубиной около ста метров и шириной 200–250 метров. Если пересечь улицу напротив дома и парковую полосу, попадаешь на край обрыва, с которого открывается вид на крутые берега и далеко внизу извивающуюся и кажущуюся не такой уж и широкой – речку Смотрич.

На следующей фотографии – Каменец-Подольский. Наверху, за полоской парка – улица Шевченко, проходившая параллельно реке Смотрич, протекавшей внизу с крутыми отвесными берегами.

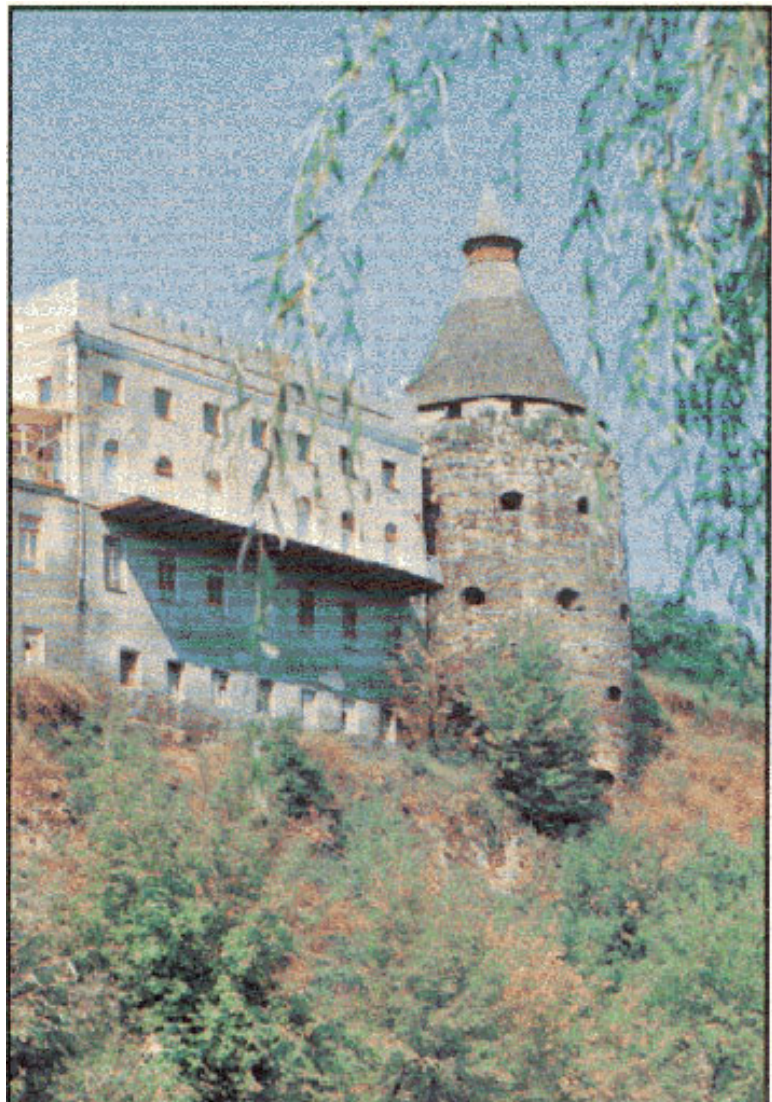
Каменец-Подольский Отвесный берег реки Смотрич. Наверху – дикий парк, заросший каштанами и грецкими ореховыми деревьями, за ним – улица Шевченко и дом, в котором жила Вера Николаевна. На снимке – справа я (Ираида).

Каменец-Подольский Отвесный берег реки Смотрич.

Купаемся – Виктор, Ираида и маленькая дочка – Стэлла

Правее, на узкой косе, прямо к воде сбегали жилые домики. По берегу даже была проложена дорога. Как-то раз, когда через несколько лет мы приехали в Каменец на своей машине, мы спустились по этой дороге к реке и купались в ней.

Каменец-Подольский Ресторан над рекой Смотрич

Если смотреть на крутой противоположный берег, внимание привлекал ресторан, который почти что висел над обрывом, (а тогда это была полуразрушенная башня).

Где-то на расстоянии трети улицы Шевченко, её пересекала улица, ведущая к опорам бывшего моста, соединявшего до войны новый и старый город. Когда мы приехали, то между двумя опорами находилась половина пролёта, с которого свисала длинная полоска белой материи. Справа от моста были ступени, по которым спускались вниз к реке.

А через речку были проложены деревянные мосточки. Потом на той стороне были вырублены ступени, ведущие вверх, в старую часть города.

С нашей стороны против дома ещё до войны начали строить лестницу, спускающуюся к реке. Но успели сделать только верхнюю треть, соорудив парапет длиной около 5-и метров, отступив 10 метров от края обрыва.

Наша улица была застроена только с одной стороны, а с другой стороны был парк, довольно запущенный. Наш дом имел номер 61.

В каждом квартале было 3–5 домов. Тротуар был, естественно, каменным (из широких плит), хотя в верхней части до пересечения с поперечной улицей, потом он был покрыт асфальтом. Дальше, после Дворца Пионеров, улица опять

поднималась в гору.

Наш дом был угловым. Полквартала вверх по улице Шевченко на первом этаже в красивом особняке жила знакомая моей мамы – тётя Рита. Вход у них был со двора по ступенькам вниз, хотя окна выходили на улицу и были вровень с тротуаром. С её сыном Вовкой я подружился и, мы с ним ходили вместе на поле собирать колоски и мёрзлую картошку. Впоследствии оказалось, что это родная сестра моей тёщи, т. е. наши родственники, а Вовка – двоюродный брат «моей» Ираиды.

Далее улица выходила на ровное место и гдето, не доходя до Русских Фольварков, слева находилось кладбище, где впоследствии были похоронены дедушка и бабушка Ираиды (со стороны матери). Их я, кажется, однажды видел, но знаком не был. Однажды, во время очередного отпуска мы на этом кладбище были, но без проводника – могил их, увы, уже не нашли...

Напротив нашего дома стояла разрушенная церковь – кирха (впоследствии, там соорудили плавательный бассейн).

Далее находился сад, принадлежащий Дворцу Пионеров, который стоял на углу улицы, параллельной нашей улице Шевченко, имеющей, кажется название Ленинградской (или Комсомольской?).

Чуть дальше в середине следующего квартала внутри находилась начальная школа, где я учился в четвёртом классе. На следующей параллельной улице слева находился Дом

Офицеров, а где-то дальше тоже слева располагалось танковое училище, где учился будущий муж моей племянницы Наташи (но это было много позже описанных событий).

Когда мы приехали в город, то ещё не исполнилось и года, как его освободили. В парке были вырыты канавы, около которых лежали огромные (метровые в диаметре) трубы, в которые, иногда, мы забирались. Кроме того, кругом валялось большое количество винтовочных патронов. Мы любили их подрывать. Правда, мы, к счастью не догадались гвоздём бить по капсюлю, а поступали следующим образом: у одного патрона отворачивали пулю, добывая россыпь пороха, а у другого гвоздём пробивали дырку.

Клади патрон у основания большого дерева. К отверстию ленточкой насыпал часть пороха из опустошённого патрона, длиной около метра-полтора. Конец этой ленточки поджигали. И, пока порох догорал, все ребята разбежались и прятались за деревьями. Порох в патроне загорался и патрон взрывался. Причём, пуля могла лететь в любую сторону. К счастью, никого из ребят пуля не достигла, а также не затронула случайных прохожих, которых в парке было достаточно.

Однажды, в парке я подобрал, кажется, гранату и из-за озорства бросил её. Осколком мне оторвало кусок указательного пальца правой руки, потекла кровь, все разбежались, и только сестрёнка довела меня до поликлиники, которая находилась почти в километре от места взрыва, вверху, почти у начала города.

Вначале, сгорая, я стал отсасывать кровь и, вероятно, напился её столько, что мне стало плохо, я стал белым как полотно. Вызванная в поликлинику мама, сама чуть не упала в обморок, увидев лужу крови около меня (вероятно, с тех пор я не переношу вида крови – мне становится почти всегда плохо – иногда, я даже теряю сознание). Хорошо, что осколок не затронул ногтя и, вообще, я остался живым. Но отметина осталась на всю жизнь: на указательном пальце правой руки, на первой фаланге, у меня не хватает кусочка.

В старом городе, по слухам, было зарыто где-то золото и мы, ребяташки, пробирались туда, благо, что там в то время не было жителей. Мы бродили по развалинам домов и искали, искали... , но ничего не находили.

Был в старом городе колодец, глубиной больше 100 метров: бросишь камень и считаешь – сколько секунд он летит до воды. Хорошо ещё, что мы не полезли внутрь его.

Католическая церковь и исламский минарет, кажется, не были разрушены, но массивные железные ворота закрывали входы в них. Мы ограничивались разрушенными домами.

Ещё мне на всю жизнь запомнилось лазанье по скалам. Это было какое-то повальное увлечение у всех ребят. Спустившись вниз, мы снизу вверх пытались подняться как можно выше по неприметным выступам. Однажды, я поднялся так примерно до половины высоты скалы, бравирюя своими способностями. Подняться я поднялся, а ведь надо было спускаться. А я забыл, как я там очутился. Я стою на ма-

леньком уступе и не знаю, куда ставить ногу, чтобы начать спуск. Снизу кричат, чтобы я ставил ногу туда или сюда, помогая мне. Я стоял довольно долго (мне казалось – прошло несколько часов), слёзы навёртывались на глаза, ветер хотел меня сбросить вниз, хотелось выть волком. Я уже решил прыгать вниз, хотя в этом случае, я бы точно разбился бы о камни насмерть.

Наконец, решившись, скрипя зубами, вжимаясь в камень, я метр за метром стал медленно спускаться вниз. В этот раз мне это удалось.

Внизу у меня отнялись и руки, и ноги. Затем меня трясло некоторое время. Редко, но мне до сих пор иногда снится этот эпизод.

Из этого случая я на всю жизнь сделал вывод – подниматься «вверх» всегда намного легче, чем спускаться «вниз».

Подобный случай повторился через несколько лет в Коктебеле, когда я был уже взрослым.

Сынишка Олег свободно забрался на скалу и потом слез, а я залез, а слезть сразу не мог.

Хотя был и другой случай, в Астрахани.

Чтобы открыть захлопнувшуюся дверь, мне пришлось перебраться по карнизу пятого этажа с балкона на балкон, расположенных друг от друга на расстоянии нескольких метров. Но почему-то (вероятно, был молод) тогда я не боялся.

Когда мы приехали в Каменец, я быстро освоил город и хорошо в нём ориентировался. Я помню, что недалеко от нас

располагался кинотеатр, а дальше на углу была гостиница, против которой была оформлена могила генерала Ватутина, погибшего от вражеской бомбы на этом месте.

Дальше целый квартал был пустым, занятым сквером, в центре его находился фонтан. Через дорогу вверх также был сквер. Отсюда поперечная улица с большим уклоном вниз вела влево к мосту в старый город. Вверх и дальше через несколько кварталов приводила к знаменитому рынку и чуть дальше влево к вокзалу.

Параллельная нашей улице Шевченко – улица Комсомольская. На противоположном гостинице углу находился продуктовый магазин. Напротив сквера с фонтаном был ещё и сквер с памятником танкистам, освобождавшим город (танком на постаменте), а напротив этого второго сквера находилась площадь и здание горкома партии (построенного много позже). На углу второго сквера по Комсомольской улице стоял двухэтажный промтоварный магазин, а выше вверх находился второй кинотеатр, куда впоследствии мы часто всей семьёй ходили.

Все эти улочки и скверы в моем мозгу запечатлелись так крепко, что я вижу их, как на карте большого масштаба...

Когда немцы заняли город, они согнали со всех мест евреев, а также некоторое количество привезли из других мест. Колонну евреев взрослых мужчин и женщин, стариков и детей они прогнали по улице Шевченко в конец, в район Русских Фольварков, и где-то там их всех расстреляли, а также

расстреляли наших военнопленных. Всего их было более 80-ти тысяч человек. Местные жители рассказывали, что, когда колонна проходила, многие несли с собой вещи, почувствовав недоброе, некоторые стали выбрасывать их в сторону, где стояли жители.

Так как в старом городе жили, в основном, евреи, то они собрали некоторое количество золота, и пытались откупиться, но немцы золото взяли, однако, своих обещаний не выполнили. Все евреи были собраны и потом расстреляны. Вот почему ходили упорные слухи, что оставшееся золото евреи спрятали где-то в старом городе. Из старого города мимо церкви и минарета дорога выходила на плотину, в которую была вмонтирована электростанция, питавшая электроэнергией весь город. Но когда мы приехали, я до плотины не доходил и не знал, что она имеется: это много лет спустя мы были и на плотине, и в крепости.

С плотины влево вверх была дорога в старую крепость, обнесённую многометровыми земляными валами. По углам крепости стояли высокие башни. В одной из них при въезде слева несколько лет томился народный герой Кармелюк. Башня находилась над обрывом, высотой примерно метров 150–200. Внизу протекала та же речка Смотрич. Надо сказать, что из этой башни Кармелюк несколько раз бежал, спустившись с обрыва. Вода с плотины и вода речки соединялись за плотиной, текли дальше, мимо башни Кармелюка, и через несколько километров впадали в реку Днестр, по ту

сторону которого находилась Бессарабия. До войны (до 1939 года) по ней проходила граница. Поэтому город был приграничным. Сам город в то время числился областным центром, и только после войны областным центром стал Проскуров, переименованный потом в Хмельницкий.

В Каменец – Подольском жил писатель Беляев, который написал роман «Старая крепость», по мотивам которого была снята картина «Тревожная молодость». В городе некоторое время, в молодости, жил и начал работать Павел Корчагин. Сейчас город полностью восстановлен и благоустроен, построены хрущёвские пятиэтажки.

Однажды, весной, я копал огород. Полагающийся нам огород находился прямо против крыльца. У всех жильцов были свои, закреплённые за ними участки, так что из окон комнаты и кухни вид на огород был, как на ладони. Так среди чернозёма земли мне встретился большой серый, почти белый комок, который являлся образованием будущего камня – его зародышем. Мне впервые в жизни пришлось наблюдать зарождение камня. Признаюсь, что тогда я обратил не очень большое внимание на этот эпизод. Но много лет спустя я увидел по телевизору, как в горах Кавказа на полях каждый год появляются камни, я его вспомнил и понял, что камни могут зарождаться и возникать из ничего: там, где для них есть соответствующие условия. В Каменец-Подольском такие условия были: он стоит на скальных породах.

Мама сразу же устроилась на работу в школу.

А мы с сестрёнкой Ритой были предоставлены сами себе. Мы не были беспризорниками в прямом смысле этого слова, но свобода – опьяняла...

Слева от огорода проходила тропинка к общественному туалету. Около огорода по линии дома в 10 метрах находился в то время уже заброшенный колодец, недалеко от которого я и обнаружил зарождающийся камень. Чуть дальше вверх рос огромный тутовник. Чуть ниже колодца слева находился подвал, врытый в землю. Он был рассчитан на две семьи. Там мы летом хранили сметану, молоко и т. п., а также всякую нежную мебель и утварь, а в самом начале – дрова.

Следующий дом по поперечной улице находился в метрах пятидесяти, и был одноэтажным.

Глухая его стена выходила на наш и соседский огороды. Вдоль этой стены росло несколько плодовых деревьев – алычи. Деревья были настолько большими, что верхушки были выше крыши, и я часто, чтобы избежать заслуженного наказания, взбирался по ним на крышу и там прятался, лёжа на краю железной крыши и упираясь в жёлоб. Сначала мама не знала, где я прячусь, а затем, узнав, приходила к дому и просила меня спуститься оттуда и не разбиться. Тем самым я часто избегал наказания.

В Каменец-Подольском я продолжил учёбу в 4-ом классе. Пришлось осваивать украинский язык, который почему-то мне не давался. (Это потом принято было решение, что дети военнослужащих не обязаны изучать местный язык).

По приезде в город, я прожил менее четырёх месяцев.

Мне было 11 лет, когда я сбежал из дома на фронт к отцу. А потом я приезжал в Каменец-Подольский к маме и Рите только на каникулы, а затем и в отпуска. Но это было уже после 51-го года.

Обида на отца за то, что он бросил маму, руководила ею всю жизнь. Также сильно она была обижена на меня, за то, что я убежал к отцу на фронт. Она не раз обвиняла меня в предательстве, в том, что я предпочёл отца, и т. д. и т. п. Соответственно, и она и Рита считали, что я за содеянное, должен быть обязанным, и находиться перед ними в долгу...

А, ведь, БАТЯ платил на Риту алименты, кроме того, помогал при каждом обращении Риты к нему за помощью, а также содержал меня и Женю...

А теперь слово взяла Я – Ираида Владимировна.

Не удержалась, хотя мои воспоминания о Каменец-Подольском относятся к более позднему периоду – 1961 году, когда мы Виктор уже были женаты и он привёз меня первый раз в Каменец-Подольский.

Но уж очень хочется рассказать о моих незабываемых впечатлениях, которые произвела на меня эта первая и многие другие поездки в Каменец-Подольский – этот тёплый и родной Виктору – город.

Итак – 1961 год. Украина. Каменец-Подольский.

Каждый год мы ездили весной на Украину, а осенью в Бе-

лоруссию. Это были незабываемые поездки: сначала с грудными детьми, собаками, палатками, примусами и сковородками, позже – с маленькими внуками и всё теми же причинами. Это то, что касается поездок на машине, а до того, когда мы были ещё «безлошадными», мы добирались на поездах и автобусах...

Почему Украина и Белоруссия? Ну это очевидно: на Украине, в Каменец-Подольском жила Витина мама, а в Бресте – Батя.

Все поездки осуществлялись в одни и те же сроки. Весной мы использовали майские праздники, присоединив к праздничным дням все отгулы и, если их не накопилось, то брали несколько дней за свой счёт. А осенью – ноябрьские праздники. Мы ездили в Брест. С Батей было проще – он был на нашей свадьбе, вот с Витиной мамой и сестрой были сложные отношения. Вера Николаевна и Анатолий Евстафьевич разошлись ещё в годы войны. Он просто к ней не вернулся. Виктор, будучи одиннадцатилетним мальчишкой убежал к отцу на фронт и тоже больше к матери не вернулся. Она приезжала к нему в Дзержинку, когда он уже начал работать и жил в общежитии. Но это не наладило их отношений до уровня теплоты и доверия. Витина мама упрекала его за то, что он их бросил. Они, т. е. мама и сестра Рита считали, что Витя все эти годы купался в довольстве и достатке, променяв их на сытую и, как они предполагали, богатую жизнь. Хотя Батя регулярно им помогал и высылал посылки с отрезами

тканей и подарками для Риты. В общем, они считали Виктора предателем и не могли этого простить ему всю жизнь.

Кроме того, было и еще одно событие, которое наложило ещё более негативный отпечаток на их отношения – это наша свадьба. Виктор долго думал, как выйти из этого положения и ничего не придумал... Если позвать маму, Батя обидится и не приедет. И, хотя Вера Николаевна очень хотела увидеть Остапыча, Виктор предполагал, что ничего хорошего из этого не получится и пригласил только отца. Матери он даже не сообщил, что женится. Об этом они узнали от моих тёток, которые проживали тоже в Каменец-Подольском. Обиды выросли в кубе.

Тем не менее, мы получили письмо с поздравлениями и приглашениями приехать в гости. Сразу же воспользоваться приглашением мы не могли по целому ряду событий. Мы поженились в ноябре 1959 года. Летом 1960 года, 22 июня погиб мой брат. В августе я сдавала приёмные экзамены в институт и была принята в Менделеевский химико-технологический. А 27 августа я родила маленькую Ёлочку.

Зимой работала и училась. Но всё пережитое наложило на меня такое тяжёлое впечатление, что нервы не выдержали и, правда с опозданием, но случился нервный срыв, и я попала в больницу – местное физиотерапевтическое отделение. Экзамены в весеннюю сессию я не сдавала, и пришлось брать академический отпуск...

Все подробности этих событий включены в последующие

книги нашей саги – «Энциклопедия наших жизней». Если я не ошибаюсь, первый раз на Украину мы поехали летом 1961 г.

Маленькую Стэллочку мы оставили у моих родителей. Днем её носили в ясли, а вечером её забирали деды. Мы с Виктором получили возможность чуть ли не один единственный раз из нескольких случаев за всю прожитую жизнь отдохнуть без детей.

Мы ехали на Украину поездом. Я не помню, кто нас встречал, знаю только, что Вера Николаевна ждала нас дома.

Дом – это старое холодное сооружение из крупного камня, рассчитанное на две семьи. Но в доме жило несколько семей, т. к. заселены были и полуподвальные помещения. Вход к семье Дудко был со двора. По каменным ступеням надо было подняться на широкое крыльцо, откуда вело две двери в сени одной и другой квартир. Из сеней или, правильнее сказать – коридорчика, дверь направо вела в верхнюю половину дома, состоявшую из трех комнат. Поскольку кухни не было, первая комната была приспособлена под неё. Справа стоял в углу – баллон с газом. Рядом – плита, потом столик для готовки. Не помню что стояло в середине комнаты – то ли печка, которой никогда не пользовались, нет, скорее всего большой стол, на котором стояли кастрюли, мылась посуда и т. д. За столом вдоль стены стояли вёдра с водой, помойное ведро, в которое бегали ночью по нужде и ещё какая-то хозяйственная утварь.

А печка, действительно была в углу. И обогривала она все остальные комнаты тоже, выходя в каждую из них одной из своих сторон.

В дальнем левом углу кухни стоял холодильник.

Из кухни входили в столовую, где стоял в правом углу – сервант, а дальше – диван, на котором спала Вера Николаевна, когда приезжали гости. Посредине комнаты стоял стол, который можно было раздвинуть и усадить за ним кучу гостей. Одно окошко, также как и в кухне, выходило во двор, а второе – на дорожку, которая вела на улицу. И, наконец, последняя комната – спальня Веры Николаевны. В углу стоял разложенный диван. По левой стене – шкаф с книгами. В основном это были учебники по географии, которую преподавала Витина мама. По моему было ещё трюмо, но точно не помню.

Окно выходило на улицу. Через дорогу располагался старый заросший парк. Высокие разросшиеся деревья диких каштанов и грецких орехов. В парке петляло множество узких корявых тропинок, которые все выходили к крутому берегу реки – Смотрич, которая через несколько километров впадала в реку Днестр, по которой до 1939 года проходила государственная граница.

Окна в доме никогда не раскрывались и были упакованы старой потемневшей от времени и пыли ватой, поверх которой были разложены ёлочные игрушки. Нас поселили в этой комнате. Поскольку открывать окна не полагалось, мы

открывали форточки. По утрам в них просачивался свежий воздух из парка и вместе с ним монотонное гуканье горлиц – диких голубей.

В этом доме прошёл кусочек Витиного детства на Украине.

Я не могу жаловаться на Веру Николаевну. Мне повезло. Со свекровью жить не пришлось, кроме коротких встреч во время наших приездов.

При Вите она вела себя больше задумчиво, чем агрессивно. Но, когда я оставалась одна, она спешила выговориться и выплескивала все свои горькие обиды. Я пробовала что-то возражать, оправдываться, но она не слышала меня – так велика была её материнская боль, может быть, частично обоснованная. Все мы были в юности, да и в детстве тоже, немного жестоки по отношению к близким. Все свои обиды, которые Вера Николаевна и Рита накопили на Остапыча, они перенесли на Виктора и при случае как-то пытались это показать...

Это всё я рассказала для того, чтобы обрисовать обстановку, тем более, что она не менялась год от года. И каждый раз, когда мы приезжали на Украину, мы заставляли одно и то же. Здесь ничего не менялось...

В памяти об этих поездках у меня остались самые тёплые впечатления. Может быть потому, что я прожила в детстве несколько лет в Киеве и сама атмосфера Каменец-Подольского навевала на меня уйму неосознанных воспомина-

ний. Выше улицы Шевченко, на которой стоял этот старый дом, располагалась ещё одна улочка, а выше – ещё одна. И весь этот район был разбит на кварталы, разделёнными друг от друга тротуарами и не широкими дорогами, вымощенными не асфальтом, а брусчаткой. Камни были по краям иссечены временем и ручьями, сбегавшими во время дождей сверху – все эти улочки тянулись куда-то вверх. И каждый камень брусчатки в середине был отполирован миллионами ступней, прошедших по ним за их вечность. Мне казалось, что от каменных покрытий тротуаров исходит тепло, а в солнечную тёплую погоду, наверняка так и было. И когда я вспоминаю Каменец-Подольский, закрыв глаза, я вижу перед собой эту улочку, слева от нашего дома, по которой я ходила в магазин, именно эту и эти тёплые камни. И у меня возникает до щемящей боли желание пройти по этим камням босиком, ощутив их теплоту так, чтобы подошвами ног вспомнить далекое прошлое...

И ещё мне запомнились в Каменец-Подольском привозы. Каждую субботу и воскресенье, из всех пригородных сел, а иногда и из дальних – из смежных областей Украины: из Бессарабии, из Приднестровья, из Молдавии, в город съезжались крытые грузовики с товарами. Это был самый дешёвый рынок промтоваров. Почти в центре, на майдане располагался рынок, состоящий из двух больших территорий. На одной располагались крытые павильоны: рыбный, мясной и молочный. А на свежем воздухе протянулись рядами при-

лавки с навесами. Там продавали овощи, фрукты и т. п. товары. В выходные и праздничные дни продуктов продавали столько, что мест на прилавках уже не оставалось, и рынок распространялся по земле – везде, где только было можно, так что приходилось перешагивать через сумки и мешки с овощами.

На второй половине рынка, представлявшей собой большую площадь, в будни было пусто, стояло лишь небольшое количество грузовых и легковых машин. Зато в дни привоза там тоже было не протолкнуться. Сельские машины занимали места вдоль всего периметра забора и рядами по площади. Перед машиной устанавливались колья, к которым привязывали верёвки. Это было ограничением для площадки, на которой стелился брезент и выкладывались товары. Чего тут только не было: трикотаж модный, бельё, посуда, домотканые ковры из Молдавии, импортные товары и т. д. и т. п. Учитывая, что в Москве такого обилия не было, мы ходили на этот рынок в дни привоза, как на выставку. У нас всегда была с собой небольшая сумма денег, ассигнованная для покупок. Но сумма была, как правило, небольшая, а купить хотелось и то и то... Поэтому мы очень долго ходили по этому привозу, пробиваясь сквозь толпу, поближе к машинам и высматривали и – приценились... И, наконец, мы что-нибудь покупали себе, а чаще – детям. Я помню, как в одну из поездок именно здесь мы с Витей купили себе болоньевые плащи, которые только вошли в моду.

Не менее любопытными были походы на продуктовый рынок. Когда мы приезжали в Каменец-Подольский, все расходы на питание мы брали на себя. Но на рынок мы ходили с Верой Николаевной. Она учила меня выбирать продукты, а я расплачивалась. Но картина «выбора» продуктов напоминала эффектную сцену из жизненного спектакля.

В мясном павильоне прилавки были закрыты с внешней стороны стеклянными витринами, на которых сверху были наложены куски мяса. Вера Николаевна сначала несколько раз проходила вдоль прилавка туда и обратно в толпе таких же медленнодвигающихся женщин, а иногда и мужчин. Присмотрев то, что показалось достойным вниманием, бабушка Вера кидалась к прилавку и запускала всю пятерню в кусок мяса. Но, т. к. кидалась к этому куску не только она, в мясо вцеплялась нередко и чужая рука какой-нибудь тётки. Тогда начинался спор, кто первый выбрал этот кусок. Наконец, овладев добычей, бабушка Вера начинала его щупать в полном смысле этого слова. А в процессе ощупывания бабушка начинала торговаться... В конце концов, ей удавалось немножко выторговать стоимость покупки, и мясо отправлялось в сумку.

Но самой любопытной процедурой была покупка сметаны. В молочном павильоне на открытых прилавках были выставлены баночки с деревенской сметаной такой густоты, что ложечки в них стояли перпендикулярно, не опускаясь вглубь банки. Вера Николаевна начинала с крайней селянки, спра-

шивала – "А почём ваша сметана?" и протягивала ей руку тыльной стороной вверх. Селянка мазала ей по руке сметаной. Бабушка медленно слизывала эту сметану с руки, закатывала глаза в раздумье вверх, потом в сомнении качала головой и... переходила к следующей продавщице. И так она проходила вдоль всего ряда. Я каждый раз думала, что она должна была, после такого количества проб, обещаться сметаной на всю жизнь... Но нет, этот спектакль повторялся каждый раз и всё в той – же последовательности. Наконец, когда сметанный ряд кончался, Вера Николаевна уверенно направлялась к одной из селянок и говорила мне – "Вот эта сметана самая лучшая". И мы покупали одну или две банки густой вкуснейшей сметаны. Потом мы так же выбирали творог и яички.

На открытом базаре мы докупали фрукты и овощи. Их продавали кучками, на десяток. Молодая картошка была очень дорогая и продавалась тоже кучками.

Закупив всё это, мы проходили к дальней дощатой стене базара, вдоль которой расположились продавцы с живностью. Бабушка выбирала кур... Ей их показывали кур, держа за лапы, головой вниз. Курица била крыльями, но её держали крепко и вырваться она не могла. Бабушка щупала курицу, заглядывала в её жопку.

Определяя не жирная ли она от старости, затем опять длились торги... Причём оценка курицы бабушкой и торговкой была настолько противоположной, что я по наивности дума-

ла, что зачем покупать такую плохую курицу, как говорит бабушка? Наконец, торговка обиженно умолкала и отворачивалась. Бабушка Вера отходила в сторону, а через некоторое время возвращалась и спрашивала – "Ну так как уступишь за этудохлую курицу?" Ей уступали... И курица запихивалась в верёвочную сетку, в которой ей было очень неудобно... С тяжёлыми сумками мы возвращались домой с победой...

Когда я ходила одна на рынок или с Витей, я не торговалась. Во-первых – не умела, а во-вторых стеснялась, не знаю почему, но меня смущала уверенность торговков. Кроме того, русских там не любили. Часто могли просто не ответить на вопрос и отвернуться, если спрашивали по-русски. У бабушки уже выработался местный акцент и слова перемежались русские с украинскими. А мы с Витей были настоящими кацапами...

В Каменец-Подольском много исторических мест. Это и Старый Город, расположенный на другом берегу речки Смотрич. И Старая Крепость, сохранившаяся на высоком холме, может быть – горе...

Особенно сильное впечатление на меня произвели рассказы о том, как немцы во время войны производили массовый расстрел евреев. Их вели через весь город, на окраину, где раскинулся широкий и глубокий ров. Евреи шли нескончаемой вереницей, покорно, понуро, поддерживая друг друга. Им не на что было надеяться. Они были обречены. Говорят, охраны было немного. Немцы патрулировали по обеим сто-

ронам колонны на большом расстоянии друг от друга. Тем не менее, никто из движущейся толпы не пробовал бежать или сопротивляться.

Рассказывают, что немцы обратились к местным богатым евреям и предложили заплатить выкуп за Каменец-Подольских евреев. Было собрано много золота и других драгоценностей. Но немцы обманули. Золото взяли, но вместе с ним арестовали и местных.

Я не помню, как называется этот ров. Мы туда не ездили. Наверное, там должен быть построен мемориал... Вечная им память...

ЧАСТЬ 4

Побег на войну

На фотографии, в нижнем ряду – Виктор с отцом (отец – слева).

На оборотной стороне фотографии рукой отца написано: – Г. Величка Польша июль 1945 г. ИНТЕН-
ДАНТСКИЙ ОТДЕЛ 38-ой АРМИИ. ПО ДОРОГАМ
ВОЙНЫ. События 1945–1948 г.г.

В Каменец – Подольском я задержался ненадолго, хотя сам об отъезде я никогда и не помышлял.

Однажды к нам зашёл молоденький сержант. Он привёз весточку от отца. Рассказывал нам о боях, победах и о потерях, о солдатской верной дружбе...

И, чем больше он рассказывал, тем сильнее мной овладело острое желание увидеть всё своими глазами. Мне было 11 лет и, естественно, никаких трудностей между желаемым и действительностью я не видел. Решение созрело быстро. Отец был где – то рядом, на 4-ом Украинском фронте. Я хочу его увидеть и должен его найти. Я не помню, как я сумел уговорить сержанта взять меня с собой, тем более, что только часть дороги нам была по пути.

Матери и сестрёнке я ничего не сказал. Таким образом, из дома я сбежал на фронт.

День Победы я встретил на фронте. Казалось бы, в этом моём неординарном поступке, все события должны были сохраниться ярким воспоминанием. Но мне было всего 11 лет и, к сожалению, в памяти осталось далеко не всё, что я видел и узнавал. Поэтому мой рассказ состоит из отрывочных воспоминаний, которые чётко врезались в мою детскую память.

От города Каменец-Подольского до города Проскурова (ныне город Хмельницкий) по старой разболтанной одноколейной железной дороге регулярно ходил пассажирский поезд, которым мы и добрались до станции вблизи Гречаны. Там уже регулярно проходил поезд, идущий до города

Львов.

Как мы добирались до Львова, покупали ли билеты – этого я не помню, но во Львов мы попали.

Когда поезд подходил к станции, мы на обеих платформах увидели большое количество людей, большинство из которых были местные жители. Нам объяснили, что все они (как бы сегодня назвали – ехали с каким-то товаром с целью осуществить бартер) хотели что-то обменять на еду, а некоторые везли еду в обмен на какие-нибудь товары.

Вокзал тоже был забит людьми. Сержант сбегал к коменданту и получил информацию, что поезда, кроме как из Киева, ходят нерегулярно, что вскоре подойдёт поезд на Перемышль, но на него давно нет билетов. Комендант только отметил сержанту в предписании дату прибытия во Львов. Мы вышли в город. Львов запомнился как город с узкими очень чистыми улочками, выложенными булыжниками.

Из Львова дальше нам надо было попасть в город Перемышль, который тогда был уже в Польше. Поезда туда ходили нерегулярно. Решено было ехать без билетов – на подножках вагонов. Этот вариант нам подсказали некоторые военнослужащие. Однако, желающих ехать было очень много, причём у всех имелась какая-нибудь поклажа – чемоданы, мешки, узлы и другие вещи. У меня ничего не было, а у моего сопровождающего – солдатский вещмешок. Это существенно облегчало нам процесс запрыгивания на подножку и зацепления за поручни движущегося вагона. Пассажир-

ские вагоны поезда были старого довоенного типа, с почти плоскими крышами, с трубами посередине вагона. У некоторых вагонов имелись лесенки, ведущие на крышу. Попасть на подножку подобного вагона считалось огромной удачей, так как можно было подняться наверх на крышу и там, уцепившись за трубу обеими руками, немного отдохнуть, и даже, иногда, и поспать. Подножки у вагонов были низкими, а дверь в тамбур вагона была несколько утоплена внутрь вагона, что позволяло разместиться на подножках несколькими людям. Когда началась посадка на поезд, то проводники буквально «грудью» стояли у входа и никого не пропускали без билетов. Можно было наблюдать, как некоторые пассажиры, буквально, влезали в узкие окна вагонов (много лет спустя в одном из кинофильмов была показана такая посадка в старый вагон!).

Мы находились в предгорьях Карпат. Дорога была не прямая и, кроме того, она – то шла в гору, то – под гору (скорость поезда в этом случае обычно возрастала). Запомнился мне такой эпизод.

Поезд подходил к какой-то станции. Издали было видно, что там выставлено оцепление с обеих сторон. Вёз нас паровоз типа «Овечка» – маневровый, слабенький, других просто тогда не было. Он долго и медленно тормозил. С подножек посыпались «зайцы». Когда поезд подошел к перрону, на подножках уже никого не было. Большинство «зайцев» в обход станции по путям ушли вперёд, чтобы можно было на

ходу вскочить на подножку, когда поезд, медленно, набирая скорость, отойдёт от перрона за сцепление. Мы последовали примеру остальных. Причём, люди помогали друг другу, не отталкивали.

Мы ехали в предгорьях Карпат. Станции и полустанки всегда находились на ровной площадке, а дорога шла вдоль холмов то вверх, то вниз. Начиная движение, паровоз сначала сдавал назад, а затем двигался вперёд, причём колёса вращались быстро – быстро, проскальзывая по рельсам, и только потом, медленно, набирая скорость, поезд начинал движение вперёд.

Недалеко от границы, наконец, мы попали внутрь вагона. Кругом были только одни военные.

В нашем вагоне – солдаты. Я для них как весточка из дома. Угощали всем, чем могли. Когда пересекали границу, а она была уже закрыта, пересечь её можно было, имея соответствующие документы, которых у меня, естественно, не было. Все это знали. И, когда в вагон зашёл патруль для проверки документов, ребята предложили мне залезть под нижнюю полку (в этих старых вагонах под всеми нижними полками было пустое пространство такое, что можно было просмотреть вагон из конца в конец) и там затаиться. Когда патруль подошёл к нашему купе, ребята встали и сапогами закрыли меня, по очереди предъявляя проездные документы. Таким образом, мне удалось пересечь границу.

Я оказался на территории Польши. Поезд пришёл в Пере-

мышль. Перед войной Перемышль входил в состав СССР. В первый день войны немцы заняли город, однако, пограничники, совместно с прибывшим подкреплением освободили его и удерживали ещё семь дней.

По Польше мы продвигались, кажется, на попутных машинах. Дальше я помню понтонную переправу через пограничную довольно широкую реку Одер. Переправились мы через Одер с польской стороны на – немецкую.

Наконец, я в Германии! Стою я рядом с девушкой – регулировщицей. Мой сопровождающий, сбегав куда-то, сказал, что ему дальше прямо, а мне налево в сторону Чехословакии, где сейчас находится 4-ый Украинский фронт. Так я и остался стоять рядом с регулировщицей.

Маленький мальчишка вызывал у проезжавших массу вопросов. Мне повезло: остановилась легковая машина, кто-то спросил у регулировщицы, что за пацан стоит рядом с ней.

Она сказала, что этот мальчишка ищет отца в пределах 4-го Украинского фронта. В машине ехал начальник штаба 38-ой армии 4-го Украинского фронта генерал Епишев, который забрал меня с собой. Мы поехали в направлении Чехословакии. Сколько мы ехали и как ехали, я не помню. Приехали в город Моравская-Острава.

Помню большую комнату (сейчас я бы назвал её кабинетом), я стою в дальнем углу её, а прямо против входной двери длинный стол, за которым сидел генерал. Он вызвал помощника и приказал – «найти, и привести капитана Дудко».

Через некоторое время открывается дверь и входит стройный высокий военный.

– Товарищ генерал по вашему приказанию капитан Дудко прибыл – отрапортовал он.

– Капитан, вы никого не узнаете в этой комнате? – спросил генерал.

– Нет – оглядываясь, – ответил он.

Мы не виделись с конца 41-го года, когда мне было семь лет, а сейчас был 45-й год, война кончалась, и мне уже в феврале исполнилось – 11 лет, за это время я немного подрос, да и не мог он предположить, что я появлюсь здесь. Поэтому, не удивительно, что он сразу не узнал меня. (Кроме того, вызов к высокому начальству переполошил всё вышестоящее руководство отца, да и лично его самого тоже).

– Это Ваш сын – указывая на меня, сказал генерал.

А я бросился к отцу на шею. Радость моя была безмерной. Больше мы с отцом не расставались.

КУТНА – ГОРА, МАЙ 1945 г. Отец – в верхнем ряду крайний слева

Дальше Моравской-Остравы штаб 38-ой армии, а именно в нём служил отец, не продвигался.

Отца позже наградили чехословацким орденом – медалью «За храбрость». Война для 4-го Украинского фронта с официальным сообщением об окончании войны не закончилась. Ещё почти месяц пришлось очищать территорию Чехословакии от немецких групп и укрепрайонов (ведь, немцы, в первую очередь, аннексировали большую часть Чехословакии).

Некоторое время мы пробыли в городе Моравская-Острава. Здесь я впервые увидел живых фрицев. Я помню, как пленные немцы цепочкой друг за другом, без конвойных, шагали на какие-то работы по бровке, рядом с тротуаром (немцы всегда были дисциплинированными). В каждой группе было не больше десяти человек. На тротуар они никогда не заходили, на робах у них были круги, как на мишенях. Местные жители их не любили. С нашими солдатами у них были нормальные отношения.

Ещё мне запомнилось, что улицы и тротуары в городе, дорожки в скверах и парке всегда были чистыми: ни мусора, ни грязи.

Моравская-Острава 1944 год Мой отец – Анатолий Евстафьевич Дудко и я – Виктор

Моравская Острава 1944 год

На фотографии слева – мой отец Анатолий Евстафьевич Дудко и я.

Мне сшили или, может быть, подобрали военную гимнастёрку и брюки.

Я стал похож на солдата, только у меня не было погон.

В ночь с восьмого на девятое нас разбудили выстрелы и крики. Оказалось, что кончилась война и мы победили, хотя как я уже упоминал, что войска 4-го Украинского фронта ещё почти месяц вынуждены были воевать (конечно, было обидно погибать, когда всё кончилось!).

Генерал вызвал нас обоих к себе и сказал, что составляются списки для награждения всех участников медалью «за Победу», и предложил включить меня в них. Отец ответил, что в боях я не участвовал, сыном полка не был, а всего лишь сбежал из дома на фронт к отцу, и всё время был рядом с ним, награды он не заслужил, а поэтому награждать его не стоит. Хотя мне, как мальчишке, конечно, хотелось покрасоваться медалью, но тогда я полностью был согласен с отцом.

– Не стоит, так не стоит – согласился генерал...

Затем армия стала возвращаться домой на Родину. Двигались мы по югу Польши. Первое, что запомнилось мне – это город Краков. Сам город я не помню (в него мы не въезжали).

А помню красивый огромный замок, большой пруд, высокие деревья, ветви которых свисали прямо в пруд (вероятно, – ивы), ровные и чистые широкие дорожки, вдоль которых ровными рядами стояли, кажется, тополя.

Больше ничего не запомнилось.

Потом мы несколько дней находились в небольшом городке Величка. Он запомнился тем, что рядом были соляные шахты. Все побывали в них, но меня, как я не упрашивал, не взяли: маленьких в шахты не брали.

Отец много и интересно рассказывал, как там было интересно. От света фонарей стены штреков светились разноцветными огоньками, было сухо и светло, температура была постоянной и, говорят, целебной, если не идёт добыча со-

ли. Шахтёры здесь выдерживали несколько лет, а затем либо уходили на пенсию, либо, заболев, умирали от болезни лёгких.

Поляки, в большинстве своем нас, советских, не любили, и старались чем-либо навредить. Так рассказывали об отравлении нескольких солдат, которых напоили водой.

Здесь у меня проявились коммерческие наклонности. Вместе со штабом переезжал военторг. В нём было всё, но товары отпускались только военнослужащим. Я в него заходил, как свой, а продавщицы пускали меня за прилавок.

Однажды один поляк попросил меня купить ему расческу. При этом денег (злотых) он дал больше, чем она стоила, а сдачи он не взял и даже благодарил меня. Мне это понравилось, и я стал для поляков по их просьбам, приобретать всякие мелочи (я никогда не брал вещи, не заплатив их истинную цену). Спустя некоторое время у меня скопилась приличная сумма в злотых, которую я захотел отправить маме на родину. А как это сделать я не знал. Я пришёл на нашу почту, в руках у меня довольно большая пачка злотых, а мне всего 11 лет, и на почте я впервые. Я стал спрашивать, и пока я спрашивал, вызвали отца. Он пришёл и осуществил своё расследование. Затем провёл со мной политико-воспитательное мероприятие, а не беседу. После этого я в своей жизни никогда не интересовался никакими коммерческими вопросами: это был урок на всю жизнь.

К концу августа 1945 года и начала сентября армия вер-

нулись в Союз. При переходе границы нашу колонну обстреляли, говорят – бендеровцы.

Остановились мы в городе Станиславе (ныне – Ивано-Франковск). Здесь мы жили в одном из трех трёхэтажных зданий, находившихся прямо напротив товарной станции. Прожили здесь более двух лет, пока отец не уехал служить в Германию...

Так завершился определенный этап моей жизни.

Однажды в городе Величка офицеры штаба (и я с ними) 58-ой армии сфотографировались на память. Спустя много лет, эта фотография из альбома моего отца перешла ко мне. Смотрю на неё и многое переживаю заново.

Будучи взрослым, в дни Победы я не один год ездил сам, а позднее с детьми, в парк Горького. Я часами стоял, держа эту фотографию в руках, или ходил и разыскивал среди таких же как я, отцовских и своих однополчан. Но, к сожалению, ни разу никого не встретил...

Я решил продолжить поиск через газету.

В январе 2005 года мы с Ирой подготовили чуть сокращённый вариант этого рассказа и решили его отправить куда-нибудь в газету ко дню Победы. Но пристроить её нам долго не удавалось.

И только где-то в марте, через свою знакомую – Вику, работающую на телевидении, дочка вышла на корреспондента «Московского Комсомольца» Елену Павлову, которая пригласила нас в редакцию, где и взяла у меня двухчасовое ин-

тервью.

Я отдал ей и набросок рассказа, и ряд фотографий. Штатный фотограф сфотографировал меня (хотя снимок никуда не попал). Из всего этого получилась статья, напечатанная в «МК» за 06 мая 2005 года, за что я ей весьма благодарен.

6 мая я позвонил в посёлок и некоторым товарищем из группы, где я учился в МАИ. Позвонил также Тоне и Юре в Минск. Это я хвалился, хотя делать этого не надо было. Мои бывшие сокурсники удивились – почему я за годы учёбы в МАИ, ни разу не рассказал о своём побеге на фронт в детстве? Но я об этом никому вообще никогда не рассказывал.

Дело в том, что я к матери больше не вернулся, а остался жить с отцом. Мама была уверена, что мне – ребёнку, не могла самому прийти в голову мысль о побеге. И, что вся эта история была задумана и осуществлена отцом, приславшим к нам в дом сержанта. А меня на всю жизнь она заклеила страшным словом – предатель.

По сути, убежав к отцу, я, действительно, предал маму и сестрёнку. Я не жалел о своём поступке, но определённое чувство вины в душе осталось на всю жизнь.

Статья в Московском Комсомольце называлась – «ПОСТУПОК» с подзаголовком: «ПОЛ-ЕВРОПЫ ОН ПРОШАГАЛ, ПОЛ-ЗЕМЛИ».

В заголовке к статье допущена ошибка – ветераном войны я не стал...

ПОСТУПОК

День Победы в 1945 году 11-летний пацаненок Витя Дудко встретил не дома — на Украине, а на фронте — в Чехословакии. Нет, он не был сыном полка — родителями бог мальчишку не обделил. Витин папа ушел воевать в самом начале войны. Его-то весной 45-го и отправился искать мальчишка на фронт, тайком от матери, не осознавая всю опасность путешествия. Витя прошагал пол-Европы, чтобы увидеть отца. И нашел его — в Чехословакии!

ПОЛ-ЕВРОПЫ
ПРОШАГАЛ ОН,
ПОЛЗЕМЛИ

когда подъехал к перрону, "левых" пассажиров на поезде уже не было: "зайцы" бегом в обход станции пробрались вперед, чтобы можно было на ходу вскочить опять на подножку, когда поезд, медленно набирая скорость, отойдет от перрона за оцепление. Причем люди помогали друг другу, не отталкивали никого локтями.

Недалеко от границы с Польшей Витя попал внутрь вагона. Кругом — одни военные. — Пересечь границу можно было только по документам. У меня их, конечно же, не было. Все это знали. И, когда в вагон зашел патруль, бойцы засунули меня под нижнюю полку. Когда патруль подошел к нашему купе, ребята встали, вроде как для приветствия пограничников, и сапогами закрыли меня. Так, стоя, они по очереди предъявляли свои проездные документы. С помощью этой маленькой военной хитрости мне и удалось пересечь государственную границу.

■ ■ ■

Свое путешествие по Польше Виктор Анатольевич помнит смутно. Вспомнил только понтонную переправу через Одер.

— Переправились мы через Одер с польской стороны на немецкую. Наконец я в Германии! Здесь наши с моим провожатом пути разошлись. Мне надо пробираться в сторону Чехословакии — именно туда переместился 4-й Украинский фронт, где воевал мой отец.

Уехал солдат на попутке, а Витя остался стоять рядом с девушкой-регулирующей. Маленький мальчишка вызывал у проезжавших массу вопросов — кто, откуда, куда едешь. И вдруг рядом остановилась легковая

Отец и сын Дудко встретились в Чехословакии. Июль 1945г.

11-летний мальчик стал ветераном войны

машина. Пассажир окликнул регулировщицу и строго спросил, что за малец. Та ответила, что парень ищет отца, который где-то на 4-м Украинском.

Когда мы вернулись в Союз, отец был направлен для продолжения службы в город Станислав.

В Станиславе отец жил со своей, как принято было называть – ППЖ – «походно-полевой женой». Насколько я помню из чьих-то рассказов, та женщина, с которой БАТЮ застала Вера Николаевна, и была та самая Полина. Она была известной полковой женщиной свободного поведения. Последним её спутником во время войны оказался БАТЯ. Когда он захотел с ней расстаться, она пошла к командованию и пожаловалась. Поскольку у командования в этом плане с ней тоже были связаны свои воспоминания, они встали на её сторону. Бате было предложено или жениться, или... В общем, вероятно, чем-то они ему пригрозили... И поэтому просто так с ней расстаться ему не удалось.

В период нашего нахождения в Станиславе, отец развёлся с моей мамой.

В анкете у отца записано: «Бывшая жена Дудко Вера Николаевна, брак расторгнут 27 июня 1946 года, свидетельство № 8 – выданное Станиславским Городским Бюро ЗАГСa».

Помню, что 5-ый, 6-ой и половину 7-го класса я проучился в Станиславе. Мне запомнилось, что в этих классах были прекрасные преподаватели истории древней Греции и древнего Рима и отличные учебники, по которым мы изучали историю и, особенно, мифы. Эти мифы я запомнил надолго,

так что много лет спустя, будучи в музеях Ленинграда и других городов, я вспоминал, что означает та или иная картина, написанная по мотивам того или иного мифа или истории.

Учась в Станиславе, в начале января 1948 года я вступил в комсомол – раньше 14 лет, чем всегда гордился.

После Батя уехал служить в Германию, а тогда уже детей с собой не брали. А меня переправил в семью своего брата Миши, который жил во Фрунзе.

Мама и Рита так и остались жить в Каменец-Подольске.

События 1948–1950 г.г.

После войны, когда отцу пришел вызов в Германию (тогда запретили брать детей в Германию), меня отправили к дяде Мише, родному старшему брату отца во Фрунзе. Отец регулярно высылал деньги на моё содержание.

В 7-ом классе я начинал учиться в Станиславе (ныне – Ивано-Франковск), а оканчивал в городе Фрунзе. Закончил я его с огромным трудом и то только потому, что тётя Катя – жена дяди Миши, была известным преподавателем в городе, и работала в той же неполной средней школе, где учился я. Здесь же мне пришлось осваивать киргизский язык (кажется, они только что перешли на кириллицу, вместо латыни!).

Мой отец – в Берлине.

На фотографии он – слева

Мой отец – в Белине Он стоит – справа

На фотографии – в нижнем ряду: Екатерина Фёдоровна и Михаил Евстафьевич, мама всех братьев Дудко (моя бабушка) и мой отец – Анатолий Евстафьевич.

В верхнем ряду: – Толик (младший сын тёти Кати и дяди Миши), я (Виктор) и ещё один брат моего отца – Сергей Евстафьевич, который со своей семьёй тоже проживал в городе Фрунзе.

Семья дяди Миши жила в доме, находящемся на улице революционера Логвиненко. Дом представлял Г-образное глинобитное сооружение и всё это считалось одним домом – N 81, так как находились под одной камышовой общей крышей. Нельзя сказать, что этот Г-образный дом был коммуналкой, но на самом деле – в каждой квартире, состоящей из одной комнаты, проживала – отдельная семья и ничего общего у этих семей не было, кроме крыши. Правда, был – общий двор и туалет. Квартира дяди Миши находилась в конце первого дома и имела крохотную прихожую. Из прихожей шла дверь в единственную комнату, в которой ютились: дядя Миша, его жена – Екатерина, сын их – Толик и я. У входа во второй дом находилась первая квартира. В ней много позже поселился его младший брат – Петр Евстафьевич Дудко с молодой женой – Татьяной, учительницей по профессии.

В следующей квартире второго дома жил мой друг Владилен, его братишка – Вовка и их мама. Весь дом был покрыт тростником толщиной чуть ли не в полметра. Стены дома были из самана, но без соломы, толщиной в метр или несколько больше. Поэтому, когда бывали землетрясения, у нас только раскачивалась лампочка под потолком.

В комнате было одно окно, довольно небольшое, выходящее на улицу, поэтому в ней всегда царил полумрак, когда на дворе было пасмурно. А – второе окно было в прихожей и выходило оно во двор дома. Стены внутри комнаты были побелены В нашей «квартире» – у дальней от входа глухой

стены была расположена печь с большой плитой, на которой готовила еду тётя Катя. Чем мы питались, и где и как я спал – не помню. Голодным я никогда не был.

В прихожей ничего не было и не стояло. Туалет был во дворе против входа на пригорке, метрах в двадцати от дома. Пригорок по высоте равен высоте дома. Туалет обнесён глиняным забором в 1,5 м. высотой. Внутри были положены две доски (или бревна), заменявших – пол. Сзади двора забора не было, то есть двор не был замкнут. И, от туалета – тропинкой можно было пройти на соседнюю улицу, чем мы постоянно пользовались.

Воспоминания о городе Фрунзе мне очень дороги, может быть, потому что в нем прошла уже в сознательном возрасте – часть моего детства и юности – до момента поступления в институт.

ШУРОЧКА – первая моя любовь

Здесь я встретил мою первую любовь – Шурочку. Здесь я занимался спортом, в котором преуспел. В этом городе мне знакомы все улочки и тропки, парки и стадион... Поэтому, когда я вспоминаю какой-нибудь эпизод из этой поры моей жизни, перед моими глазами всплывают те пейзажи и дома, которые вызывают ностальгию.

К сожалению – повернуть вспять прожитые счастливые мгновенья – невозможно...

Город Фрунзе построен таким образом, что в верхней части, ближе к горам, находился вокзал, от которого вниз шли две широкие аллеи всегда хорошо обихоженного бульвара, который тянулся до дома Правительства (несколько кварталов).

Дом Правительства в то время – это широкое пятиэтажное здание, слева от него, на противоположной стороне – находилась школа, в которой учились девочки, чаще всего дочери верхушки Правительства и ЦК.

Дальше, после бульвара, – через квартал, находился цирк, в который мы, мальчишки, старались пробраться к третьему отделению, когда начинали выступать борцы.

В направлении вокзала, за школой располагался большой парк, в котором недалеко от входа, находилась танцплощадка, работавшая по вечерам за деньги (она была огорожена высоким трёхметровым железным забором).

Внутри парка находился Государственный театр оперы и балета Киргизии имени Манаса (былинного народного, очень почитаемого героя Киргизии).

При театре была балетная школа и хореографическое училище. Я, когда ещё учился в 7-м классе, вместе с другом Владиленом поступил в это хореографическое училище.

Одним из стимулов поступления было то, что учащимся выдавали рабочую карточку (500 г. хлеба). Мальчики почти не поступали в училище, поэтому нас приняли без особых проволочек. Нас учили классическому и историческому танцам, сценическому искусству и самому для нас ненавистному – французскому языку.

Изредка нас вместе со старшеклассниками использовали в массовках на некоторых спектаклях.

Как долго мы находились в училище – я не помню, нас отчислили, как нам после рассказывали, за некорректное поведение на занятиях. Нам давали в училище кушать суп. Почему-то этот суп был всегда гороховый. Отсюда, естественно, очевидны и последствия гороховых супов – мы портили воздух и притом громко. Это повторялось при каждом па...

И, наконец, преподаватели не выдержали...

Мы лишились хлебного пайка и горохового супа, но зато обрели полную свободу.

Намного дальше – где-то находился базар, на котором первое время торговал разливным бочковым пивом дядя Миша.

На бочках был пробит литраж бочки, который всегда не совпадал с фактическим объёмом. Считалось, если он был больше – навара было больше. Дяде приходилось платить экспедитору за «хорошую» бочку. Летом пиво и в то время быстро расходилось. Водка тогда стоила дорого, да и потребляли её немного.

Слева от вокзала, от железнодорожных путей вниз, шла широкая улица, параллельная нашей улице Логвиненко. По этой улице я несколько раз ходил вверх в горы, до которых было несколько километров, – кататься на лыжах. Сейчас пройти так нельзя – там в предгорьях правительственные дачи.

Если от нашего дома пройти вверх, то там проходила очень широкая (почти в три ширины обычной) поперечная улица, которая влево уходила в сторону города Кант и далее на озеро Иссык-Куль далеко в горы. А вправо – в сторону родины семьи Дудко – села Содового, а также ещё нескольких украинских поселений.

Недалеко от нас находилась русская православная церковь, в которой я, к сожалению, ни разу не был. А чуть дальше, на углу нашей улицы находилось либо училище, либо педагогический институт, (не помню), в котором учились только одни киргизские девочки. Это было многоэтажное (в два или три этажа) здание.

Остальные дома на нашей стороне улицы были одноэтажные, кроме соседнего – справа от нашего дома, где, по слу-

хам, жил бай. Но и его дом был саманным, двухэтажным. Стена нашей комнаты и комнаты Владилена служила забором для дома этого бая.

Только наша сторона улицы была жилой. А – напротив – на несколько десятков метров протянулся забор, который загораживал какую-то технику.

Мы с Владленом ходили в начальную школу, в 7 класс. В этой школе работала учителем тётя Катя. Затем я перешёл в школу № 1, находившуюся выше за перекрёстком, которая, начиная с нашего выпуска – стала средней. За этой школой невдалеке – находился университет.

А ещё чуть дальше начинался парк имени Панфилова (который в городе и в Алма-Ате формировал свою дивизию). Справа от парка находился стадион, а чуть выше него – открытый бассейн.

(Сейчас уже ничего этого нет).

Там, где-то начиналась дорога, ведущая в Чуйскую долину (название от реки Чу), где в нескольких километрах от города начинаются украинские сёла.

Ещё в Столыпинские времена, в эти места переезжали переселенцы, в основном – с Украины.

Поэтому сёла, построенные ими, по своему виду и подобию напоминали Украинские. Выстроившись вдоль дороги, тянулись белые хаты и обязательно – с вишнёвыми садами (и другими плодовыми деревьями).

Я несколько раз ездил на родину отца в село Садовое на велосипеде.

И, где-то там вдалеке, где кончалась наша улица, находилось русское кладбище. Там похоронены мои дед и бабушка. Деда я никогда не видел.

Кстати, в том числе, и на кладбище никогда не был, да и никто меня туда не водил.

Эта часть города была по своей сути – пригородом. Там участки, внутри которых находились частные домики. Улицы и переулки были узкими и не мощеными (т. е. земляными).

Когда первый раз отец отправил меня к дяде Мише, он с собой привёз пистолет ТТ, спрятав его на чердаке в тростниковой крыше. Один раз, после очередной драки на танцплощадке, я вернулся домой и взял его с собой. Он был тяжёлый и неудобный для переноски. К моему счастью применить его не пришлось. Но моё ощущение непередаваемо: я чувствовал себя человеком, которому всё нипочём, все доступно, я никого и ничего не боялся.

Драка давно закончилась, обидчиков не было. Я вернулся домой и положил пистолет на старое место. С тех пор я никогда его не брал. И только недавно одному из родственников рассказал о нём и о месте его захоронения. Что с ним стало дальше, я не знаю, хотя дом стоит до сих пор.

На бугре, когда я в 1950 году после спартакиады ездил в Брест, дядя Миша построил дом. За домом находился уча-

сток, где дядя Миша посадил огород и вырастил сад. (Мне он иногда снился, что я что-то сажаю и выращиваю, хотя я практически на нём никогда не работал).

Здесь во Фрунзе со мной произошёл следующий случай, когда я шёл по широкой тенистой улице. Сорвавшаяся с цепи, огромная овчарка положила мне на плечи лапы. Все перед этим на улице разбегались и прятались, а хозяин бежал и кричал, чтобы не боялись пса. И я не испугался и погладил пса. Хозяин долго благодарил меня, а я с тех пор никогда не боялся собак.

Когда хозяева дома, где временно проживала моя девушка – Шура, уехали в отпуск, мне пришлось менять миски с едой у злющего пса, признававшего только хозяина. Кроме того, у нас во дворе была собака овчарка, но как её звали, и ухаживал ли я за ней – не помню.

Мы всю жизнь держим собак. Но первые мои воспоминания о собаках связаны с Фрунзе.

Запомнился случай с зажигалкой дяди Миши.

Дядя часто и много курил. Однажды для заправки зажигалки дядя принёс спирт. Я стал заправлять зажигалку над помойным ведром, отверстие для заправки было маленьким. Спирт пролился сначала на левую руку, которой я держал, а затем и на правую, в которую я взял зажигалку, чтобы проверить её работоспособность.

Я крутанул колёсико: от искры вспыхнуло всё: и зажигалка, и обе руки, и помойное ведро. Я бросил зажигалку в вед-

ро и с криком выскочил сначала во двор, а затем стал бегать, размахивая руками, вокруг квартала и кричать от боли. А надо было сунуть руки в карманы брюк, где они погасли бы – без кислорода. После того, как спирт выгорел, я ещё долго бегал и размахивал руками, обдувая тем самым – обожженные руки. Было нестерпимо больно. Кто-то посоветовал посикать на больные места, (как всегда мочи, когда надо – не было). Я выдавил что было. Значительно полегчало. Очень больших волдырей не было. Вскоре всё зажило и прошло... Но запомнилось!

Выпивать я стал в лет 14. Пиво я не пил и не любил его, хотя в первый год иногда помогал дяде, когда он торговал на рынке пивом – собирать пустые кружки (потом он перешёл на другую работу).

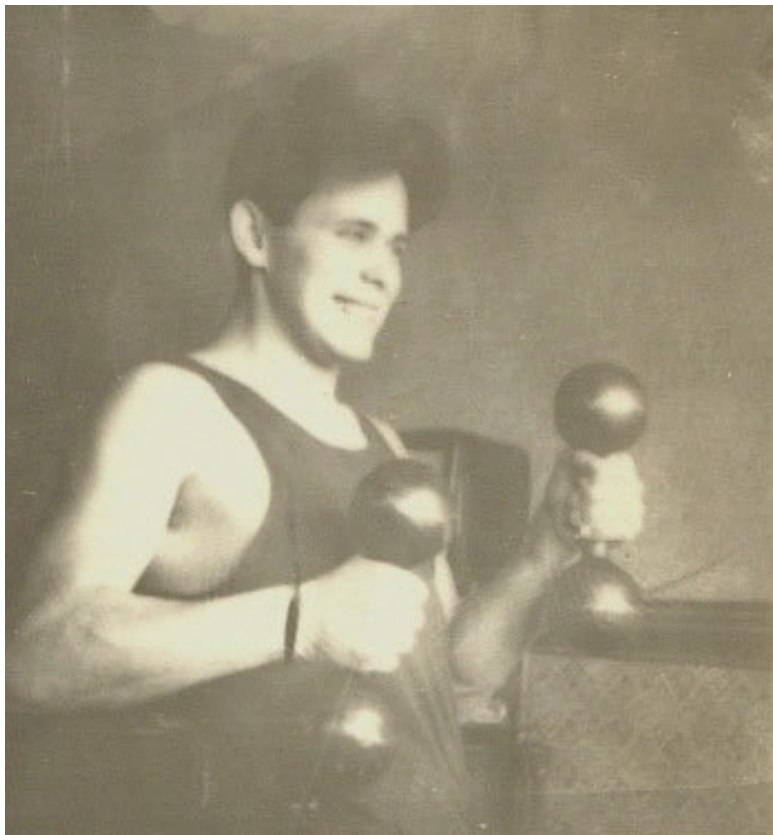
Обычно по праздникам у кого-нибудь из друзей варили самогон, и мы пытались незаметно попробовать первача, но это бывало достаточно редко.

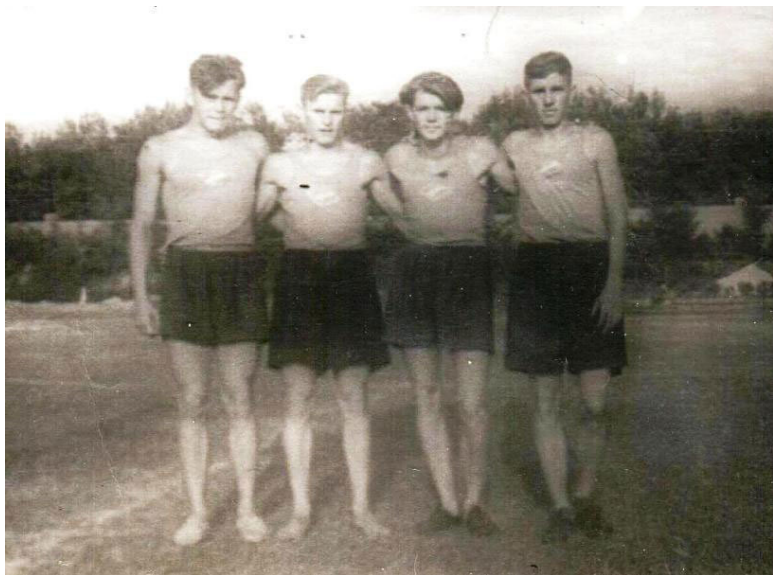
Здесь же я впервые побывал на свадьбе у Зайцевых – двоюродной сестры моей мамы – Евгении Аристарховны Покровской, которая в это время тоже проживала во Фрунзе. Саму свадьбу я не помню. Помню, что было много самогона, и я здорово поднабрался. Когда уходил со свадьбы, которая проходила во дворе или в доме частного владения, обнесённого высоким забором, я не смог открыть калитку в воротах. Тогда я залез на трёхметровые ворота, благо с этой стороны были какие-то поперечные балки, и спрыгнул вниз. Каково

же было моё удивление: от толчка ноги при приземлении калитка открылась! Мне стало себя жаль!!!

Часть 5

Спорт, спорт, спорт...

На фотографии – Виктор крайний слева.

Спортом я стал заниматься в городе Фрунзе, когда окончил 7-ой класс. Вначале я стал, как и все ребята, играть в баскетбол. Все мы были ребятами из 7-х и 8-х классов. Вдоль дороги на Кант было несколько баскетбольных площадок, на которых мы играли против ребят из других школ. Однако, все мы были небольшого роста. Это не позволяло всегда выигрывать.

Недалеко от нас находился сад имени Панфиловцев. Справа от него располагался городской стадион. Если идти

по парку вдоль стадиона, то за ним находился открытый бассейн. Я как-то зашёл туда. Там тренировались ребята. Тренер заметил мою заинтересованность плаванием и предложил мне заниматься. Я засмутился: я же совсем не умел плавать. Да и где мне было учиться, если большой воды, кроме некоторых рек и больших арыков, я не видел. Но я согласился и, прыгнув в воду, забарахтался, поплыв стилем «лягушка». Тренер предложил мне заниматься в секции и я стал учиться плавать брассом. Вскоре я стал неплохо плавать.

Из моего дневника:

8 августа. Понедельник. (1949 г.)

... В пять часов пошёл в бассейн на тренировку.

Проплыл 100 м и – чертовски устал. Потом проплыл 200 м. Сначала шёл хорошо, но на последней сотке «сдох». Еле доплыл до финиша. Всё это – оттого, что я не тренировался целый месяц.

Сегодня узнал, что может быть Детспортшкола организует поездку в Алма-Ата. К этому времени надо нужно будет войти в спортивную форму. На районных соревнованиях между разными школами города, я на 100 и 200 метров брассом занял второе место. На городских соревнованиях я также занял второе место (у меня сохранились свидетельства). Проходя мимо стадиона, я увидел бегунов. Мне тоже захотелось попробовать. И когда проводились соревнования между школами, я попросил преподавателя физкультуры заявить меня на бег 100 и 200 метров. И я стал выигрывать: сначала между

школами, затем на районных, потом, и на городских соревнованиях.

Меня заметил тренер Хулапа, который был чемпионом республики в беге на 100 и 200 метров. Он тренировал и сборную республики по лёгкой атлетике. Он предложил мне заниматься.

На стадионе во Фрунзе и в Ленинграде

Мне надо было выбирать между плаванием и лёгкой атлетикой. И я выбрал последнее. Мне купили кроссовки, сначала потрёпанные, затем почти новые. Дела у меня пошли. Я стал известен: часто выигрывал забеги, как уже упоминал, на 100 и 200 метров, причём, лучше дела у меня шли при забегах на 100 метров. За заслуги в спорте в честь 25-летия ЛКСМ Киргизии меня наградили: – выдали грамоту (допустив ошибку в написании фамилии «т» вместо второго «д» – Дутко вместо Дудко) и подарили фотоаппарат с 6 см фотоплёнкой «Любитель». Это первый мой приз. Вначале меня часто в итоговых протоколах именовали Дудкова – «наградить Дудкова...».

Сборная города Мой номер был – 19

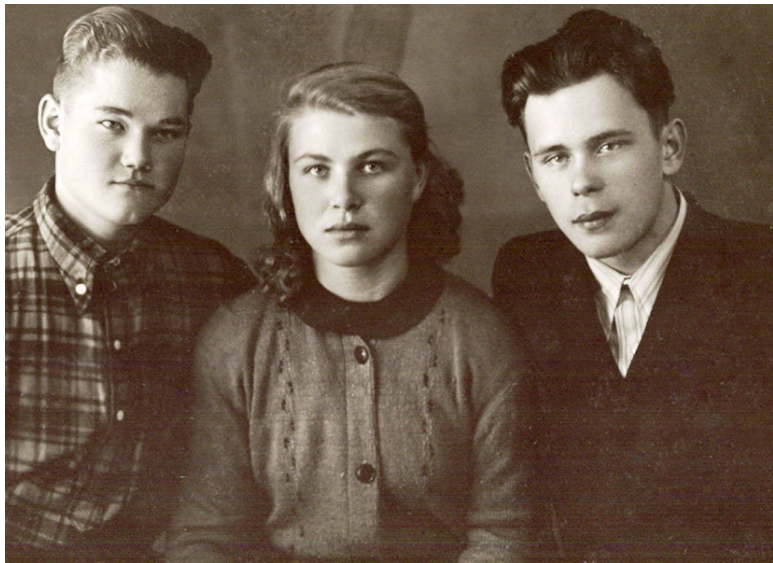
Из моего дневника: 25/1–51. (г. Фрунзе)

..... В честь 25-летия ЛКСМ Киргизской ССР за спортивные достижения получил фотоаппарат «Любитель». Надо обзавестись деньгами и попробовать начать фотографировать. Действия аппарата уже изучил коротко, осталось проверить на практике, да грош пока нет. Если займу у кого-нибудь, то 27 схожу и куплю фотоплёнку и, если хватит, то про-

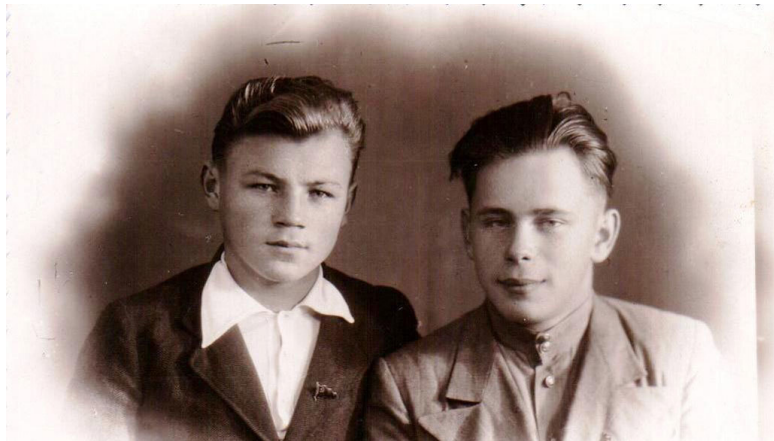
явитель и закрепитель (фиксаж) куплю.

А остальное понемногу будем покупать позже. В общем, первой сфотографирую Шуру. Потом сфотографируемся втроём (Влен должен приехать или 29 или 31).

Справлять новоселье (т. е. встречу, может последнюю) будем у Шуры в день юбилея республики 1 февраля.... (Шурочка – это первая и самая сильная любовь. Про такую говорят – это один раз и на всю жизнь...).

На фотографии – ВЛАД, ШУРОЧКА и ВИКТОР

На фотографии – Хакимов и Дудко Виктор

Тренировался я вместе с моим товарищем и соперником Хакимовым. То я опережал его, то он меня. Мы участвовали во всех соревнованиях, которые проходили на нашем стадионе.

У меня лучше всего получался бег на 100 метров, хотя я бегал и 200 метров, и участвовал в эстафетах 4×100 и 800×400×200×100, участвовал также и в прыжках. Соревнования были юниорские (юношеские) и взрослые, в которых я тоже участвовал, где встречался со своим тренером, изредка, опережая его. Хотелось бы отметить, что бег на короткие дистанции – это не лёгкое дело. За короткий промежуток времени и надо отдать все свои силы, всю энергию, выложиться полностью. Это порыв, это полёт, это как взрыв!

Из дневника Виктора: 29/Х-50 г. (г. Брест)

.....спорт – пробежать 100 за 11,2, диск за 33 м и высота 160 – всё это я смогу сделать.....

Я сам ставил перед собой задачи и мне удавалось их выполнять...

В 1950 году я попал в сборную республики, которая собиралась на Всесоюзные юношеские соревнования, проводимые в Ленинграде. Сначала были сборы, где нас кормили по талонам, на которые местные спортсмены покупали сладости (конечно, мы обменивали талоны). Наконец, мы собрались командой, сели в поезд и поехали сначала в Москву, затем в Ленинград, который тогда был ещё закрытым для посещения городом.

Ехали мы целых 7 суток. В Москве два или три человека не пришли на вокзал, они остались подавать документы в ВУЗы, как говорили. В Ленинграде мне запомнилось то, что везде было – мало народа. Все были вежливыми, уступали места всем женщинам и пожилым людям, с чем мы не встречались нигде, даже в Москве.

Жили мы в какой-то школе, недалеко от небольшого стадиона, где мы проводили тренировки.

Сборная команда из Киргизии на соревнованиях в Ленинграде

Виктор – рядом с тренером – справа от него

Команда Киргизской ССР у только что восстановленного фонтана «Самсон»

Вдали виден не восстановленный тогда ещё Петровский дворец.

Съездили в Петродворец, где побывали у всех, открытых к тому времени фонтанов, в том числе у вновь отлитого и восстановленного знаменитого фонтана Самсона. За все экскурсии и посещение дворцов и фонтанов мы платили один раз и не очень дорого.

Открытие олимпиады проводилось на только что построенном стадионе имени Кирова, который наша олимпиада и открывала (было очень много зрителей: стадион был полон).

А сами соревнования проводились и на других стадионах и площадках.

Из-за отсутствия некоторых членов команды нам пришлось участвовать в непривычных видах. Например, мне пришлось идти спортивным шагом на 5000 метров. Я не умел ходить. Тем не менее, я закончил соревнование вторым или третьим, правда – от конца. В своих видах мы тоже не отличились: не попали даже в полуфиналы. Действительно, мы с Хакимовым бегали в районе 12 секунд, иногда выбегая за них: 11 с хвостиком, который ближе к 12. А в стране уже бегали за 10,5. Наша сборная среди республик была не последней. Это немного утешало (очень сильно мы не переживали, так как все среднеазиатские республики отставали в развитии спорта).

Наша сборная была действительно интернациональной: в ней были киргизы, русские, украинцы, узбеки, дунгане, татары и даже была чешка Власта. Правда, мы не были сплочённой командой.

После возвращения из Ленинграда, где я посмотрел на лучших юных бегунов страны, я понял, что для быстрого бега нужно освоить ударный бег (шаг), когда каждый шаг, как первый со старта. Мне это стало удаваться, тренер всё время меня поддерживал. Результаты сразу повысились: я стал бегать быстрее, где-то за 11 с малым хвостиком. Правда, только на дистанции 100 метров, на 200 и тем более на 400 мне не хватало скоростной выносливости.

Я стал чемпионом республики. Правда, соревнований почти не было. Зимой мы не занимались.

Мой отец возвратился из Германии в Брест, где он купил полдома. Он вызвал меня к себе в Брест. Здесь я научился ездить на мотоцикле BMW. Мне сшили костюм у портного, где-то под Брестом, в деревне, куда мы с отцом ездили на мотоцикле.

Я стал ходить в школу N 1. Но учиться я стал неважно. И, так как это был выпускной класс, а во Фрунзе я был отличником, решено было опять отправить меня к дяде Мише во Фрунзе. Вот этот перерыв в тренировках и сказался на моих результатах. Так что я оказался не прав относительно своего тренера.

Когда я опять вернулся из Бреста во Фрунзе и стал опять бегать, но восстановить прежние достижения не смог. До последнего времени я считал, что тренер специально растренировал меня, так как я подбирался к его высшему достижению. Но это оказалось не так.

Весной, в начале лета 1951 года, я участвовал во всех соревнованиях, проводимых на нашем стадионе.

Я помню, как за мной прибежали из школы: все уже сдали экзамен по иностранному языку, а я прыгал в длину. Пришлось всё бросить и бежать в школу, благо она находилась недалеко от стадиона. Я сдал экзамен – на отлично без подготовки.

Хотелось отметить, что, спустя несколько лет, у входа на стадион повесили табличку, на которой были приведены фамилии всех чемпионов как взрослых, так и юниоров. Там была и моя фамилия (этого я сам не видел, но мне писали). Сейчас на месте стадиона стоят дома, а его самого уже нет.

Когда я начал учиться в институте, то почему-то у меня не было желания заниматься спортом. Хотя на первом курсе МАИ я участвовал в соревнованиях, где на 100 метров занял почётное 8 место по институту. А затем, когда уже начал работать в НИХТИ, на соревнованиях между отделами, опередил зам. директора Венгерского – в беге (он занимался спортом).

И тогда же я занял второе место в прыжках в длину. На этом все мои достижения в спорте закончились.

Правда, спорт одарил меня на всю жизнь несколькими полезными качествами: осталась быстрая реакция на внешние раздражители, хорошая интуиция, позволяющая принимать решения с опережением, и большое почти круговое зрение (значительно большее 120 градусов). Всё это не раз спасало мне и всем, кто был рядом, – жизнь, особенно – когда был за рулем на машине.

Кататься, бегу на коньках я научился зимой после первого курса. Рядом с общежитиями, напротив дома культуры, находился стадион МАИ. Зимой его, обычно, заливали водой: получался отличный каток. До 11 часов он был платным, а после можно было кататься хоть всю ночь, хотя освещение отключали. Но кругом было достаточно других фонарей. На стадион приходили не только студенты, но и окрестная молодёжь. Я купил коньки, называемые «норвежками». Быстро научился бегать, а затем и кататься. Конечно, сначала много падал, но овладел коньками достаточно быстро.

Научился я делать почти все фигуры, бегать задом, останавливаться почти мгновенно. Так как этот тип коньков не предусматривал всего этого, то я приходил на каток, который был бесплатным, ночью часов в 11 или позже, когда на катке находилось немного народа. Бегал я очень хорошо и достаточно быстро. После бесплатных катаний на стадионе, несколько раз я был в парке имени Горького, где выдавались коньки напрокат, а также в парке Сокольники, в котором заливались многие аллеи.

Коньки с ботинками до сих пор у меня хранятся дома (зачем – не знаю: думаю своеобразная ностальгия). После института я больше никогда не одевал коньки.

В течение детства и юности я попробовал свои силы во многих видах спорта. Правда, мне не удалось овладеть спортивным сексом, но он тогда был не в моде. Может быть, ещё овладею... Шутка...

2004 год. Фотомонтаж к 70-летнему юбилею Виктора.

На фотографии – вырезка из полотна, сшитого из

грамот, полученных Виктором за победы на различных спортивных соревнованиях во Фрунзе. Общая длина этого полотна – 2,5 метра – от потолка до пола.

**Я и Хакимов на стадионе в Ленинграде 1950 г.
(на фоне моих грамот)**

Когда мне исполнилось семьдесят лет, мы торжественно его отмечали. Подготовили фотомонтаж, огромную географическую карту, на которой отметили горные дороги и перевалы, которые мы прошли на автомашине и соорудили боль-

шое полотно, сшитое из моих грамот за успехи в спорте. Было приятно смотреть, как гости удивлялись моим спортивным успехам, достигнутым мною в молодости и которых они никогда не слышали.

Если б в старости могли, то, что в молодости умели...

Следующий мой рассказ охватывает мои воспоминания об учёбе в 10-м классе во Фрунзе, и о первой моей любви... Это относится уже к событиям 1950–51 г. г., когда мне исполнилось уже -16 лет.

Правильнее будет это всё отнести в Главу – «ЮНОСТЬ ВИКТОРА».

А это означает, что я сейчас прощаюсь со своим детством теперь уже – навсегда...

Глава 2

Юность Виктора

Часть 1

Родился брат Женя

До этого времени, в основном, шёл рассказ о Викторе.

Потом, когда появился Женя, уже нельзя говорить только о Викторе и об его отце, которого мы потом всегда называли просто – БАТЕЙ.

Женя – это последняя надежда БАТИ. Все остальные дети были, как говорят – отрезанные «ЛОМТИ» от единого каровая...

Жизнь БАТИ была неразделима с младшим сыном. Он старался вложить в него всё, что не додал старшим детям, в первую очередь – общение и любовь отца. Жизнь БАТИ и Жени, и всё, что они переживали вместе, это – одно целое...

Бердин 1049 год Родители Жени – Анатолий Евстафьевич и Александра Лаврентьевна Дудко

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ

ПОВТОРНО

Гражданин – Дудко Анатолий Евстафьевич
возраст.....

39 лет

.....о чём в книге
записей актов гражданского состояния о
браке.....

произведена соответствующая запись за
№ 716.....

Гражданка – Александра Лаврентьевна
возраст.....30

лет

После регистрации
брака.....

присвоены.....Мужу –

ДУДКО.....

.....Жене –

ДУДКО.....

Вступили в брак двадцатого 20.07.1949
года.....

Место регистрации – ЗАГС при
Советской Военной администрации в Германии

.....

Дата выдачи – 7 июля тысяча девятьсот сорок
девятого года

Копия выдана – 7 сентября 1962
года.....

Гербовая печать..... 11 – ПА № 368833

Заведующая Бюро записей

Актów гражданского
состояния.....

.....

.....

..... (ПОДПИСЬ)

.....

Родители Жени находились в Группе Советских войск в Германии.

Отца откомандировали в распоряжение Западного военного округа, штаб которого располагался в Минске. Александру Лаврентьевну, вероятно, уволили. Они приехали в Минск, где сняли жильё.

Отца направили служить в Брест на выплатной пункт. Он поехал в Брест, где в пригородном селе Адамково, сначала снял полдома, а затем купил полдома по улице Медовая 3.

Пригород Адамково потом присоединили к городу. Дом находился рядом с веткой железной дороги, по которой товарные вагоны перегонялись на перегрузочную площадку: из западных вагонов (они шли по меньшей колее) товары загружались в восточные вагоны (они шли по широкой колее). Поэтому ветка имела эти две колееи или четыре рельса.

Пригород Адамково выглядел, как деревенский посёлок. Таким он и остался до сих пор.

Женя родился в БЕРЛИНЕ.

Повторно.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ

Гр. ДУДКО ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

Родился 14. 06. 1949 года четырнадцатого июня тысяча девятьсот сорок девятого года.

Место рождения ребёнка:.....

гор. БЕРЛИН ГЕРМАНИЯ.... о чём в книге записей
актов гражданского состояния о рождении
1949 года июля месяца 20 числа
произведена соответствующая запись за
№.....

....

Родители:

Отец – Дудко Анатолий Евстафьевич
национальность – Украинец

Мать – Дудко Александра Лаврентьевна
национальность – Русская

Место регистрации ЗАГС при Советской военной
Администрации в
Германии.....

Дата выдачи – «7» сентября 1962 года.

Печать.....11-ПА № 385318

Облархива.....

Зав. Бюро актов гражданского состояния

Исполкома Мособлсовета депутатов
трудящихся.....

Когда родители приехали с Женей в Союз, Александра Лаврентьевна (Женина мама) первое время жила отдельно, в Минске, а БАТЯ обустроивался в Бресте.

И только потом, когда Батя купил половину дома с участком, его жена с маленьким Женей переехала в Брест. Это был – 1950 год.

И письма от неё были написаны тоже в 50-ом.

В Минске снимали частную комнату.

Сохранился соответствующий ДОГОВОР.

ДОГОВОР

15 февраля 1950 года. Г. МИНСК.

Мы, нижеподписавшиеся, Бушлакова Оксана Марковна, проживающая г. Минск, ул. Издательская, дом № 23, кв. 1., с одной и гражданин Дудко Анатолий Евстафьевич с другой стороны, заключили настоящий договор о нижеследующем.

1. Гражданка Бушлакова О. М. сдаёт в аренду комнату, размером 15 кв. метров, сроком на три месяца.

2. Гражданин Дудко Анатолий Евстафьевич оплачивает гражданке Бушлаковой арендную плату по 300 (триста) рублей в месяц и вносит квартплату за три месяца вперёд в сумме 900 (девятьсот) рублей.

3. Договор может быть расторгнут сторонами при предварительном предупреждении за две недели до расторжения договора.

4. В случае освобождения квартиры раньше обусловленного срока, гражданка Бушлакова возвращает обратно арендную плату за весь период не использованного срока проживания в квартире, обусловленной арендной платы (пунктом первым).

5. Арендная плата в сумме 900 (девятьсот) рублей вносится при подписании договора.

6. Квартплата начинается с 15.02. 50 г.
КВАРТИРНАЯ ХОЗЯЙКА – БУШЛАКОВА
ГРАЖДАНИН – ДУДКО

Сохранилось несколько писем от Жениной мамы – Анатолию Евстафьевичу.

Александра Лаврентьевна писала в Брест БАТЕ...

ЗДРАВСТВУЙ, АНАТОЛИЙ!

Привет и самые наилучшие пожелания в твоей службе, а главное, быть здоровым, не огорчаться, и меньше на всё реагировать. Как говорят, – «Чему бывать, того не миновать».

Пятого получила твоё письмо, признаться по правде, которое очень ждала.

Хотелось поскорее узнать, как тебя принял Брест, как устроился с работой, какие условия с квартирой. Но, оказалось, твоё предположение было правильное. Я так разочарована, что не хотела бы ехать и видеть его больше. Досадно, а что поделаешь? Не принимай близко к сердцу. Всему своё время. Будем надеяться на лучшее будущее.

А вот с питанием ты постарайся побыстрее сделать всё возможное, ибо это тебе необходимо, как воздух. Попроси кого только можно из гражданских, чтобы через день покупали для тебя на рынке яичек, масло сл., сметану и творог, так как эти продукты храниться долго не могут. Масло сливочное заливай холодной водой, и меняй воду ежедневно. Оно сохранится дней 7. Сметану, творог нужно уничтожать за сутки. Яички

могут лежать несколько дней. Это, чтобы ты сделал обязательно, и не голодал.

По части Туркестана подумай ещё раз сам, я этой местности совсем не знаю и спросить не у кого. Только помню ещё со школьной скамьи такой стих:

ТУРКЕСТАН БЕЗ ВОДЫ – ЭТО ЖЁЛТЫЙ
ПЕСОК,
НИ ДОРОГ, НИ ПОЛЕЙ, НИ АУЛА,
ТОЛЬКО РЁБРА ХОЛМОВ, ДА ГОРЯЧИЙ ПЕСОК,
ДА СУХИЕ КУСТЫ САКСАУЛА.

Хотелось бы пожить в Центре Союза, а раз такие условия, я готова ехать хоть куда, только пугает переезд.

За твоё отсутствие получила письма от Виктора и Петра, и поздравительную Первомайскую тебе из Фрунзе, которые пересылаю одновременно, в другом конверте.

Женя стал хорошо ходить, уже без всяких затруднений проходит два раза от зеркала до двери, когда ему никто не мешает, начиная с 3 МАЯ.

Соскучился за тебя, и нет того дня и часа, когда бы он не произнёс твоё имя – «ПА». А, когда стоит на диване, то обязательно приподнимает занавеску, вытянет свою головку, и кричит – «ПАПА! ПАПА!». Вот не знаю, какая у него будет встреча с тобой. Стал умный мальчик, и с каждым днём становится всё лучше, привыкает к самостоятельности. Уже не разрешает маме поить его из чашки, действует самостоятельно.

Очень резко выражает упрямство, если мама ведёт

его в одну сторону, а ему захочется в другую, то обязательно своего добьётся, та же история и с чашкой.

Приближается середина мая. Осталось всего 10 дней. Что у тебя слышно по части нашего переезда. Паспорт я не получила, и не получу, поскольку требуют справку такого содержания – где и на какой должности работаешь ты и твою прописку. А без паспорта я не могу оформить вклад, а срок – 13 мая.

На рынке цены снизились яички, например, стоят 6–7 руб. десяток, масло сл. – 30 руб. кг., а мясо мы теперь не покупаем.

Да, пока не хотела тебе писать, но вынуждена – от замка Аксана утеряла ключ, попросили у соседей теперь. Нина вынула пробой и очень легко можно открыть без каких-либо трудов. И вот, мне приходится не спать всю ночь и быть на страже.

Оксана предлагает ввести его в коридор (мотоцикл), а я думаю, не было бы хуже, ибо Элла может отвернуть какой винт, и выведет машину из строя.

Вот всё. Крепко целую, до скорой встречи.

ШУРА 7. 05. 50 г.

11.05.50 г. ЗДРАВСТВУЙ, АНАТОЛИЙ!

Прими привет и наилучшие пожелания в твоей работе.

Как дела у тебя, что предвидится по части нашего переезда, скоро ли будешь сам в Минске?

У меня сегодня сумасшедший день.

Во-первых, встала в 6 часов утра, до 10 часов

окончила стирку белья. В 11 часов пошла в домоуправление, где пробыла до 12 часов, откуда, не заходя домой, заняла очередь на получение паспорта. Затем пошла за Женей, ну, и тут начались наши хождения.

Тот, кто принимает документы, придрался – почему нет фотокарточки на паспорте. Без неё он не считается документом, направляет меня к начальнику паспортного стола, который крутил – вертел все мои документы, вплоть дело дошло, что он попросил мой партийный документ и задаёт такой вопрос – почему я сдала удостоверение МИД в министерство. После ответа «обрадовал», что мне придётся поехать в свой район и там заменить.

Пришлось пойти к начальнику, тот, после долгих колебаний, всё же дал разрешение на выдачу. Завтра, если не изменит своё решение, то, как будто, получу в 6 вечера.

Ой, я не верю, неужели окончились мои хождения. Пришли домой. Время ровно 15 часов. Так устала, что ни руками, ни ногами не тронусь, и голова не варит. Женя, бедный мальчик, так устал, что как пришёл до дому, покушал и сразу уснул.

Мы с ним ежедневно делаем прогулку в поисках С. Но пока, после тебя ни разу не достали.

Часто встречаем Шаколу. Он просит коляску.

Жду твоего решения и ск. взять.

Погода стоит сухая и ветреная, жары нет. Вот всё на

сегодня, что будет завтра, сообщу. Крепко целую.
ШУРА.

Пересылаю в этом конверте письмо от Лиды Кириченко и адрес – П \ П 21673

**ЗДРАВСТВУЙТЕ, А. Е. И ШУРА!
С ПРИВЕТОМ – ЛИДА!**

Ваше письмо я получила, большое спасибо, что всё же не забыли.

Вы пишете, что Солдатенко молчит. Вам не отвечает. Я ему сказала, что Вы обиделись на него.

Он говорит, что где-то потерял адрес ваш, вот поэтому и не ответил, теперь хочет у меня взять адрес и написать Вам.

Теперь немного о себе. Где я работаю, вы знаете. Игнатьев ещё работает, должен в мае уезжать, и Полетаев собирается. Болдаковы совсем уехали. Компанец, уехал Корниенко, Апенкина, Маркина, в общем, 45-ый год. Я собираюсь ехать в июне в отпуск, из дома получила письма, всё пока в порядке. Праздник провели хорошо. Был вечер, но ввиду того, что я водку не пью, то я только посмотрела и ушла.

Начали усиленно заниматься физкультурой, как это при вас было. Погода эти два дня 1–2 мая была тёплая, ходим в платьях.

Вы просили мой домашний адрес: «Ростов – Дон. Ул. Станиславского, 66, кв. 7, этаж 4». Ну, фамилию, надеюсь, не забудете. Если получите назначение,

заезжайте. Ну, вот и всё.

Привет от Полетаева, Игнатьева, Солдатенко, Люды, Семченко.

Я ему передала привет, он посмеялся. С товарищеским приветом и пожатием руки –

ЛИДА (ДИВЧИНКА) 3.05.50 г.

БРЕСТ 1950 год БАТЯ – Анатолий Евстафьевич

Александра Лаврентьевна в письме упоминает мотоцикл, который купил БАТЯ и хранился он в Минске.

ДОВЕРЕННОСТЬ

Настоящем доверяется Капитану тов. Дудко Анатолию Евстафьевичу получить один мотоцикл на заводе БМВ гор. Айзенах по наряду № 0586 от 23.9.49 г. за наличный расчет.

Собственную ручную подпись (подпись А. Е.) удостоверяю.....

(Печать)

НАЧАЛЬНИК УМТО СВАГ /ХОМУСЬКОВ/

.....

На этом мотоцикле я в Бресте научился ездить, когда мы ездили в деревню к портному – еврею. Трудности вождения заключались в том, что надо было водить мотоцикл по пескам, которых так много в окрестностях Бреста, так как приходилось ездить по бездорожью.

А песок, как вода на свежем асфальте.

Мотоцикл служил БАТЕ долго. Оказывается и техосмотр на мотоцикл нужно проходить так же, как на автомашину.

СПРАВКА

АВТОМАШИНА Гос. Номер..... БИ – № – 21

Прошла технический
осмотр..... полу
годовой

.....
27 апреля 1953 г.

Госавтоинспекция Брестской области

.....
.....

В Бресте, переехав в половину купленного дома, БАТЯ и А. Л. устроились удобно и уютно. Переехав из Берлина, БАТЯ привёз контейнер с вещами, приобретёнными в Германии на зарплату в течении двух лет. Кроме мебели и хозяйственных вещей, были и уникальные, которые и сейчас имеют ценность. Это прекраснейший столовый сервиз и многое другое.

В последующие годы БАТЯ подарил нам к свадьбе немецкий настенный большой ковёр, и отдельные предметы из сервиза. Они сохранились до сих пор и стоят у Стэллы в застеклённой горке. Это две супницы, соусница и пара тарелок. Часть сервиза перешла к Тонечке (жена Жени) и Жене. Это не только раритет, но и память о БАТЕ и Жене...

ДОБАВЛЯЕТ ИРАИДА...

Кстати, с этим сервизом связано воспоминание, говорившее о моей чрезмерной наивности, или доверчивости, гра-

ничашей с глупостью.

Однажды, когда Женечка, будучи лет десяти, может быть – двенадцати, гостил у нас в Дзержинке, увидев в серванте тарелочку от этого немецкого сервиза, стал меня убеждать, что эта посуда не бьётся.

И я, взрослая женщина, естественно, усомнилась в этом. Женя, увидев мои сомнения, стал убеждать меня, и предложил попробовать разбить тарелку. Сейчас я не помню того, что, поддавшись его убеждениям, разбила тарелку об пол, хотя Жене я почему-то поверила. Скорее всего, спустя какое-то время, тарелка нечаянно разбилась. Только тогда я поняла, что Женя морочил мне голову...

Часть 2

Мои дневники – ранняя юность

Пока Батя устраивал свою жизнь в Бресте, я продолжал учиться и жить во Фрунзе у его брата – Михаила Евстафьевича Дудко.

Около дома Шурочки Булаковой

За школой, метров 100 или 200 слева, находился дом Бур-

лаковых, который я, спустя 25 лет, находясь в командировке, так и не нашёл.

В этом домике жила моя первая любовь – Шурочка Буракова. И я учился тогда в 9-м классе.

Ещё раньше – после окончания восьмого класса мои опекуны достали путёвку в пионерлагерь на озеро Иссык-Куль. Мне ехать туда не хотелось, но узнав, что туда же едет мой друг Владилен, я согласился.

Это было прекрасное лето, отличный отдых, замечательное чистое прозрачное озеро (видимость на 10–20 метров, под водой находился древний город, но так глубоко мы нырять не могли).

Нас, переростков, было несколько человек, остальные мелкота, которая подчинялась всем лагерным законам. К этому времени я подрос на 15 см и стал высоким парнем, выглядевшим старше своих лет на 2–3 года, чем несказанно гордился (рост у меня был 170–175 см). Я стал значительно выше моего друга.

Здесь в лагере я познакомился с Шурой, за которой стал ухаживать и мой друг, который был старше меня года на два.

Здесь я допустил непростительную ошибку, когда, уйдя в горы, я невзначай столкнул камень, который вызвал каменную лавину. Под неё чуть не попали Владилен и Шура, находившиеся ниже, на тропе. Я успел крикнуть: берегись!!! Они прижались к стене скалы и камни пролетели перед их носом вниз. Я получил серьёзный урок: нельзя шалить и ба-

ловаться в горах.

Ещё один урок я получил, когда, гуляя вдоль берега, не захотел обходить залив метров 300–500 шириной, а на ту сторону, по прямой – решил его переплыть. Вначале и в конце у берега росли водоросли, мешавшие плыть. Тогда я плавал стилем брасс. На середине пути я почувствовал, что, если силы меня покинут или сведёт ноги или руки (и мне стало так жалко себя!), то никто меня не спасёт, тем более, что это случилось ночью, когда ярко светила луна, а ребята пошли в обход по берегу и были далеко от меня.

Но это будет всё годом позже.

А пока я ещё был глупым неотёсанным мальчишкой, мечтавший познать все секреты отношений с девочками, а потому, придумывавший себе объект влюблённости, о чем делился только со своим дневником.

МОИ ДНЕВНИКИ

В чемодане со старыми письмами и бумагами были найдены мои дневники конца 49-го и 50-го года: учёба в школе во Фрунзе и Бресте и письма Шуры Бурлаковой. Привожу их полностью, хотя не помню некоторых событий и имён.

ДОБАВЛЯЕТ ИРАИДА:

Виктор вел дневник в 1949–51 г. г., когда ему было 15, 16 и 17 лет.

По объёму дневник большой. Если систематизировать его содержание, то напрашиваются две основные темы: самоанализ и жажда любви.

Самоанализ – копание в часто меняющихся настроениях, самобичевание, недовольство собой, но главная цель этого всего – воспитание силы воли. Если бы этот дневник прочитал психоаналитик, он бы проследил, как трудно и медленно продвигался процесс преодоления своих недостатков.

В конце концов, начав с посредственной успеваемости, Виктор окончил школу почти с серебряной медалью, а, в последствие, с отличием институт.

Жажда любви. Не могу сказать, свойственно ли это качество всем мальчишкам этого возраста, и одинаково ли оно проявляется. Опять же, ссылаясь на дневник, можно отметить, что эта тема является навязчивой. Ему хочется быть постоянно влюблённым. И, если этого не случается, в какой-либо период, он придумывает себе это чувство. Поэтому он – «в вечном» поиске...

Наконец, волной накатывается первая любовь. Но, пресытившись первыми впечатлениями, он пугается мысли, что теряет себя, свою свободу.

Воспользовавшись причиной – отъезд в Москву, в институт, он сознательно готовится к разрыву отношений, как бы тяжело это не происходило...

Намеренно становится грубым, придумывает, что по её вине чем-то заболел, ухаживает на её глазах за другими и т. п.

С его позиций он желает, чтобы такое поведение показало ей, что в разрыве виноват он (она?)...

И кто на самом деле больше пострадал от этого разрыва тогда и впоследствии?

Остальные темы в дневнике – СПОРТ и немного о всяком...

ДНЕВНИК 1949 года

На обложке тетради написано красным карандашом:

Не распечатывать!!! Хозяин будет сердит за это!

На внутренней стороне обложки в рамке написано:

Читать чужой дневник – это значит нагло из-за угла воровать, как бы у сонного, его мысли, чувства, переживания. Это – позорно!!!

21/ IX – 50 г.

«Лучше падать, стреляя, чем вставать со связанными руками»

Липкин.

«Счастье приносит только любовь» и сверху добавлено – «и полезная общественная деятельность».

«Истинная ценность обладания – это владеть собой»
Д. Голсуорси.

«Время всё стирает»
Гончаров.

Сверху в верхнем левом уголке написано:

«Настойчивость и упорство я считаю самыми лучшими качествами человека»

Мухтар Ауэзов 28/ III – 50 г.

30 апреля. 1949 г. Суббота.

В 1949 мне было – 15 лет.

Завтра 1 мая. Как буду проводить этот праздник: не знаю. Вообще, буду на вечере у Розы. Всего будет 12 человек: 6 на 6. Фактически знакомых 6: Я и мой ближайший товарищ по спорту – Валентин Хакимов, Роза (Файзулина), (подлинно не слышал), Ида Бурова – хорошие знакомые (давно), Рена и Валерий – средние, Света, недавно познакомился и другие, которых я не знаю.

Распорядок завтрашнего дня:

8 часов в школу до 12–1 ч. дня.

К 2 часам – домой, до 10 часов и в 10 ч. пойду на вечер.

На сердце какая-то пустота. Близкого, преданного друга у меня нет, да и вообще есть ли у меня друг? – Нет. Почему? – Да, потому что у меня такой же характер, как у Тамары Са-

лышковой – непостоянный, требующий новизны, новых тревог, впечатлений – но этого нет и... Дружу с Розой – разве это дружба?

До того как объяснились, любил её, меня тянуло к ней, быть вместе всегда и везде, ждал с нетерпением субботы и воскресения и не хотел уходить, когда встречал, но всё-таки уходил, мучил: то на танцплощадку, то ещё куда-нибудь.

Я узнал: любит меня и... всё пропало. Я думал, что это будет более крепкая любовь, чем Шурина, правда, с её стороны может быть, но мне она уже сейчас мало нравится.

Мне надо новых впечатлений в любви, но этого вовсе нет, даже того, что я больше всего не люблю: целоваться и этого нет.

Когда мне бывает скучно, я хочу видеть её, но увидев, стараюсь побыстрее уйти. Недаром я говорил, что мой характер очень похож на Тамарин С., я «полюбил» её, но всеми силами старался заглушить любовь и мне это удавалось.

Под конец я узнал, что она в 47–48–ых годах ****овала. Я вовсе затушил свои чувства, я ревнив и очень. Так было с Т. С. (Тамарой Сальшковой). Я узнавал о ней всё у В. Х. (Хакимова), и готов было его задушить, так хотел быть на его месте.

Всё это оттягивало развязку с Долорэс. Я стараюсь не замечать красоты хороших девчат, порочу их, чтобы дольше держать связь с Долорэс.

Сегодня долго морочил с письмом Вена М.

Всё-таки прочитал.

6 августа. Суббота.

Сегодня решил продолжить писать дневник каждый день, потому, что каждый день бывают новые впечатления, да и старые нужно вспомнить: иначе забудешь всё, что ещё осталось в памяти.

Итак, сегодня я проснулся в 9 30. Умылся. В 11 часов позавтракал и, взяв книгу «На досуге», стал разгадывать ребусы. Влен ещё в 9 часов ушёл сдавать конституцию. Сдал он на 5. Пока хорошо сдаёт: по русскому он сдал на 4. Ещё осталось ему математику письменно 8-го и устно – 9-го авг. Он пришёл в 1 час.

На фотографии – Влен около входа в свою «квартиру» рядом с входной дверью

Часа в 3 10 мы отправились к Ваське Загрудному. На буксире притащили к нам.

Пригнали воду. Замесили глину и заложили фундамент для будущего Вленова коридора.

Наш дом был Г-образный – длинный, на одном общем фундаменте. Под этой одной крышей жило несколько семей.

В «квартиру Влена был пристроен отдельный вход. Перед ним было решено пристроить собственными силами – коридорчик. В этот раз мы втроём: Влен, Васька Загрудный и я – заложили фундамент под этот коридор.

В 10 часов вечера ушли в парк, там пошли на кинокартину «Призвание поэта» (о Шиллере). Вышли из кино не удовлетворенные картиной: неопределённо-туманно окончилась.

Выходя из зала, увидел Любу с френом. Мы шли сзади. Ребята не заметили её, а я наблюдал за ними. Он выше её, русоволос, широк в плечах, и робок в обращении к ней (как и я). Разглядев все эти качества, я пришёл к выводу и довольно печальному: она любит, чтоб её кавалер был высок, силён, умён, разговорчив, смел (добавлено: сверху другими чернилами), настойчив. У меня защемило сердце от такой потери: ведь я её ещё долго буду любить. Но я ещё мал для неё: и годами, и ростом и ещё в чём. Надо будет отлично учиться, и чаще заглядывать в финансовый техникум.

7 августа. Воскресенье.

Сегодня с утра была хорошая погода. Но день прошёл как-то скучно и вяло. С Вленом разгадывали ребусы, потом пошли искупались на канал. Зашли к Джону и предупредили его, чтобы он пришёл фотографироваться к 9 30.

8 августа. Понедельник.

В 9 часов вышли из дома и пошли к Ваське.

Туда же пришёл и Джон. Пошли в парк и сфотографировались. Потом пошли на танцы. На первый тур – попали на последние 2 танца и танцевали: я с Луизой, Влен с Зинкой.

На 2-ой тур попали – во второй половине. Танцевали с теми же. На танцах был и Джон с З. А., которая тянется к нам, почему не знаю. Домой шли одни. Сходили в сад. Позанимались на турнике. Спали отлично: легли в 2 часа, а встал я в 9 30 ч.

Встал поздно. Разгадывал ребусы, ждал Влена. А он явился часа в 4. Он сдал. На что сам не знает. В пять часов пошёл в бассейн на тренировку. Проплыл 100 м и чертовски устал. Потом проплыл 200 м. Сначала шёл хорошо, но на последней сотке «сдох». Еле доплыл до финиша. Всё это оттого, что я не тренировался целый месяц. Сегодня узнал, что, может быть, Дет. спортшкола организует поездку в Алма-Ата. К этому времени надо будет войти в спорт форму. Вечером никуда не пошёл.

**На фотографии – Вверху – Виктор и Васька, внизу
– Влен и Джон**

28 августа. Воскресение.

Не писал 20 дней: некогда было, да и никак нельзя было достать дневник: в комнате постоянно были посторонние люди.

За эти 20 дней произошло много событий, многих я уже и не помню.

Постараюсь вспомнить...

11 августа.

За строительство пристройки Т. В. (мама Влена) дала нам 45 р. Вечером мы, т. е. я, Влен и Вас. пошли в парк, выпили по 150 и пошли на танцы.

Под воздействием водки мы стали смелыми.

Танцевали с разными бабами. Мне понравилась одна. Мы с ней танцевали вальс. Но гулять, или вообще, станцевать с ней ещё раз нельзя: фреи.

Кончились танцы и мы пошли в звездочку; даже не пошли, а побежали, чтобы успеть станцевать последний танец. С нами вместе были Влен и Хакимов. Я и Влен перескочив барьер, взяли 2-х проституток, значительно старших по возрасту. У меня сначала ничего не получалось, но под конец всё-таки получилось. Влена в это время совсем развезло: он стал очень смелым, разбил каких-то баб.

Фреи стали защищаться. Вообще этот эпизод надолго запомнится в памяти.

Хакима немного изметелили вместо Влена.

12 августа.

Провожали Ваську. Проехали вместе с ним до Пишпека. Сашина (Голубец) Надька плакала, провожая его. Теперь она стала успешно посещать танцы. Особенного больше ничего не было.

Вчера с Вленом съездили к моей бабушке в Садовое на велосипедах. Приехали обратно в 10 часов вечера. Вечером не сдержал слово, но это в последний раз.

18.10.49.

Сегодня решил взять дневник и кратко описать события 2-х месяцев.

Прежде всего, школа. В школе – пионервожатый 6-Б класса. Характеристику мне при выходе из школы дадут не лестную. Из немногих, но верных, источников знаю это: 1). не общителен, 2). не вёл общественной работы, 3). хороший физ-к, но с надломами в характере: во время соревнований у него: то живот болит, то нога и т. д. По прыжкам в высоту установил школьный рекорд 145 см. На 1000 м 3,12... (пл.). Не тренируюсь. От сидячей жизни растолстел, обленился.

В том месяце сделал отчаянную попытку сблизится с Л. Г. Сговорился с Н., и она усердно стала помогать. Это было в одну из суббот. Л. уехала (она живёт у Л. Г.) домой в Токмак. А Л. Г. с Веркой (не красивая, но имеет большой авторитет среди пр.) пришли на танцы. Н. дала инструкции в отношении поведения, разговора и т. д. (но вышло совсем

по-другому).

Я решился на всё, лишь достичь бы цели. Купили билеты, зашли на танцы. Не везёт, то фокстрот, то танго, а я все их плохо танцую.

Наконец подошёл, поздоровался. Танцевали лёгкие балльные танцы вместе. На 2-й тур попал вместе с Л. Г., но не танцевал (опять в том же порядке те же танцы).

Вышел. Контролёрша дала фальшивую контромарку и обратно не пустила по ней же. Тогда мы с Вл. сделали фальшивки сами и прошли.

Потанцевали я с Л. Г., а Влен с Верой (на него все смотрели с удивлением, до чего же не подходящая пара; он ради меня танцевал с ней).

Провожали домой с Вленом (не по инструкции Н.). Разговор не клеился (тоже не по инстр. Н.).

Обещала в воскресенье прийти на танцы.

Воскресенье. Ждём не дождёмся вечера.

Наконец, 7 часов. Мы в парк. Никого. 8. Никого. 9 – то же. Обманут? Увидели Н. Спросили причину? Не знает.

И вот увидели Верку. Н. спросила у неё. И вдруг: о. удар! Приехал бывший и, ставший в настоящее время настоящим, её друг...

В 10 я дома. Это было 2-го октября. Пришёл и решил написать сочинение: завтра надо было сдавать. И я просидел, как ни в чём не бывало до 4-х слишком часов, даже не вспом-

нив о ней.

Но потом постепенно начинает развиваться кризис. Всё равно. Начал не доделывать, не доучивать, не сдерживать слов, и т. д.

Постепенно кризис развивается, но не достиг ещё своего переломного момента. Но он наступит рано или поздно. И этот перелом будет или в хорошую, или в плохую сторону, и определит мою будущность в будущей жизни и мою натуру, характер.

Кризис может ускорить БАС (сокращённое обозначение – инициалы Бурлаковой Шурочки Степановны). БАС была накормлена «эликсиром» (Это была таблетка «шпанской мушки», по глупости, кинутая в стакан воды нами). Завтра сходим и узнаем действие этого эликсира. (Его действие проявляется только на не девственников, а последние чувствуют только неосознанное волнение, и в целом бесполезны – о чём мы тогда ничего не знали!).

Между прочим, вчера у учителя литературы (очень хороший – Данилов Н. И.) во время прохождения темы Герцен, загорелся спор о любви и счастье. Он сказал, отвечая на чей-то вопрос: – «Влюблённый слеп. Он не может видеть недостатки и положительные черты своей подруги. И тогда выходит так: парень дружит с девушкой 4 года. Женится. И выходит тяжёлая жизнь. Он не сумел увидеть, а она скрывала некоторые недостатки».

Дальше он сказал: «Если парень, влюблённый, не встре-

тит у девушки взаимности, то не под поезд бросаться, а махнуть рукой: наплевать на неё, а не унывать и тосковать, и пережить это и стремиться к цели в жизни, а девушку ещё после можно будет найти».

И далее (подлинные слова): – «Счастье не в том, чтобы лежать в кровати с женой, не во взаимной любви и благе жизни, а в творчестве, в общественной жизни. И вот, когда личная и общественная жизни будут одно и то же, – человек счастлив. А иначе – замкнутость в своём семейном кругу, семейные драмы. Причиной 90 % разводов являются женщины.

Во время войны женщин было больше, нежели мужчин, да и сейчас тоже самое и поэтому будьте осторожны, выбирая себе подругу жизни, стремитесь к цели в жизни, сочетайте общественную жизнь с личной, не будьте Е. Жилиным, Базаровым, Бельтовым, Печориным»...

Вообще урок прошёл хорошо. Он надолго останется в памяти.

Но вчера я не приготовил геометрию, нем. яз. и кир. и сегодня в 7 45 пойду в школу с не выполненными домашними заданиями.

Но, принимая во внимание наказ учителя, никогда этого не будет впредь. Сейчас ложусь спать. 0 57 ч. 18.10.49 г.(вернее уже 19-го).

30.10.49 г.

К БАС приехал брат Славка. Он лейтенант артиллерии –

моряк, только что окончивший училище. Пришли к БАС. Позвали Славку. Пришли его родители и БАСа. Дали нам по 100 гр. Парень он хороший. Наставлял меня, чтоб я с керелями Александру не пускал одну. Он правду сказал: «Нельзя доверять керелям.».

Были ещё раз у них. Александра рассказывала, как один Стёпа (товарищ Славки), хотел один поговорить с ней. До этого они втроём в 12 00 ч. ночи. подошли к «Кыргызстану». Из парка (звёздочка) вышли Аркадий (он тоже их товарищ).

Славка в это время вошёл в ресторан купить папиросы. Аркадий вёл девушку. На лице её были слёзы.

Он (Аркадий) познакомил Стёпу с ней. Её звали Тамара. Она еле волочила ноги и Аркадий на буксире потащил её куда-то. Стёпа с Александрой хотел сделать тоже самое, но Славка не разрешил.

5. XI.49 г.

Последний день учёбы. 3 дня будем отдыхать. 1 четверть окончилась очень удовлетворительно.

Не ожидал, что по математике и химии будут 4-ки. Всего 4 четвёрки (по алгебре, геометрии, физике и химии) остальные все 5.

Отец к празднику не будет здесь. Да, 2 года – это большой срок. Жизнь здесь не плохая. Только сейчас я понял значение воспитания. Да, моё воспитание было плохим, отвратительным. Характер с «надломами». Нет силы воли. Вечно я

замкнут.

Должного внимания дядя Миша и тётя Катя не обращали на меня, наткнувшись при нескольких попытках на моё «железное» упрямство.

Поняв это, дядя Миша стал на более правильный путь – игнорирования моего характера. Сам он иногда очень хорош, но иногда хуже не встретишь. Ну, о тёте Кате не буду говорить.

Праздник, я думаю, проведу не плохо. Нас пригласила Вера Романенко, она учится вместе с Вленом. Мы собрали кое-как около 100 руб. и сегодня Влен отнёс ей. Будут 12 (6:6) человек. Нас трое: Влен, я и Вл-в, и 3-ое из гидромелиоративного техникума. Девчат 6. 2-их знаем – Вера и Женя. Остальных даже ещё не видели. Кутить намечается 6 и 7-го. 8-го будем наверняка у БАСа. О Л. Г. начал забывать. От сестрёнки нет писем.

20.11.49 г.

О Л. Г. и БАС забыл почти совсем. БАС сама отказала. На месяц раньше, чем думал я.

Седьмое (вернее 6) провели у Верки. Были: Вера, Витя, Женя, Влен, Вовка (Витькин приятель), Надя, Галя, Верин брат, Петя, Маша и я. Сначала была натянутая обстановка, но под конец стали все как-то развязнее.

Здесь я впервые напился допьяна (до без сознания). Дело было так. Сели за стол. Выпили. Я сидел рядом с Машей и

Женей. Женя ухаживала за Вленом. А Влен хотел за Галей. Но Галя захотела «жениться» на Коле (В. брат). Я же за Машей и Женей. Всё хорошо помню, как выпили. Раз, другой, третий... Не закусывали. Потом вышел с Женей на огород. Тут она оставила меня одного. Я прислонился к сараю и испачкал весь костюм. (Это плохо помню, а остальное постепенно лучше и лучше: протрезвлялся). Женя побежала отговаривать Галю.

Потом я вошёл в дом. Опять пил, но это к лучшему. Сидел рядом с Женей: испачкал ей платье (она сидела с левой стороны, где я испачкал костюм). Маша рассказала мне, когда я утешал её: она плакала, что у неё есть мальчик, но его не пригласила сюда. Она по уши влюблена в него, как я был в Л. Г. Я ей сказал, что со временем всё пройдёт, и, конечно, её любовь к нему. Затем, опьяневшую Женю выводил во двор, тёр ей лоб снегом. Она тоже рассказывала, что у неё был мальчик – Марик, что ей 17 лет (1932 г), а мне было -15, что живёт она у отца, матери нет и т. д. В 3 часа пошли домой, а утром пошли на демонстрацию. Хотел посмотреть на Л. Г., но после того как прошли мы мимо трибуны, пересилив себя, я ушёл домой.

7-го были у БАС, выпили. Стянули «1001 ночь» и ушли.

8-го были у Веры. Танцевали до 11 часов. Был Вовка с Шанхая. Грозил Верке (это не обязательно).

Последние дни встречались с Женькой. Конечно, я и Влен. К Женьке не имею ничего. И, вообще, делал только

вид, что мне охота с ней дружить, но на уме у меня другое было. Узнал, что она с Вленом хочет, и, чтобы не препятствовать им, и не быть посмешищем, решил не ходить. Конечно, у меня небольшая досада и горечь – «утрата». Решил заниматься ещё лучше и учиться играть на аккордеоне, а девчат ещё хватит. Лучше учиться, а потом девчата ещё сами полезут, а сейчас рано...

Слева – Люся (сестрёнка БАС) и Александра

29.11.49 г.

Вчера покончил окончательно с БАС. Взяли лыжи, тянули

палки – Вл. – ну, и одну мне. БАС чуть не довели до слёз: Люся (сестрёнка Бас) помешала. Я себя держал очень плохо. Но это пройдёт. У неё есть мальчик.

Кто? Не знаем. Сегодня, идя из школы, встретил, пожалуй, последний раз её. Вообще.

31.12.49 г.

Последний день старого года был прекрасен.

На улице светло и тепло. Солнце светит по-весеннему. Прямо, кажется, что это не декабрь, не конец года, а весна. К новому году ждали снега, но он ещё не выпал. Таким образом, новый год начинается как бы с весны.

Пусть же в этом году всем людям нашей страны и рабочим всего мира этот новый год принесёт как можно больше счастья и любви. Пусть со 2-ой половины XX века наступят революции во всех странах, и власть возьмёт рабочий класс совместно с крестьянами. Я не оставляю и себя без пожелания (т. к. я очень самолюбив, от чего требуется избавиться). Пусть я забуду всё прошлое, и Новый год начнётся с наилучшими для меня сторонами жизни. Но всё это пышные слова.

Вчера с Вленом договорились: говорить правду друг другу и не обижаться. Таким образом, мы надеемся установить действительные дружеские отношения и попробовать чуть-чуть исправить у меня самолюбие. «Так Женьке ты понравился лучше всех вчера. Однако, во время вечера, когда вы выходили, ты, наверно, проявил нотку самолюбия, и был ли-

шён расположения» – сказал Влен. Теперь я встретился с Тоней. Требуется найти ключик к её сердцу. Вообще, девочка она не плохая, нравится мне немного, но придётся много потратить времени отыскивая «ключик». Или этот «ключик» отыщется или придётся отступить.

Где я учился в 8-ом классе я не помню, скорее всего в городе Фрунзе. Очень хорошо я помню учёбу в 9-ом и 10-ом классах.

Меня перевели в школу № 1, где наш класс состоял только из мальчиков, многим из которых было по 18–20 лет (большинство ребят были на 3–5 лет старше меня). Все остальные классы уже перешли на смешанное обучение. Нас отсутствие девочек не смущало.

Так мы последовательно закончили 9-ый и 10-ый классы. Я сидел на Камчатке, т. е. на последней парте, возле окна. И, если раньше я учился плохо, то в 9-м классе я стал отличником.

Всё мне давалось легко, запросто, я решал все задачи по математике, легко давалась химия и физика, по русскому языку я перестал делать ошибки.

Даже по немецкому я знал практически все правила, хотя слова запоминал с огромным трудом.

Причём, я не прилагал каких-то усилий: всё запоминалось легко и свободно на уроках (за исключением иностранного языка и стихотворений по литературе).

Девятый и десятый классы я закончил с единственной четверткой по русскому языку, получив две Похвальные Грамоты, но, к сожалению, почему-то без серебряной медали.

Причём, в девятом классе в сочинении, приводя стихотворение Некрасова, я допустил ошибку в слове «любвеобильный», вместо «е» я поставил "и".

А в десятом меня тянули на золотую медаль (в туалете мое сочинение проверила учительница русского языка, которая симпатизировала почему-то мне: ей был 21 год).

Но в Горно мне поставили за сочинение четвёрку. А, так как все медали были распределены заранее, то мне не досталось никакой.

Почему всё это произошло со мной – я не знаю. На любых контрольных я успевал сделать своё задание и выполнить или подсказать другим.

Причём, со своего последнего места я видел почти всё на первых партах, и, всегда мог исправить замеченные мной ошибки.

Кроме того, в 10-ом классе я самостоятельно изучил курс Дифференциальной алгебры и геометрии (по учебнику "Дифференциальное и интегральное исчисление"). Для чего я сделал это – не знаю, просто мне было интересно. Хотелось бы отметить, что, если бы я закончил школу с золотой медалью, а это планировалось всеми, то меня хотели целевым назначением направить в Московский университет без экзаменов, где для Киргизской ССР забронировано два места.

Но мне стало известно, что кто-то другой должен поехать, может быть даже киргиз.

Так как это стало известно за месяц до экзаменов, то я понял, что даже с медалью в университет можно и не поступить, я стал подумывать поступить в другой ВУЗ. Им стало МАИ: я хотел стать инженером по конструированию самолётов и других летательных аппаратов, в том числе и ракетной техники, хотя в этом я разбирался довольно плохо.

Грамотности я научился, когда мой дядя Миша стал приносить с работы редкие по тому времени книги для чтения дома.

Работал он секретарём у полномочного представителя Совета Министров при церкви (как сейчас говорят при разных конфессиях) и там была большая библиотека. На работе читать было некогда, да, и нельзя, и дядя приносил книги домой. Он никогда и никому не давал их в руки.

Мы все: дядя Миша, тётя Катя, их сын Толик и я, жили в одной комнате. Там было все: и печка с конфорками, и разделочный стол, и шкаф с посудой, и помойное ведро, и обеденный стол. Над этим столом висела лампочка. Стол был широким. Напротив меня у стены сидел дядя Миша и читал принесённую книгу, а у меня лежали учебники и тетради. Я занимался, готовясь к завтрашним занятиям в школе. Справа сидела тётя Катя, проверяя задания учеников. Чтобы успеть прочесть страницу, лежащей напротив меня книги, я должен был научиться читать справа налево перевернутые

буквы так быстро, чтобы успеть выполнить и задание. При этом нужно было, чтобы никто не заметил моего интереса к книгам: иначе меня бы выгнали из-за стола, и потребовали бы, чтобы я готовил уроки в другое время. Скорость чтения у меня стала такой, что спустя несколько лет, я мог за одну ночь прочесть книгу объёмом в 300–500 листов. Но остался существенный недостаток: я помнил сюжет, отдельные интересные эпизоды, но имя автора, имена почти всех героев я не успевал запомнить. Вероятно, встречаясь при чтении с теми или иными словами, я постепенно запоминал их. Так к десятому классу я перестал делать ошибки в написании слов, правописание далось совсем просто.

Из учителей мне запомнился историк (я не помню его имя), фронтовик, раненый в ногу, который много рассказывал об обратной стороне войны нам мальчишкам. Я его понимал: ведь дядю Мишу с его взводом послали на верную гибель, на дзот, без поддержки артиллерией – так приказал командир. Взять высоту и никаких отговорок. Так и полёт весь взвод под пулемётным огнём, но высоту взял.

А дяде Мише прострелили обе ноги. За этот подвиг он был представлен к званию Героя (правда, он получил только орден Ленина). Дядя ходил на костылях.

Хочу отметить такой факт: в институте, сдавая математику, сидя напротив преподавателя, отвечая на дополнительный вопрос по учебнику, написанному этим преподавателем, я воспроизвёл две печатные страницы по памяти, не

сделав ни одной ошибки, чем страшно удивил его. Но я не только отличался памятью, но и рассудительностью. Сам себя не похвалишь, долго будешь этого дожидаться...

ДНЕВНИК 1950 года

18. III. 50.

Душевное расстройство. Охота чего-то. Но это «чего-то» – неизвестно что. Стараюсь всеми силами подавить какие-то новые стремления к чему-то. Музыка стала не удовлетворять «новому». Изучение немца тем паче. Стал заниматься лёгкой атлетикой. Чувствую себя на занятиях превосходно.

Сегодня проходил мед. осмотр.

Рост 168 см, вес 67 кг, гр. нагр. 95 см., вдох 98 см., выдох 89 см., жим об. рук. 125 кг., пр. 56 кг., левой 50 кг. Объём лёг. 4200 куб. см. Эти данные – ничего. Только вес сбросить надо немного.

Часто вспоминаю БАСа. Только теперь – после потери – действительно начинает проявляться какая-то внутренняя любовь к ней. Надо её задушить. Всеми способами. Надо воспитывать силу воли. Многое кое-что надо. Но... сил нет взяться за выполнение «надо». Особенно, надо произвести внутренний переворот и взять в руки себя. А то...

18.3.50.

Мысли прервал приходом Влен. Про БАС – это последняя вспышка воспоминаний. Л. Г. так и не прологарифмировал. Давно забыл. Мне многого хочется. Но всё это – «многое», можно добиться только терпением, упорством и настойчивостью, которых, к сожалению, у меня почти, даже совсем – нет.

Что-то «новое» – это девчонка. Мне охота увлечься какой-нибудь девчонкой, представляться влюблённым и т. д.

III четверть прошла. У меня есть всё, абсолютно все условия быть отличником. Но я ленюсь.

В этом помогают малодушие и всё развивающееся самолюбие, доходя до скупости, дурного упорства и упрямства. Лентяй в высшей степени, «барчук» наел жиру и бесится. Но это всё чепуха.

Вот отца я не вижу 3-ий год. Летом обязательно съезжу к нему с бабушкой. Встреча доставит много приятного и в то же время много неприятного. Но ничего, вытерпим. Я же человек.

Виктор Дудко

5.4.50.

Пасмурно. В такую погоду охота побыть с кем-нибудь. А «его» нет. Тягостно. Противно на душе. Отвращение ко всему. Психически – нервное состояние. Не охота ничего делать. Даже музыка и та не удовлетворяет. Учу вальс «На сопках Манчжурии». Выучил кое-как I и II части, а третью не охота. Читаю «Жак Вентра» – не охота читать.

Если с АТИ ничего не выйдет, я узнаю завтра, то не знаю, что делать. Поссорился с Вленом из-за книги.

Я что-то ненавижу в нём, или, вернее, у нас есть одно общее, из-за которого мы ссоримся, дуемся и т. д. (не девчонка, а в характере).

Лень – ничего не охота, но я ничего не могу сделать. Скорей бы лето и отдых. Устал занимаясь.

Весна.

12.4.50 г.

Пасмурно. Идёт временами дождь. На душе хорошо, тоскливо. Всё наладилось. Одно беспокоит. Отец заболел. Что-то ерундят у него лёгкие. Я ему не желаю болеть. Пусть будет долго-долго жить здоровым. Ему 20-го 40 лет. Надо поздравить.

Лень понемногу пропадает. С ТИА наладил переписку.

Вчера ходил с Шуркой. Она уже не нравится мне. Всё в ней вызывает отвращение: и смех, и анекдоты, и, вообще,

всё. Чего хочет от нас, не знаю...

Тренируюсь по л/а. Пока ничего. Занимаюсь музыкой. Только музыкой, которую я ещё почти не знаю, можно передать, не сфальшивив, все свои и чужие переживания. Вперёд к овладению теории и практики (по аккордеону) музыки. Всё равно, хотя у меня и нет слуха, но буду играть.

Воспитывать силу воли (СВ) надо – лишив себя чего-нибудь. Например: пить меньше воды, ходить в чистой одежде, не кушать много, следить за зубами и причёской и т. д. Попробую первым третье. Буду учить.

24/IV-50 г.

Сижу на чердаке. Учить ничего не охота. Да книги мешают. Читаю «Педагогическую поэму» Макаренко. Голова что-то болит. Надо будет бросать всё и готовиться к экзаменам. Но (опять оно...).

Ничего не охота, тем более учить. Новость. Тамарка С. приехала. Но у неё броня и не одна, а две. Но это чепуха. Меня больше интересует АГИ (таи). Снова надо будет (более осторожно) разыгрывать комедию влюблённости. Правда, писем её я жду с нетерпением или, даже, страдаю из-за них. Но всё-таки не верится, что так будет. Я ей кажусь, наверно, (по письмам) немного чудаковатым. Но ничего. Лишь бы она не разочаровалась во мне под чьим-либо влиянием (в частности Аллы). Но если у меня с ней ничего не выйдет, то... не знаю, что со мной будет. Впрочем, будущее покажет, а пока помолчим. Всё определиться 5 июня. В день приезда

будет всё выяснено вполне. Если поцелуемся, значит..., если просто по-дружески поздороваемся, то придётся в быстрых темпах нагонять упущенное, или отступить. Таким образом, дело за приездом и за моим отношением к ней в письмах. Посмотрим, – в дальнейшем всё будет ясно. Вот и всё. Писать больше не о чём. Событий выдающихся пока нет.

29.4.50.

Послезавтра 1-ое мая. Встречать не с кем. 4 пацана: я, Влен, Канька и Петька. На несчастные 90 р. Хотя все те, с кем я в прошлом году встречал 1-ое мая и живы и находятся здесь, но время не терпит. Наша прошлогодняя группировка разбита и образовались уже новые (у старых знакомых), кроме меня. У меня ещё никого нет.

ТАИ что-то не пишет. Хотел поиграть с Нинкой (с муз. кружка), но у неё кажется, кто-то есть, хотя она немного смущается в моём присутствии, но всё-таки я хочу верить, что она немного влюблена (не по настоящему, так по любопытству, по-дружески). Но время прошло.

И уже поздно, хотя вчера (мы выступали у себя) она хотела пригласить к себе, или к кому-то другому (другой)). Ведь, она детдомовка, но застенялась.

Она хороша на вид. Но черт с ней, раз ничего не вышло. Бросаю об этом говорить, да и в школу пора уже 7 45 ч. ут.

10.6.50.

Сдал последний экзамен. Я десятиклассник.

Сдал все на 5, кроме сочинения (4). Как-то незаметно, как становишься всё более возмужалым.

10-й класс думаю кончать здесь и больше нигде. Отец не пишет, мать и сестрёнка тоже (я им сегодня напишу). Последний год учёбы: надо приложить все усилия, чтобы сдать на все 5. Летом подучу нем. язык, литературу и русский. Буду и отдыхать, занимаясь спортом. Думаю попасть на всесоюзные соревнования или по л/а или по плаванию (более вероятно), а после них съездить к отцу (но у него не останусь).

Дома у дяди Миши надо вести себя более прилично, чем раньше: помогать в чем можешь, чтобы остаться у них ещё на 1 год.

Хотел бы написать всё, что было в период с 1 мая по 9 июня, да сейчас нет охоты писать. Только одно волнует: ТАИ с 1 июня ничего не писала и телеграмму не посылала: приехала или нет, или ей сообщили о ММ и она не хочет встречаться – не знаю.

30.6.50 г.

Полгода 50-го пролетело. Как быстро бежит время: за ним не угонишься. Всё движется вперёд.

Без движения – нет жизни. Жизнь будет обывательской, если события будут повторяться без изменений. В жизни всё должно быть новым. Двигаясь вперёд, ты встречаешь новое. Если нет ничего нового, значит, ты остановился, или двигаешься назад. А кто остановился, или двигается вспять, будет раздавлен «колесом истории».

А я остановился. Меня больше прельщает старое, чем новое. Я хочу «встряски»: Чтобы двинуться снова вперёд, нужна, именно, «встряски».

Этой «встряской» и будет, наверно, приезд отца (на днях). Его я как-то боюсь и не боюсь. Он далёк от меня. Я рос лодырем и «белоручкой». Сейчас очень трудно меня переломать. Окриками и силой тоже ничего не сделаешь в этом отношении. Здесь лучше поможет подход хорошей девушки, которая возьмёт меня в руки. Чувствую надо перестраиваться, но сам не могу, а друзья не видят этого. Нужна всё таки «встряска».

Часть 3 Брест

**На фотографии – Я (ВИКТОР) НА БАТИНОМ МО-
ТОЦИКЛЕ**

ПРОДОЛЖЕНИЕ МОЕГО ДНЕВНИКА

ДОБАВЛЯЕТ ИРАИДА

Странная ассоциация. Дневник Виктора мне напоминает неопытного гитариста. Вот он – молодой парень, ещё не взрослый, но уже и не ребёнок, сидит на лавочке и на коленях у него – гитара. Он учится брать аккорды.левой рукой, зажав гриф тремя пальцами нажимает на три разные струны, а правой рукой забирает почти все струны в горсть, оттягивает их и потом резко отпускает, при этом ухитряясь ударить рукой по всем струнам одновременно.

Звучит резкий аккорд, а потом какая-то одна струна ещё долго дрожит, успокаиваясь, и от неё тянется протяжный вибрирующий звук. Не было начала, не известна мелодия, но есть желание. Желание – научиться играть и играть хорошо. Но для этого нужно учиться долго и упорно.

Вот и у Виктора на протяжении всего дневника наблюдаются отдельные аккорды и вибрирующее на протяжении всего дневника острое желание. Желание – научиться играть не только отдельные аккорды, а что? Он сам ещё смутно пони-

мает – что он хочет сыграть...

Но он также понимает, что желать – мало, ничего в жизни не даётся без прилежного труда. И он внушает себе, настраивает себя, обещает себе...

Вы думаете – у него получится?

ВСПОМИНАЕТ ВИКТОР...

Виктор и Женька Дудко

В 10 классе я решил учиться в Бресте. Наконец, мы воссоединились с отцом и Женькой, который ходил за мной хвостикам.

Я очень скучал по Фрунзенским друзьям и девчонкам.

Переписывался только с Вленом. Вернее, я ему писал и писал, а он не отвечал, на что-то на меня обидевшись.

А по ночам я продолжал вести свой дневник...

Стараюсь разобраться в себе самом и переоценивать все свои прошлые поступки, а главное – отношения с БАС. Только на расстоянии видится всё трезво и по-новому. Многого тогда не понимал. Но прошлого не вернешь. И сегодня нельзя исправлять свои прошлые ошибки. Всё настоящее – залог будущего.

А оно вот уже – близко. Зима пройдет Снег растает. Весной – выпускные экзамены. Нужна медаль, чтобы поступить в институт. А для этого нужно выбросить все глупости из головы и – учиться, учиться, учиться...

А куда девать лень? Нужно себя воспитывать, меняться, стараться быть дисциплинированным, настойчивым!

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДНЕВНИКА

Виктор и Евгений Дудко 1950 год

28.8.50.

Почти 2 месяца не писал: нельзя, да и некогда было вынимать дневник и писать. За этот период произошло много событий.

Участвовал в республиканских соревнованиях по л/ат. По обществам и по школьникам (5–9. 7. 50. и 11–15 7.50 г.). Выступал неплохо: 2–3-и места по основным видам спорта.

Потом (20.7.50 г.) поехали в Ленинград на всесоюзные соревнования по л/а. В дороге тоже было много происшествий. Писать о них сейчас нет охоты. В общем, поездка надоела «до чертиков». Теперь (с 6.8.50 г.) сижу здесь и ничего не делаю. Уже такое сидение надоело. Вчера ответил (1) Влену на его письмо и вечером пошёл в парк на танцы. Выпили по 100 гр. Сначала не танцевал, но потом расхрабрился и начал танцевать с разными шалашовками. Танцуют здесь по-другому, даже вальс не так выводят (выход). Да, скучно и грустно без милой души, а как они хороши! Не представляю.

11.9.50 г.

Пошла третья неделя, как начали учиться, Класс у нас не плохой. В классе 22 человека, из ни 14 – мальчиков и 8 девочек. Хорошая только одна, Пушкина. Младше БАС на 1 год. Она красива только тогда, когда смеётся, вернее, улыбается. Так внешне стройна. В 10 «А» есть девчонка немного похожая на БАС. Такие же русые волосы, губы и т. д. Но я не засматриваюсь. В городе видел девчонку, точь-в-точь БАС, прямо копия-оригинал. Я даже обогнал её, чтобы лучше рас-

смотреть.

7.9.50. и 9.9.50 г.

Получил первые 5 по немецкому и истории.

Немка пока очень хорошая – она будет только месяц потому, что учительница нем. языка в отпуске. Хорошая тоже литераторша (полмесяца будет). Выбрали в комитет класса. Я физорг класса.

Школа пока нравится. Но дома скучно. Влен не пишет, а товарищей я даже и не хочу заводить: не к чему, будут только мешать. Насчёт девчонки дело другое и то только, чтобы дружить, а не представляться.

Наладил бы переписку с БАС, да не охота унижаться. Когда припрёт нужда, напишу ей длинное с шифровкой письмомо.

Впрочем, я много передумал насчёт своего тогдашнего поведения и признал своё фиаско, свои ошибки. Если она ответит на письмо, значит, она говорила правду в отношении ЛГ с маленькой буквы (не имени).

Да, надула меня М. И., как говорят – нарвался сходу на... женщину 22-х летнюю, хотя ростом, годами (говорила 19) и формой и не похожа. Правду говорила Верка Семанюк про неё (ат): сбегала из дома. Правда, и сама Верка на неё похожа, поскольку они и ссорятся.

Рыло у М. М. так и просит кирпича. Гадина такая, она рассказывала свои «похождения» с другими и хотела расписки в паспорте (я врал на 19, а мне только 17–5 лет разницы!).

Лучше б я иногда вообще ни с кем не ходил. Или ходил как с Лидкой (подругой Алфёрихи).

Ну, ладно о старом вспоминать. «Кто старое помянет, тому глаз вон...».

20 октября думаю послать БАС поздравительное письмо. ей исполняется 20. Сейчас что-то мысли не идут. Вот и когда-нибудь, немного выпью и тогда возьму дневник и напишу. Сейчас пишу безобразно плохо. Надо исправлять по черк!!!

18.9.50.

Вчера участвовал в заочных л/а соревнованиях. Выступил очень плохо. Пробежал 100 м за 12,8 сек. Небывало плохое время, прыгнул на 140 см, диск 20 м. Не тренировался: вот и результат.

Да, всё плохо. Я одинок. Эгоист везде и всюду «одинок». Следовательно, я – эгоист. Да, я, во-первых, нелюдим, потому что не люблю много народа: они мешают учить.

Во-вторых, мелко эгоистичен. В – третьих, себялюбив, много самомнения, много того, чему не надо быть.

Поступки свои начинаю анализировать после того, как совершил их, а не до того, как совершить.

Мне антипатично нравится РЛ.

От БАС, она младше её на 1 год. Это просто немного. Всё! Мне нравятся старшие. Я развился раньше времени, установленного природой. В этом отношении я старше, почти,

всех в классе. Какие в классе есть наивные. Я уже хочу того, что мне не положено. Да, правильно устроила мать Самгина, но у меня нет «матери», следовательно, мне надо добиваться самому, но нет охоты (лень). Да, и время тратить зря не охота. Но «этого» охота «иметь».

С «ВС» не хочется зря ссориться, но она сама этого хочет и лазит «по карманам». Для партийца не знаю – зачем лазить. Что ей нужно.

В карманах ничего нет, и не будет. Ну, чёрт с ней. Если я поссорюсь – боюсь за последствия. Когда меня рассердят я «теряю» голову, ничего не соображаю, а всё забываю и вхожу в азарт. В голову что-то ударяет, и я боюсь за себя.

20/1 X-50.

Как тяжело человеку порывать со старым!

Как тяжело терять друзей, хотя бы ненадолго. Да, Влен не пишет и не отвечает мне – а тоже мне друг. Ладно, чёрт с ним.

Сейчас надо жить, а я существую, и существую для того, чтобы учиться, а учусь отвратительно. Нет! Нужен коренной перелом. Или – или.

Проучусь четверть и уеду во Фрунзе. Если, даже, там не получу медаль, то пойду в какой-нибудь университет на физмат. Что ни говори, математика мне нравится своей сухостью, и тогда... прощай мечты о моём корабле – всё пропало.

Да! Довольно-таки плохая история – меня выгнали с аст-

рономии (21.9.50). Вот и пишу сейчас, но обиды почти нет. Нет, надо любить и ненавидеть – только тогда все дела пойдут отлично. А у меня ещё нет.

БАС потеряна, а на новых не надеюсь.

**Батя с сыновьями – Женечкой и Виктором Брест
1950 год**

30/IX-50.

Как во сне хожу эти дни. Сегодня суббота. Хотел из школы пойти в кино. Но не было с кем. Домой шёл один. И тут я почувствовал горькую правду: «Эгоист (даже в отношении себя лично) везде и всюду одинок».

Нет ни товарищей, ни друзей. Нет, даже такой девчонки, чтобы можно было влюбиться (или показать вид). В общем, одно – нет цели для чего и зачем стремиться, чтобы ей (цели) подчинить волю, стремление, упорство и т. д. Да, нет! Но нужно найти её – цель, во что бы-то ни стало. Иначе, я пропаду идейно, культурно и морально.

Здесь я, конечно, пропаду. И на кой черт я остался.

Решил: окончить – там, надо было остаться (вернее, уехать) там и я бы, может быть, окончил бы на все 5, а тут в четвертных будут 4-ки и, даже, могут быть 3-ки. Это стыдно и позорно.

Но проклятая обстановка не позволяет, не даёт основательно взяться за это. Идиотский характер, эгоизм и т. д., а также «мужские пробуждения», – всё это очень влияет. За многие «нужно» я берусь, но СВ (силы воли) нету, нет усидчивости, терпение есть, но wenig, надо besser. Моё одиночество-дикарство в цивилизованном Welt. Ich bin, вьюсь, но так не могу выехать ans положения.

Сейчас на дворе луна, светло вокруг – так и охота с кем-нибудь побыть на улице. Всё видно, wie Tag. Jedoch in grostar красках. Jetzt setze ich и hore радиоприёмник. Я упрямым добился, dass sitzt er hier. Zwar er nich wenig und.... mir. Ввожу в мою писанину немецкие слова, чтобы быстрее на нём разговаривать.

Прошла 1-я тяжёлая неделя. С честью выдержал натиск времени. Времени стало совсем не хватать. Сегодня сдал сочинение. Дела в школе идут по-прежнему средне. И не туда и не сюда. Сегодня лягу спать раньше, чтобы выспаться за 2 дня.

В 2 30 кончил «Милого друга». Книга вызвала у меня отращение к женщинам. Хотя во мне и кипит «весна», однако, она вызвала именно такое чувство, и в то же время охота ни в чём, кроме одного Дюруа. Это сильный и смелый прохвост, который, бесспорно, слепит сверху. Надо будет ходить чистым, быть Schoner.

Ich schein lieben in Weld. Y. По-моему, это просто свист. Это маленькое увлечение и оно быстро пройдёт.

Подобные отношения к Weld.Y являются не делом, а простыми, пустыми словами, которые ничего не значат сами по себе: нужно работать, действовать и действовать более решительно и надеяться. Но для таких дел у меня не хватает сноровки, смелости. Я просто олух. Дурак ослоухий, живущий какими-то мечтами во что-то лучшее. Жди, не жди, само к тебе ничего не придёт.

Ищи, добивайся, завоёвывай своими руками. Правда, иногда, не плохо и помечтать. Но осуществить свою мечту ты можешь только сам, дяденька не поднесёт её готовую, отшлифованную тебе. Надо всегда помнить: «кто ищет (особенно с упорством), тот всегда найдёт».

Завтра напечатаю письмо БАСу. Поздравлю её с днём

рождения. Письмо как раз придёт числа 18–20, т. е. ко дню её именин. Интересно она – unberuhst der nicht. Obwohl – ja. Gut. Obwohl reen, keen wer постарался inberessierte. Ну, чорт с ними.

Дела в школе по этой Teil, gehe bei mir schlecht. Obwohl in disen неделе nicht (по) gehen, kenn брошу к чертям всё. Сейчас спать хочу. Слушаю радио и хочу спать – вместе.

10/X-50.

Какое-то хорошее весёлое настроение в половине этой недели. Письмо сдал сегодня, когда шёл в школу. Поздравил и напомнил об обещаниях БАСа.

Старое, особенно, плохое постепенно забывается. Вспоминать о нём нет охоты. Всё более втягиваюсь в общественную работу в школе. Из меня агитатор – хороший. Только поганенькой лени немножко осталось во мне. Но скоро и с этим справлюсь.

От Влена ничего нет, а прошло 2 с лишком недели и ответа Влена нет. Жаль, что нет. Друзей так и не нашёл. Девчонкам, может, и нравлюсь некоторым, да, они мне нет. Сегодня шкодничали: написали Пушкиной в дневник о любви.

У меня недавно ещё уши горели: за школой – «добром» вспоминала.

Эта неотёсанная кокотка, которую я впервые вижу. Что можно написать – радио выбило из головы. В другой раз напишу.

Да, об учителях. Как сказала Елена Степановна, литераторша: «У меня есть любимчики». Это жестокая правда. Учитель должен быть личностью с неприкосновенной, т. е. ничем не запятнанной репутацией. У него не должны быть «любимчики». И если есть, то не так открыто, как здесь наблюдается.

Учитель – человек и ему, как человеку, нравится тот или иной ученик. Пусть нравится, но не надо выделять его, если он не стоит так высоко. Незаслуженные отметки, вызывают у учеников ненависть к ученику (у нас Прошкин и др.) или реже к учителю.

На учительскую слабость смотрят, как нечто обыденное, и это унижает его перед учениками.

Учитель должен быть справедливым! Учитель должен быть беспристрастным!!! А в этом случае – чему учатся ученики у своего учителя – разделению людей на «любимчиков и постылых» (слова литераторши). Нет, не правы в этом отношении наши учителя. Они учат разделению в жизни. Они воспитывают учеников ещё в том, что: – «Как не готовь хорошо уроки, никогда Прониным не станешь».

Да, ну, их к черту! Приготовлю урок как-нибудь, авось, на «четвёрку» (он уже мечтать перестал о 5-ках) отвечу. За это время я лучше почитаю или, хуже того, ничего не буду делать. Так просто «проведу время до школы. А там решим, что не захотелось решать. И т. д.».

Подведём итог: – таким образом, учителя воспитывают

(не все конечно) лень, потерю силы воли и т. д., т. е. противоположное, чему бы они хотели или должны были учить. Я повторяю: «Учитель будь бесстрастен по отношению к своим воспитанникам и ученикам!».

17.10.50.

Завтра или послезавтра БАС bekommen wird ein Brief. Интересно, что sie dacht von mir o der nicht. Неизвестно, конечно, догадается ли, но... черт его знает. Ладно, а если mit ihnen. Всё равно уже поздно и ничего не поправишь.

Колеблюсь, где оканчивать школу здесь или туда ехать. Посмотрю ещё недельки 2–2,5. Там решу окончательно. Решение будет не позже.

2.11.50.

Вообще, конечно, я здесь на все 5 не окончу – это истина баз доказательства – аксиома обо мне.

Дела в школе идут по-прежнему. Сдал на ГТО-2. В это воскресенье на внутри школьных соревнованиях сравнительно хорошо выступил без тренировки: 100–12,0. (хор.) 200–26,8 (пл.), дл. 5 м. (средне), диск 26,8 (хор)., гран. 700 гр. 56 м. (хорошо). Завтра, если погода будет хорошей, пойду на первую индивидуальную тренировку.

Без увлечения какого-нибудь, теряешь интерес ко всему. Я решил в неделю 9 часов на тренировку выделить.

Занимаясь, я буду к чему-то стремиться и, следовательно,

подтянется учёба и улучшится настроение, которое довольно-таки поганое сейчас у меня.

Вроде не по-настоящему втрескался в П-ну. Трофимук немного ревнует. Она ничего. На наши записки не отвечает. Ну, на неё ещё посмотрим. А вот Влен не пишет 5-ую неделю. Погано. Если до четверга не придёт письмо от него, то напишу ему третье. Событий, пока, не было.

19.10.50.

Потерпел фиаско vor Puschkinojo. Это ничего. Хорошо. Надо отступить без паники: паника – это хуже поражения. Завтра спрошу у неё: правда или нет. Надо действовать теперь открыто. Выйдет или нет – всё хорошо. Не надо терять мужества никогда. Сейчас лучшее говорить с ней открыто. Черт с ней: если расскажет другим – это не плохо: всё равно уеду. А прослыть влюбленным – лестно.

«И вновь я остался один»: эгоист везде и всюду одинок. Это – неоспоримая правда. Надо изживать плохое из себя. Как раз у тебя формируется характер, и для того, чтобы поправить его, нужно постороннее влияние, особенно, со стороны девушки, которую немного уважаешь (не обязательно любить).

Счастье и заключается в вере в будущее. Но у меня нет веры ни во что. И сегодняшний день, как и все, являются для меня пустой тратой времени (но без деньги – время, т. е. наоборот время – деньги – это американцам присуще, а для

нас время – дороже всех денег). Мне жалко этого времени. «Мои таланты» – растрачиваются. Всё, что было хорошего во мне: улетучивается.

Одиночество – форма дикарства в нашем цивилизованном мире. Я – формальный, заросший, определившийся, точный, типичный дикарь. Жалею, что Влен не отгесал меня больше. Я как-нибудь по-дикарски погибну. Все мои мечты – это пустые мечтания, мечтания не осуществимые без веры в лучшее в будущем. Мне кто-то должен помочь выбраться из этого омута. Надо вырабатывать сильную СВ.

Решаю:

1. Папке заявляю о моём выезде числа 4–5 ноября.
2. Завтра объяснюсь с РП., и после этого заявляю п. № 1 (этого решения нет).
3. Напишу завтра вечером письмо Влену (от него ничего до сих пор нет).

ШУРОЧКА

Интересно, БАС получила моё послание: как отнеслась к нему, догадалась – думаю: нет! Послезавтра выпью за неё с

Трофимчуком Павлом. Залью своё тяжкое «горе».

20.10.50 г.

Сегодня, в 3 часа утра по-нашему, и в 6 по её, поздравил, конечно, мысленно БАС с 20-летием.

Был на тренировке. Тренер замечательный во всех отношениях, человек исключительный. Такого тренера я ещё не встречал. Буду теперь ходить на тренировки в спортзал.

Начал заниматься музыкой. По 2 часа в день урываю на неё: может, что получится – не знаю!

Сейчас ухожу в школу (уезжаю), обязательно объяснюсь с РП. Объяснился: не верит. Фиаско в квадрате. Жалко: будет известно всем девчатам. Немножко стыдно. Поступил не тактично. Не надо было говорить о записках. Сказал бы о последней и хватит. Безобразие! и т. д. Исчезла РП.

Ну, кончил и сдержал свои слова (решения). Поговорил с папкой насчёт учёбы: где? и как? Решили 3–4 выехать мне.

Всё-таки поеду или в МАИ или Уфимский АИ. Выдержу экзамены.

Ей-богу. Ей-ей. Как говорится. Стипендию буду получать обязательно (сдам не меньше, чем на 4-ки). Да, Влену не писал: был на активе горактива. Вероятно, (точно) напишу ему в воскресенье. Писем ни от кого нет.

22/X-50 г.

Что-то часто заглядываю в дневник. От сестрёнки получил письмо. Пишет болела. Да, плохо ей. Написал сегодня

ответ ей.

Написал Влену письмо: он не пишет. Почему? Чёрт его знает.

В субботу был у Павла. Выпили немного (по 250 гр). Мало таким здоровым. За здоровье БАС и за её XX-летие пил вчера. И сегодня поздравляю её с днём рождения. Сейчас осталось 20 минут по местному, а по фрунзенскому 3–20 утра. Так что, надеюсь, первый из всех поздравляю её. Интересно – помнит меня или нет. Вернее вспомнит ли завтра. Если она пошла по пути кокетства, то пропала: она будет отчаянной б-ю. Сильная, крепкая девка, могущая многим дать, как следует.

Слушаю радиоприёмник и вспоминаю неудачное 1-ое увлечение, за ним все остальные. Тем паче, вспоминаю и злюсь на себя за то, что охота бабы, а её нет. До невозможности охота. Смотреть на любую: так готов броситься, забыв обо всём, и об указе от 1949 г. об изнасиловании. Ничто уже не удовлетворяет: ни книги, ни разные ощущения и всё больше и больше охота. Прямо хоть «топись». Да, тут ещё воспоминания, которые расслабляют волю и сознание. Идёшь на всякие сделки с совестью и считаешь: я победил совесть, но совесть победима лишь для сильных духом, а я от своей совести никуда не могу уйти. Она везде и всюду меня терзает, бьёт по сердцу, по щекам, по разуму, по воле. Влияет отрицательно на все мои поступки: огорчения делает плохими, плохие – ещё хуже. Я стал вспыльчив, раздражителен: удо-

влетворить и я стану опять нормальным человеком, не ищущим «чего-то».

Удовлетворить!!! Актуальный вопрос моей теперешней жизни. Я ещё пока имею трудоспособность, сдержанность (небольшую), терпение (небольшое) и все это, исчезнет, если не разрешиться основной, актуальный вопрос. Быстрее к осуществлению!

29/X-50 г.

Но легко сказать, а труднее выполнить. Сегодня воскресенье. 3-го я уезжаю, числа 10–12 буду во Фрунзе.

Сейчас с папкой выпили. Но хмель уже прошёл. Жаль, когда был хмель, не мог взять дневник, а то многое бы написал. Обо всём: о девчатах, о ребятах, Влене и др. Но... Везде это но...

Наслаждаться, но... иметь горькие минуты.

Сделать хорошо, но... что-нибудь не так. И... убежать, уехать.

Но хорошо, что я уезжаю из этого проклятого города, где моя учёба «катилась кое-как», «еле-еле душа в теле». А каждое упущенное мгновение для нас 10-классников – преступление. Надо всё готовить вовремя.

Я верю, что там, во Фрунзе, я хотя бы на серебряную окончу, но первая четверть дала слишком плохие результаты, да я сам халатно относился к учёбе, к домашним занятиям, надеясь на свой изворотливый ум, а нет: не пойдёт дело в 10

классе в таком духе – нет!!! Я должен и обязан окончить только на 5 (в связи с отъездом: деньги не тратились попусту).

Несправедливость учителей – всё это правильно, но не надо забывать и о себе, своих способностях, нужно и надо заниматься лучше.

Нужно и надо лучше относиться к людям, особенно, к домашним: во Фрунзе к т. Кате и дяде Мише. Нужно быть общительным, весёлым, жизнерадостным, а не «пессимистом», как сказала Степановна – литераторша. Нужно изживать всё плохое из себя, сделаться человеком в полном смысле слова, а не чем-то пустым, «выдуманым». Не надо прельщаться иллюзиями. Они расслабляют волю, как всякие мечтания, они вредны для общего состояния организма. Чтобы правильно, для чего-то жить – нужно, верить в это «что-то». Без веры нет жизни, а есть существование. Я хочу жить, но меня толкают к существованию. Я стараюсь жить, а, оказывается, я существую.

Я должен верить в 2 маленькие перспективы, большая из них – окончить 10-ый класс на все 5, для чего приложить все усилия, особенно, к каллиграфии и русскому языку: меньшее – спорт – пробежать 100 за 11,2, диск за 33 м. и высота 160 – всё это я смогу сделать. Но мне нужна твёрдая вера в это, а для того, чтобы она была, нужно будет во Фрунзе найти девчонку, которая возьмёт меня в руки, в крайнем случае, БАС или Долорэс. Кто-то из них должен помочь. Я

попрошу Влена посодействовать с БАСом. Напишу ему отсюда, что я не верю, а он пусть найдет на Сашку, та и посодействует, поможет мне. Она, если ещё не испортилась, сможет это сделать, особенно, если не совсем ещё забыла «Злого Витьку». А этот Винька поверит в существование «великой» любви, и будет совершать то, к чему он стремился, для чего ему не следует быть «барчуком», белоручкой, не чураться грязной работы. Он должен, несмотря на свою занятность, помогать дома по хозяйству, а то какой он комсомолец, раз боится трудностей. Всё это я сделаю. Я заверяю не самоуверенно, но честно заявляю, я уверен в этом. Буду стремиться к этому. Раз я хочу быть конструктором, да поступить в МАИ, я должен кончить 10 классов, именно, на все 5.

Иначе, мне придётся делать запросы в АИ в городе Уфе или других, менее значительных городах, где конкурс будет меньше и легче будет пролезть, не пролезть, а стать студентом со стипендией (не век отец будет кормить!). Это обязательно. Я не пойду по стопам других, отчаявшихся: «Эх. Да, я не сдал на 5. Лучше меньше буду тратить себя, да сдам, во всяком случае, на 4».

Нет, это не моя дорога. Я – не выдающийся. Я как тысячи и сотни тысяч других, но обязан в борьбе за свои мечты, сам, а не с помощью дяденьки, добиться её осуществления, И я должен и обязан добиться. Я понял, что, если сам не будешь делать, или сам не сделаешь: поленишься, то другие не сделают за тебя, а, наоборот, против тебя (на примере Прошки-

на).

Ребята нашего класса хорошие, но не все. Город хорош своей особенностью. И сегодня, когда я шёл с тренировки, то при мысли, что я скоро покину его, стало жалко этого насиженного места, города, посёлка, деревни – всё жалко. Вероятно, я не увижу его более.

Моя интеллектуальная особа очень восприимчива к таким чувствам. Но, если потребуется, я отброшу это принижающее моё качество. Я пойду напролом, что в большинстве случаев не требуется.

Мне многое нужно изживать и поэтому я верю во что-то, управляющее мной.

Я, как Андрей Находка. Под руководством сильных духом я сделаю многое. Как и большинство нашего народа также делает всё под руководством ВКП(б).

Я уверен, что будет война и последняя. Стоит один вопрос: мы или они. И мы должны победить.

Это, несомненно, но притом погибнут сотни миллионов людей – это будет самая жестокая, смертоносная война. Война не на жизнь, а на смерть. И я хочу, чтобы она началась лет так через 5. Тогда я смогу существенно помочь Родине, как изобретатель. Я верю, что я сделаю что-нибудь новое, если сумею, или успею окончить институт.

А для этого (учиться) 3 (в кубе). Учиться только на 5. Это насущная задача. И я разрешу её.

С завтрашнего дня приступаю к выполнению моего реше-

ния.

Не сегодня, а завтра, ибо я итак пишу при свечке.

Сестрёнка Рита писала письма в Брест.

Письмо в Брест из Каменец-Подольского.

Бате от Риты.

sssЗДРАВСТВУЙТЕ ПАПА И ВИТЯ.

sssПочему вы молчите? Я не знаю, что и думать.

sssПапа, а ты даже строчки не напишешь своей дочурке. Почему? А ещё обещал писать, не хорошо не исполнять данные обещания.

sssЯ жду, а ответа от вас нет, как в рот воды набрали.

sssИзвините меня, что не поздравила вас с праздником, но лучше позже, чем никогда. У меня дела идут ничего. В четверти две четвёрки – по русскому и украинскому письменно. А как дела у Вити, напиши. Папа, я думаю, что после этого письма ты напишешь. Я буду ждать. Забыл ли ты обещание?

sssПапа, прошу тебя купить мне туфли (35 размер), здесь нет туфель. Мама сшила мне зимнее пальто и платье. Купила шаль за 350 рублей. Только нет у меня туфель. Папа, прошу тебя, пожалуйста, напиши. Жду ответа от тебя. Передай привет мой Вите. Целую крепко-крепко тебя.

aaaТвоя дочурка – РИТА.

sssПришли фото. Жду ответа.

aaaТВОЯ РИТА

Письмо в Брест из Каменец-Подольского.

Бате от Риты.

13.12.50 г.

сссЗДРАВСТВУЙ, ПАПА!

сссПолучили ваше письмо и фото. Большое спасибо вам за внимание.

сссПапа, в письме ты задал вопрос, почему мы не отвечаем, можно ли Вите приехать к нам. Конечно, можно! Мы очень будем рады его приезду.

сссНо приедет ли Витя? Папа! Постарайся, пусть он приедет к нам в гости. Прошло 4,5 года, как мы не видели его.

сссПапа! Пусть Витя приедет к нам в зимние каникулы. Летом он вновь не приедет, ибо ему нужно поступать в вуз. Так он приедет на зимние каникулы на 2 недели. Ведь прошло 4,5 года, как мы не виделись!

сссПапа, я очень прошу тебя, пусть Витя приедет. Всё может быть в жизни, может и не произойти другой встречи. Я надеюсь, что ты сделаешь мою просьбу. Очень прошу тебя! Буду ждать скорого ответа на это письмо. Папа, ты туфель не мог купить даже в Москве, а пишешь о том, что можно купить их здесь, но тут ничего совершенно нет, и не на что надеяться. Папа, я думаю, что ты их купишь и пришлешь ко дню моего рождения. Учёба идёт хорошо!

сссЖду. Папа, скорого ответа. Привет Вите от мамы и меня.

сссЦелую крепко-крепко.

aaaТВОЯ ДОЧЬ – РИТА.

В конверте письма к отцу – вложено письмо
Вите от Риты.

сссЗДРАВСТВУЙ, ДОРОГОЙ ВИТЯ!

сссВитя, милый, приезжай к нам. Мамочка и я будем ждать тебя. Витя! Ты не сможешь приехать к нам летом, то, хоть, в зимние каникулы к нам загляни. Сделай это! Тебе не трудно. Погостишь, и уедешь кончать 10-ый класс. Приедешь или нет, то давай скорей ответ. Если поедешь, то так, чтобы в Киеве быть в чётное число, так как поезд из Киева отходит 10 минут первого не чётного числа. Как ты учишься?

сссЦелуем тебя крепко-крепко.

aaaТВОИ МАМОЧКА И СЕСТРА. Жду ответа – РИТА

Однажды, когда я ехал в гости на каникулы в Каменец-Подольский, когда уже учился в МАИ, где-то в 53–54 году, под поезд бросилась девушка лет 17-ти. Когда поезд остановился, то голова её стояла под нашим вагоном. Две косы спустились с неё. Все бегали посмотреть на стоящую отрезанную голову. Поезд надолго задержался. (Вероятно, оформляли какие-то документы).

Мама и сестрёнка, как и все встречающие, стали беспокоиться: не случилось что-то с поездом, так как путь был расхлябанным и много лет не ремонтировался.

Этот эпизод также запомнился мне, как и шок, который я

тогда испытал. Он прошёл только через несколько дней.

Часть 4

Опять Фрунзе

Я вернулся. Во Фрунзе ничего не изменилось внешне. Но на самом деле – семья стала больше. Из Бреста вернулась бабушка, а из армии приехал домой сын дяди Миши и тёти Кати – Юлька.

В верхнем ряду – Юлька и я (Виктор), в нижнем – тётя Катя, дядя Миша и бабушка.

Я примерил на себя юлькину военную форму и сфотографировался в ней.

Виктор Дудко

И ОПЯТЬ – ФРУНЗЕ

И ОПЯТЬ ПО НОЧАМ МОЙ ДРУГ – ДНЕВНИК

12/XI-50.

Давно уже приехал сюда. Скучно одному, но теперь помирился с лучшим прошлым другом. Как бы мы не относились друг к другу, но дружественная такая настроенность у нас осталась. Может быть, всё будет по-старому, но не исключена возможность, что мы останемся только друзьями, и вовсе не будем вмешиваться в личные дела друг друга.

Вообще, несмотря ни на что, я буду придерживаться политики нейтралитета во всех делах. Её я, по-прежнему, уважаю, относиться думаю по-новому: хорошо, джентельменски, для чего надо избавиться от насморка и 2-х зубов. Но я очень загружен и времени мне не хватает. Но ничего всё будет хорошо. Нет писем только от Влена, сестрёнки и отца – это плохо.

ШУРОЧКА

25/XI-50 г.

Да, я уже морально потерял БАС. Я знаю, что, если вернуться к прошлому, надо коренным образом перевоспитать свой характер и это не по силам мне одному. И... вновь я остался один. Я, я, я. Всё пропало, всё кончено. Скучно здесь одному. Сегодня суббота, а идти некуда.

Влен прислал письмо сегодня. Оно валялось 3 дня на почте: не пойму почему? (Уже второй раз так). Эх, Витёк, Витёк! Ошибочный шаг ты предпринял. Зря всё это ты делал. Прокатился, отдохнул, а пользы нет, и, вряд ли, будет. Один я зачахну здесь, вообще духовно погибну. Да, это неопровержимая правда!

28/XI-50 г.

Прямо-таки тоскую по Сашеньке. Да. Да, я действительно влюблён – это просто невероятно.

Сашок, что ты не идёшь ко мне, я тоскую, жду (но не ревную – странно!). Эти дни разлуки я просто не могу пережить, и, если бы не такой лому и моё здоровье, каждый бы день ходил к Сашку.

Да, странно, третий раз встречаемся и я думаю вряд ли разойдёмся. Сегодня никого не было с 3–5 и 7–9 часов. Как я ходил, ждал, чтобы она постучала в окно, но это будет завтра. Обязательно мы встретимся – иначе нельзя. Я не вытерплю.

В общем, я попал в такое же положение, в каком была БАС в 10 классе, когда я ходил к ней. Да, друзья встретились и полюбили друг друга вновь. Это исключительный случай: 3-й раз! и последний. Для меня всё остальное – теперь ни для чего.

Правда, немного мешает это урокам, ну, ничего, под знаменем многое можно и нужно сделать!

И приступлю к исполнению 2-х решений: научиться красиво писать и, основное – учить каждый день, по крайней мере, 10 слов, и к началу III четверти хорошо, отлично знать 450 активных слов. Это уже не пустые слова, а решение, основанное на великом принципе, и поэтому я добьюсь, чего решил. Заверяю это моей любовью к Сашику. Я всё сделаю, чтобы не получать оценки 3 (как – с немецким). Я буду теперь бороться за все 5. Хватит халатного отношения к будущему. Я обязуюсь получить, по крайней мере, серебряную медаль и поступить или в МАИ или в Куйбышев вместе с Сашком (посмотрим немного дальше наши отношения, хотя они не внушают недоверия, но всё может быть за 7 месяцев.).

Приступаю к осуществлению не как 22/X, а действительнее и правильнее.

Письмо от ВЛЕНА

Здорово, Витька! 30/XI-50 г.

Получил письма от тебя, и радуюсь тому, что в нём

всё же проглядывает что-то весёлое. Хорошо, что с Шуркой у тебя всё в порядке, кроме того, что ты точно не ответил мне – осталась ли она тем, кем была, т. е. девушкой, как говорится.

Напиши, кто из вас сделал первый шаг к восстановлению прежних отношений. Держи с ней себя в руках, т. е. серьёзней и не повторяй прежнего.

Насчёт «женитьбы» ты брось. Это тебе просто так взбрело в голову. Пройдут года, найдёшь, наверное, лучше. Последние мои слова сказаны наугад, т. к. я не знаю каковы ваши теперешние отношения, но думаю, что это будет так.

Сейчас же пожелаю тебе только всего наилучшего с ней.

Насчёт хождения к Шуре на дом, думаю, что не стоит ходить туда, вообще. Незачем поднимать старое на ноги. Розке мой адрес дай. Интересно знать, о чём она будет писать, а тебе буду передавать. Идёт?

Плохо и очень плохо, если ты не возьмёшься сейчас же за учёбу. Тебе мешает вся эта «свита» из девчат. Постарайся бросить это дело и немедленно.

С Шуркой договорись насчёт свиданий (в определённое время 0 и всё. Слышишь, Винька! Смотри, если я приеду, и если у тебя будет хоть одна четвёрка, то ты пропал! Вместо встречи «намылю» тебе голову. Понял?! Ну, вот и хорошо.

Где твоя выдержка (в отношении учёбы)? А? Ведь, я тебе завидовал даже и сейчас только перед получением письма. А что выходит? Увидел девчат и пиши пропало?

Нет. Создай режим. Если мешают тренировки, то постарайся не ходить. Возьмись за лыжи (вечерами), если они есть у ВОВКИ, И ЭТО ТЕБЕ ЗАМЕНИТ ТРЕНИРОВКИ. Хаку догонишь и перегонишь в любое время. Ну ладно, хватит.

Теперь о наших. Что они не пишут? Особенно Вовка. Я тебе писал, чтобы ты узнал, как он учится, куда и с кем шляется, слушает ли мать.

Что же ты ничего мне не ответил? Ты с ним насчёт этого не говорил? Прошу, Винька, втолкуй ему насчёт учёбы, а самое главное пиши мне обо всём. Это моя личная просьба и, надеюсь, что ты постараешься её выполнить.

Получил от Джона письмо, на которое ему отвечу сегодня же. Ведь, мне также, как и тебе, надо писать сочинение. Дотянул я до последнего дня (завтра сдавать), а теперь плачу.

Да и, наконец-то, открылся набор в мотокружок, в который я тут же записался и уже с большим удовольствием отсидел первый урок.

Как я узнал, экзамены у нас начнутся с 12 января! Напиши о результатах твоей «зондировки» в отношении моего приезда, а дяде Мише и тёте Кате передавай: тёте Кате не менее огромный привет, а также и дяде Мише с оговоркой, что его желание сыграть в шахматы близко к осуществлению. Передавай привет моей матери, Вовке, Шуре... ну, и Виньке Дудко, который совсем закружился со своей «свитой».

Напиши, где, т. е. у кого живёшь? Я же по

прежнему здоров, а, получив, письмо весел. В общем, всё в порядке. Ответ пиши сразу же. Письмо никому (подчёркнуто многократно) не показывай.

Ну, вот и всё. Отвечай на моё, и – мой «ультиматум».
Твой друг Влен. Привет девчатам: Розке, Надьке.

5/ХП-50.

Я пишу последний раз в этой тетрадке. Почти 1,5 года моей жизни описано (правда, всё-таки не всё в точности). Всё было. И вот я снова с БАС.

Всё о чём мечтал, будет исполнено нами вместе при совместном согласии. Я действительно люблю её (не влюблён!). Всё хорошее у нас – это когда мы бываем вдвоём. В общей сложности это не превышает в неделю и 12 часов. Но эти мгновения лучшие из них. И всё время живёшь в ожидании их. Это воодушевляет, отчасти помогает, и, в то же время, отчасти, и вредно отзывается на повседневной жизни.

Мы оба – это простаки, ничего по существу не знающие. Наши отношения не переходят пока границ рамок, поставленных нами же самими на совместном обсуждении этого вопроса, причём, никто не возражал.

По всей вероятности, то, к чему я стремился тогда, когда был «глуп как сивый мерин» (вначале этого года, например), я получу в начале 1951 года, если только ничего не случиться. Тогда мы совсем будем вместе.

Все мелкие «грешки» и крупные грехи позабываются. О

них не следует вспоминать. Повседневная жизнь богата и впечатлениями и переживаниями, поэтому нужно обращать внимание только на те, что играют большую роль, и будут играть, в так называемой «духовной» и общественной жизни. С хорошим поведёшься – хорошего и наберёшься. Я нашёл, что искал – это «что-то», оно влияет на меня больше с хорошей стороны. Правда, слабенький грешок – похвалиться, и проскакивает иногда, но это естественная потребность высказать то, что «накипело» на душе: а – некому. Поэтому приходится немного привирать. Но ещё немного времени и я избавлюсь от этого.

Невозможно передать на бумаге все свои чувства: они возникают и быстро гаснут, и только более широкие по разуму и величине и по существу в обрывках попадают сюда в эту тетрадь. Чем уже – впоследствии труднее или же невозможно воспроизвести.

Это трудно, но труднее высказать. Это на словах прямо в лицо, пусть даже любимой. Нельзя, да, и не требуется скрывать от неё, и сегодня я всё выскажу ей.

Теперь после (почти) месяца, я убедился, что я именно люблю её. Сейчас начинает понемногу развиваться её ревность – это высший признак неустойчивой любви, – это тоже надо изжить. И я попробую сделать и это. Пусть, я сегодня не сумел сделать того, что думал сделать.

Плохо то, что я не могу работать при шуме и «без настроения». Но всё это чепуха, как то, что я предложил 3-го. Это

мог сказать лишь тот, кто не искущён жизнью. Теперь я всё узнал. Нужно, сначала кончить институт и начать работать, и тогда можно осуществить это. Ну, вот и кончилась тетрадь...

5/ХП-50 г. 4 15 часов дня. (подпись)

Кончилась первая тетрадь.

Вторая тетрадь: на обложке написано:

Дневник. «Любопытно заглянуть? Загляните к себе в душу, а в чужую не суй носа, иначе можешь остаться и без него.

Владелец сего.»

5/ХП-50.

Сегодня я иду к тебе моя дорогая Шурочка, но я не понимаю, почему мы вечно друг другом остаёмся недовольными. Сейчас, когда реже мы стали встречаться, я тоскую по тебе, жду с нетерпением встречи, а они у нас взаимно холодные или, вернее, ты Витя холоден. Оба ждём друг от друга ласок. Но я, почему я, дома один мечтаю о встрече, о том, как мы будем ласкаться, говорить хорошие простые слова, почему я при встрече холоден, не разговорчив и даже немного груб в обращении к ней. Почему? Я никак не пойму. Или я люблю, или нет, среднего быть не может.

Я, почти, уверен в первом, но мне кажется, что это представление и что я просто хочу добиться «того». И всё-таки это кажется правда. На первых порах я убедил себя, надеясь на скорую победу, но всю охоту у меня отбил рассказ о 7

ноября, хотя ничего такого не произошло с ней тогда, но я уверен, что именно это и повлияло на наши взаимоотношения (5/XII)

ШУРОЧКА

Я стал как-то слишком холоден. Я самолюбив и хочу ласок только для себя, забывая о ней, не платя, выплачивая ей тем же самым.

У меня вздорный и плохой характер. Меня тщеславят победы среди девчат, но за что-нибудь взяться у меня не хватает СВ.

Смешно и нелепо покушение на самоубийство 6/ХІІ-50 г. Жаль не было финки, а то получил бы небольшую дырку в левой стороне груди.

Мне немного стыдно от такого «покушения» или искушения, которое означало перелом в очень плохую сторону, в сторону наименьшего сопротивления, в сторону полнейшего и безостановочного сползания вниз, в сторону уничтожения всех своих лучших качеств и завоеваний за период с 18/ХІ и по 5/ХІІ-50 г.

И раньше всё пошло прахом, в том числе и моя учёба. Моя «золотая медаль» так и осталась за горами, которые теперь, вряд ли, – перейдёшь и, по всей вероятности, не перейти уже сейчас. Неправильный ход – отъезд повлѣк за собой всё это и я уверен (почти), что это так. Моя мечта – найти девчонку, которая меня направит, неосуществима. Так как это означает – управлять мной, а мой характер, конечно, такого бы не позволил.

Значит, моя «мечта» – просто блеф, совсем мираж. По-

ступление в МАИ тоже за такими же горами, как и «золотая медаль». Придётся ехать в Куйбышев или же Ленинград (радиотехника) или же куда-нибудь в университет на физмат. Пока ничего не известно. Как кончу – от этого зависит всё.

И, если я не исправлюсь, да, и не – «все мечты сбываются, товарищ». Если будешь иметь силу воли, чтобы добиться осуществления, то.....

Девятнадцатое.

Скоро новый год – что он нового принесёт: неизвестно? Скверное состояние у меня сегодня. Не учил: читал книгу – лень, не хотел разжигать печь – упрям и т. д. в том же духе.

Был на тренировке. Колеблющаяся у меня душа. Я чёрств и много ласкаю, я ревнив и влюбчив, я дерзок и трус и т. д. в том же духе. Я не пойму никак себя, то я решительно берусь за учёбу, то хирею, то у меня есть сила воли, то, даже, сомневаюсь – была ли она, то...

Я хочу ласок, но сам не хочу отдавать взамен ничего, поэтому у нас с БАСом идёт как-то натянуто, будто вот-вот порвутся наши обоюдоострые отношения. Я хочу ласк, но от большого количества их, как говорят, хотя не вполне удовлетворённых, наступает полное пресыщение.

Поэтому я, хотя отец снова уехал, не встречаюсь часто с БАСом. Вечные ласки, на которые надо же отвечать взаимностью, но меня сильно угнетает именно это, хотя я сам прежде и сейчас хочу их, но пусть даёт полное удовлетворе-

ние.

Я польщён, что она мне доверяет, как самой себе, и даже больше, но прельщаю себя мыслью о том, что я разбужу в ней женщину, иначе наша фантастическая любовь, опять разломиться впрок. И снова ни она простит, ни я сам себя не прощу за такую «медвежью» политику. Я уверен, что ни она, ни я примем это близко к сердцу. А как я хочу, именно, встряски (опять за старое).

Мысли! Постойте! Подождите! Вернитесь! Я ещё ни одну не написал, о чём думал, идя «большой» дорогой домой. Эх, безвольное существо Вика! С таким характером и ты, Вика, обязательно пропадёшь, особенно, принимая во внимание о моих мечтах: «Я – великий челове(чишко).».

Да разве ты, Вика, не человек и разве некоторое доступное не гениально. Разве ты не гений? Ты ж видишь на много вперёд, что с тобой будет. Ты Вика – «великий гений». Тебе принадлежит будущность.

Ну, хватит чертовщину пороть. Так и не написал о том, что и как терзает мою душу. Но я перед сном себя чищу, чтобы плыть в сновидениях дальше. Все наши девочки л/а хорошие. 3 из них меня не интересуют совсем: ВМ. РА. Л, а 2 из второй тройки немного. Это Зоя и Валя Б. Я ничего не хочу от них добиваться, но я хочу, чтобы они и я относились так попросту, по-дружески, по-человечески и больше ничего – это от всего сердца, это истина. И если мне захочется пошутить, как с В. Тараско, то всё будет шутливо, тоже и в

них я наживу себе врагов, я против простых дружеских, товарищеских отношений.

25/ХІІ-50 г.

6 дней и новый год – а это не совсем чувствуется. Много произошло за эти 5 дней. Мой план уже осуществился. Я думаю не наступать, а понемногу завоёвывать право на.....

Всё равно я должен на Новый год попробовать ещё раз. Я верю: я добьюсь, чего хочу, иначе последствия будут ужасными.

Этот день 24 я буду помнить долго. 2 раза в ночь с 24 и на 25 но в пределах суток, пытался я осуществить мечту, но первый раз не прорвался, а второй раз отказ на пока. Будет ждать следующего свидания. Посмотрим, что будет.

Но я чистосердечно могу сказать, что всё-таки я люблю её и сильно. Любовь для меня и плодотворна, и в тоже время опасна и для учёбы и для обыденной жизни. Но много у меня нет. Правда, 23 решил, во чтобы то ни стало поступить в МАИ, для чего я должен и обязан кончить всякую чепуху и начать усердно заниматься. Я решил: или – или. Или попаду, учась на 5, или к любым чертям с матерями катись все мечты. Жду от Влена письма, а его нет. Сегодня напишу, буду крепко его ругать за халатное отношение к моим письмам.

ЗДРАВСТВУЙ ДОРОГОЙ ПАПОЧКА!

Я жив, здоров, чего и тебе желаю. Все фотокарточки получил, очень благодарю за них. 3 из них подарил тётё

Кате.

Полугодие закончил почти на все 5 (по логике – 4). Таким образом, подправил все свои концы. Осталась вот эта третья четверть (до 25 марта). И тогда можно с уверенностью сказать, как я сдам, и что я буду иметь в аттестате зрелости.

Ни из МАИ, ни из Куйбышева ещё не приходило ответа. Я думаю попасть в МАИ, это лучший институт в СССР. Он имеет Красное переходящее знамя Министерства высших учебных заведений вот уже несколько лет. Для работы там всё есть. Условия благоприятные. Но беда в том, что наплыв туда большой, и без знакомства туда не пролезешь. Папа, нет ли у тебя там знакомых, близких к этому делу. Может, они смогут (если они есть), попасть в него. Я со своей стороны здесь, через ГОРОНО и т. п. буду стараться получить направление туда от республики (туда посылает каждая республика 2 человека). Но я не коренной житель, так что на это мало надежды.

Тётя Катя мне обещает помочь: у её знакомых там есть знакомые. Если туда попасть нельзя будет, то поеду в Куйбышев, а через год, может, удастся перевестись в МАИ. Но это в будущем. Сейчас у нас здесь всё идёт хорошо. Все живы, здоровы. Как поживает бабушка (интересует всех) и Женя?

Всем Вам привет от всех нас.

С ПРИВЕТОМ – ТВОЙ СЫН ВИКТОР.

20.01.51 г.

Р. S. Если у тебя сохранилось, то перешли, пожалуйста, письмо Риты. Я получил от неё письмо с фото и поэтому возвращаю тебе фото, которое я взял у тебя в Бресте.

ВИТЯ

25/1–51

25 дней нового года. Летит время: за ним не угонишься, а его надо догнать, и перегнать. Всё время чувствовал себя хорошо, а со вчерашнего дня начал хандрить. Всё как-то мне не нравится, и я не могу себя сдерживаться, чтобы не раздражаться по пустякам.

Сегодня не учатся уроки. Черт знает, что это такое!? Надо усиленно готовиться к будущим экзаменам, а я попусту теряю время. Ни с кем не хожу.

Редко встречаюсь с Сашкой. У неё сейчас отдых, а я должен заниматься, и по неделям не видеть её.

Так, отдельные встречи, отдельные вечера. Посмотрим внимательно друг на друга, вздохнём, как бывало, рассеемся...

Она меня доводит. Из-за неё я пропаду. В спортзале занимаюсь, но Иван Семёнович мало (по крайней мере меньше, чем раньше) обращает внимания, и я полон «ревнивых мук». Но я всё-таки своего добьюсь: 100 ка – моя и 11 – мои – во что бы то ни стало.

Я должен отсюда уехать с 1-м разрядом, иначе 2 года упорных тренировок – «пшик». На всесоюзные не попаду, веро-

ятно, т. к. они будут проходить с 15 августа по 20 августа, а у нас как раз приём экзаменов.

Если не попаду в МАИ или Куйбышевский, то поеду в Ленинградский радиотехнический. Но в МАИ постараюсь по-пасть.

23 числа в день 3-х летнего юбилея (в комсомоле) и 25 Кир. ССР за спорт достижения получил фотоаппарат «Любитель». Надо обзавестись деньгами и попробовать начать фотографировать. Действия аппарата уже изучил коротко, осталось проверить на практике, да грош пока нет. Если займу у кого-нибудь, то 27 схожу и куплю фотоплёнку и, если хватит, то проявитель и закрепитель (фиксаж) куплю. А остальное понемногу будем покупать позже.

В общем 1 сфотографирую Шуру.

Я так и сделал – первой сфотографировал Шурочку.

Потом сфотографируемся втроём (Влен должен приехать или 29 или 31). Справлять новоселье (т. е. встречу, может последнюю) будем у Шуры в день юбилея республики 1 февраля. Тогда же 23-го повторил 2 билета: по литературе и истории. Если успею, то и сегодня повторю по физике билета 2 и по литературе.

Сейчас выучу немецкий и пойду к Шуренции, и потом буду повторять.

21/III-51 г.

Конец 3 четверти. В общем, всё хорошо, даже отлично,

кроме... геометрии – будет четвёртка. А на экзаменах может подвести меня мой куриный почерк. Всё, что я желал, я почти добился. Иногда меня мучает вынужденное бессилие – что за причина понять не могу.

Шурины родители уехали 1 марта в Сталинград. Да, дорогая Шуручка, видимо, мы видимся в последний раз, а там... Столкнёт ли ещё раз нас жизнь, пересекутся ли наши дороги – не знаю. И если – да, то как? Я заурядный инженер. Она медик.

И вот случайно мы встретились. Про старое вспоминать – стыдно, или, по крайней мере, в старом, поболтаем – разойдёмся, так и не узнав ничего существенного. Может быть, я спрошу, как её любовь ко мне до гроба, и, если она есть, то нам будет тяжело разойтись, и это будет самый тяжёлый день в наших «жизнях».

ШУРОЧКА

1/IV-51 г.

Завтра, правильной сегодня, т. к. уже 0,25 часов, начинается последняя школьная четверть.

Необходимо и достаточно, усилить нажим по всем предметам и вытянуть хотя бы на серебряную медаль. Для этого необходимо хоть немного исправить почерк, т. е. по 1 часу в день что-нибудь переписывать без напряжения крупно и наклонно. Потом уже быстрее и правильной.

Какой я же всё-таки жестокий человек?! Исправляться тоже всё-таки нужно. И не огорчать мою любимую Шурочку. Побольше ласки ей нужно дать, да и поддержать: она ведь теперь одна и ей трудно, а ты ещё своё упрямство высказываешь. А от такого предрассудка, как ревность, нужно тебе, как комсомольцу, давно избавиться; если любит, и ты веришь, то можешь быть спокойным за свою избранницу. Ревность – это неуверенность в силе своей любви и во взаимности, отсутствие веры в любимого человека. Так что глупо думать о каком-то соседе – это ерунда. Верить и надеяться – привилегия наша, т. е. молодости.

ШУРОЧКА

26/IV-51 г.

Замечательная штука: удар по носу. Часто раньше лупили по другому месту, а теперь по носу. Когда зазнаёшься, теряешь всё то хорошее, что ты до этого имел. Возомнишь, что ты идеал, а при первом столкновении с жизнью крепко получить по носу и с облаков спустишься в грязь – этого никогда, нигде, ни в какой работе не надо забывать. Так и ты, Витька, возомнил, что ты – «чемпион», а вышло совсем иначе и не ты, а другой, твой товарищ – чемпион. И ты получил по заслугам, и, надеюсь, в жизни больше не повторишь.

Хорошо и другое – иметь хороший урок в люб. делах. Молодец Шурёнок, что не встретила со мной сегодня, а то я готовил, вернее, готовился к этой встрече почти полнедели. Пусть у Витьки в груди перегорит вся желчь и, если он любит, то ещё более полюбит её. В жизни бывает гораздо труднее, хотя это тоже жизнь, но не самостоятельная. И всётаки нам нужно решить дилемму: я или она должны пожертвовать ради общего дела.

Я больше не могу так жить и ставлю вопрос на ребро: да? нет?

Всё это, конечно, моё решение.

Но за сегодня я на Шурёнку не обижен, наоборот, очень ею доволен.

Скоро 1 мая 1951 г. Как буду встречать, ещё неизвестно,

но, думаю, не плохо, если даже будем встречать вдвоём, а, может быть, даже лучше.

Скоро, через 2 месяца, кончится эта тяжёлая музыка, которая изматывает много сил, здоровья и нервов. Скоро, надо напрячься – и вытянуть воз на свободную дорогу.

1 мая 1951 г.

В. – Пишем вместе с Шурёнком. Прошло почти 4 года, как я встретил её. И вот мы вместе встречаем 1 мая в моём доме первый раз, хотя 3 года знали и дружим друг с другом. Из этих 3 лет – выбросим год и полгода и останется полтора.....

БАС – Я сегодня вспоминала, как мы встретились 1-й раз, я посмотрела на Влена, а потом туда, куда так внимательно смотрел Вовка, когда нас обгоняла машина, я оглянулась и увидела, что ты в упор смотришь на меня, но не придавала этому значения, просто любопытный малый. Хорошо, когда играет музыка – это замечательная штука; поднимает настроение, это отражение наших переживаний в классической форме...

13/V-51 г.

Как скучно, когда нечего делать, вернее, когда ленишься что-нибудь делать, Витька! Что ты делаешь? Ведь через неделю ты сдаёшь, а ты... эх, черт ты эдакий, некому тебя выпороть! Ладно, соглашаюсь.

Завтра перехожу на ВП: тратить время буду только на тренировки по 1,5 часа 3 раза в неделю.

Хорошенькая у меня Шурёнок, просто исключение, девочку с таким характером, как у неё, трудно, да, и, вообще, не найти.

Ей-ей, я дня не могу без неё прожить.

Да, как хорошо идти вдвоём, обижаться друг на друга, веселиться сразу же после этого, говорить обо всём, о пустяках, или же молчать, смотреть на пейзаж и чтобы настроение твоё гармонировало со всем, что в этом мире.

Не надо быть эгоистом. Смотри, ты уже покраснел, верно, стыдно. А к чему быть им. А? Даже в мелочах нужно быть справедливым?

Хотя бы в них. Но, хватит об этом.

Такая сейчас хорошая погода: светит солнышко, веет тёплый и влажный от вчерашнего дождя ветер, по небу бегут редкой толпой небольшие тучки, не закрывающие солнце, а там, далеко вдали, на востоке чернеет вчерашняя грозовая туча.

ШУРОЧКА

Вся – из Солнечного света

Но – почему же ты грустишь?

Одни вопросы – без ответа...

Я спрашиваю – ты молчишь...

Ты знаешь – скоро расставанье...

На год иль два? Или навсегда?

Останутся – воспоминанья...
Или – исчезнут без следа?

Неправда! Будут вечно живы
Объятия, поцелуи и слова
Которые не были лживы
И высекались на века!
Мы их с тобой произносили
Как будто клялись на крови
Они свидетелями были
Взаимной дружбы и любви.

Не ты не хочешь расставанья,
– Я предрешил любви конец!
Ведь я не верю в обещанья
А потому – всему венец.
Пусть будет больно и жестоко
Но лучше разом оборвать
Все то, что проросло глубоко
И трудно будет забывать.

Сашок, прости, я точно знаю —
Сейчас я всё тебе – наврал!
Зачем наврал – не понимаю
Нет, понимаю – не соврал...
Учиться скоро уезжаю...
И ошибиться не боюсь...
Я не тебя сейчас бросаю,
Я просто – с прошлым расстаюсь.

Вчерашняя встреча. Как я хочу встретить Шуру сегодня, но мы уговорились на вторник.

Позже среди писем я нашел листочек, исписанный рукой моего Шурёнка.

Когда у меня сползли с мозгов на страничку дневника стихотворные строки, Шурочка тоже писала мне прощальную записку, которую вложила в мои тетради так, чтобы я не заметил. Конечно, все мои мысли были уже не в этом, ставшем для меня родным городке. Я уже мечтал о Москве, о том, как поступлю в институт. И эти мечты настолько охватывали меня всего, что я уже жил не настоящим, а будущим. И я понимал, как ни странно, что как бы сильно я не любил свою Шурочку БАС, в том – новом будущем места для неё нет.

Мои мозги раздваивались. Я уже представлял – не наши настоящие встречи, а скорое расставанье. Я знал, что она будет переживать, ей будет больно. Тем не менее, я выбирал из всех вариантов почему-то самый стрессовый – оборвать всё сразу. Не врать, не обещать того, что невозможно выполнить. Я знал, что наша разлука – на года. И ещё знал, что так долго я не выдержу... Я просто знал свой непостоянный влюбчивый характер. И понимал, что мне, скорее всего, захочется «вышибить клин клином». Я буду страдать – память не даст забыть всё, что было... Но время затянет память паутиной... И меня закружит новая жизнь в новой мелодии

очаровательного вальса. А пока... Пока я страстно её хочу увидеть рядом и не отпускать. Пока мы были ещё вместе. Но судьба уже всё решила за нас сама...

На том тетрадном листочке, который я нашел позже, было написано:

Мне хочется назвать тебя своим
За дружбу ту, которой я дышала
За то, что никого таким простым
Таким хорошим словом не называла.
Мне хочется назвать тебя своим
За то, что бесконечны дни разлуки
За то, что вот сейчас я не могу
Пожать твои родные руки...
Теперь ты стал далёким и чужим
И наши встречи скоро позабудешь,
Прости, что я зову тебя своим
Лишь только потому, что им —
Ты никогда не будешь!

Часть 5

Москва

26/VIII-51 г.

3 тяжёлых, радостных, скучных и весёлых пролетели месяца и 5 дней.

Теперь начинается новая жизнь – жизнь студента МАИ – Дудко Виктора.

Сначала всё по порядку. Вскоре после сдачи устной литературы, на выпускных экзаменах в школе, я узнал, что мне хотят поставить по сочинению 4 или 5, (моё сочинение проверяла учительница русского языка в мужском туалете, поэтому я не очень беспокоился о нём).

Но 19 июня узнаю совсем другое: моё сочинение не проходит в министерстве, т. к. за почерк и «грязь» мне грозят поставить 3. Так началась полоса тяжёлых неудач в моей личной жизни.

На беговых дорожках я стал давать чудовищно плохие результаты 12,0; 12,3; 12,4 сек. И «мои» 11 сек. полетели в трубу. Но потом я оправился и 29 и 30 июня «чуть» не догнал Хаку со временем 11,8 и 11,7 сек.

Упрямство у меня есть и надо это упрямство претворить в упорство, в настойчивость, для достижения цели. Из всех целей нужно выбирать наиболее полноценную.

(Характерно, что при сдаче экзаменов на аттестат зрело-

сти, я, когда шёл экзамен по немецкому языку, участвовал в соревнованиях, в частности, прыгал или в высоту или в длину. Вдруг из школы прибегают и говорят, что только я ещё не сдал экзамен. Я побежал в школу и сдал его на 5!).

Выпускные экзамены я сдавал беззаботно и весело. Часто бывал на стадионе, над книгами не корпел. На месяц перешёл жить к Шуре, так как из армии пришёл старший сын дяди Миши – Юлий.

Родители Шуры перевелись в Сталинград, а её оставили заканчивать 1-ый курс у друзей, в частном доме. До меня тоже никому не было никакого дела.

Впрочем, на мои результаты, может быть, повлияло и то, что я почти месяц с 20 мая и по 18 июня прожил вместе с Шурой. Это был, по существу, наш последний и первый «медовый месяц» (для меня, для неё – не заю). Ещё раз 2 мы встречались, но я больше не «брал» её. 24-го состоялся выпускной вечер и мне «выдали» «серебряную медаль» с похвальной грамотой. Весь вечер я был с Юлией – просто танцевали вместе. Шура на меня сердилась, и ревновала, и мне пришлось идти вместе – спать на нашу крышу. 27-го отослал заявление в институт.

После долгих мытарств Шура достала мне и себе билеты на поезд.

И 2 июля мы выехали и уехали, может, навсегда из Фрунзе. В дороге я её не трогал, но был слишком груб в обращении и наше женское купе, чутьчуть меня не распотрошило.

7-го приехали в Москву. Нас встретил её отец, потом подошёл и мой.

Папа (мой) в ужас пришёл: жену сынок привёз! Наши отцы виделись первый и единственный раз. А я с Шурой – последний раз.

8 июля ездили на авиационный праздник в Тушино все вместе, вчетвером.

Да, и 7 июля мы проводили во Фрунзе бабушку – маму отца. Он жила какое-то время в Бресте, а теперь уезжала во Фрунзе к брату отца – Петру Евстафьевичу.

Примечание:

Из Фрунзе я уехал практически навсегда.

Практически – это означает, что в этом городе я побывал ещё несколько раз. Но это были короткие поездки, всего по несколько дней.

Однажды, в отпуск на поезде, мы ездили во Фрунзе вчетвером: батя, мы с Ириной, и маленький наш сын – Олег... В этот раз, во Фрунзе мы познакомились с Любославом, моим сводным братом (вероятно, от предыдущего брака Бати).

Когда поезд делал остановку в Джамбуле, мы познакомились с дядей отца – Петром Ивановичем, старым революционером. Его специально привезли повидаться с нами.

Дважды бывали во Фрунзе проездом на машине «Москвич» вместе с Макаровцами – Колей и Викой и на «Волге» – вместе с детьми (в Садовом нашли родственников Дудко; они ещё нас помнят).

И последний раз я посетил Фрунзе, когда был в командировке в 1975 году, вместе с зампредом РОССЕЛЬХОЗТЕХНИКИ – Поляковым Н. Е.

У родственников не был. Прошелся по старым родным местам, и пытался вспомнить прошлое. Но ничего не узнал и не нашёл. После чего решил: к старому нельзя и не нужно возвращаться.

Жил в элитной ещё недостроенной гостинице «Пишпек». Возил нас шофёр зампреда Совмина республики, который вечером после работы попал в автоаварию.

Ездили, в сопровождении ГАИ, на озеро Иссык-Куль, в Рыбачье. Там нам демонстрировали сельхозтехнику.

Был на обеде у первого секретаря райкома (тогда ещё не было в республике областей и район – это наша область).

Секретарь – женщина-киргизка, у которой было 11 детей (редчайший случай, чтобы первым секретарём райкома, эквивалентно нашему обкому, была бы женщина).

Купались в озере. Перепили киргизского бальзама. Все болели желудками. Лечились водкой с солью – мне помогло. Старых мест на озере я тоже не вспомнил, как ни старался...

Но всё это подробно будет описано в соответствующих разделах нашей следующей книги – «СОЗИДАНИЕ».

В Москве мы с отцом остановились в гостинице на Смоленской площади, на 22-ом этаже. (Это напротив Смоленского универсама в здании современного МИД). Меня удивило, что я ощущаю колебание этой высотной башни (при-

мерно в метр).

Отец вернулся в Брест, а я остался жить у хорошей нашей знакомой – Е. И. Богдановой (вдове личного секретаря В. И. Ленина) и сдавать вступительные экзамены в МАИ.

А теперь вернёмся к записям в дневнике.

26./V111 51 г.

В Москве, начиная с 10 и до 1 августа, я жил у Богдановой и регулярно, каждый день посещал консультации в МАИ. Познакомился с девчонкой Аллой Дубровиной (с приборостроительного). Так, с простого начались наши встречи, которые окончились так неудачно вчера.

1 августа сдал математику на 5. 6-го и 9-го сдал письменно и устно русский язык, и литературу на 4. остальные: физику (12), химию (15) и нем. язык (18) сдал на 5. Итого, набрал 2249 очков или 28 баллов из 30.

Я думал, что пройду с общежитием, и спокойно уехал, ожидая получить результаты 23.

20 августа я приехал на свидание к Алле и узнал, что результаты будут известны 21-го августа.

21-го мы съездили в институт и стало известно, что я не принят. (Не прошёл по конкурсу с общежитием!)

Можно было перейти на приборостроительный факультет, но нужна была московская прописка. И я достал справку о том, что буду прописан. 23-го и 24-го, целые дни проводили в приёмной комиссии, намозолили всем глаза, позна-

комились с ответственным секретарём Моисеевым и, наконец, 24 августа в 9-том часу узнали результаты (с Акуловым). Меня «трясли, трясли (у меня душа в пятки ушла от этой тряски) и, наконец, утрясли».

Теперь 27 приедет отец и мы вместе уладим насчёт квартиры. Пока хватит, остальное после допишу.

30/VIII– 51 г. Здравствуй, дорогой Витёк!

Итак, значит, ты не прошёл по конкурсу, не ожидала этого, что же за оценки были у тебя, что так вышло, всё скрываешь, чего ради, неизвестно.

Давай же, корешок, подумаем вместе, куда тебе податься. Хотя уже 30-е, твоё письмо от 22 пришло только 29, т. е. вчера. Меня это очень удивляет, где оно так долго плавало.

Сходил ли ты к моему отцу, он возможно мог бы что-то сделать, т. к. должен был сходить в управление института в отношении моих документов, которые мне Киргизия не собирается высылать. Нужно испробовать все возможности и пути, только бы попасть, поэтому нужно забыть все свои щекотливые, гордые мысли о воображаемом унижении и драться до конца.

Может быть тебя смогут зачислить хотя бы кандидатом, а там своей учёбой ты сможешь доказать, что можешь быть студентом этого института.

Только не опускай руки, прошу тебя, будь мужественнее, ты должен попасть в этот институт.

Вызвал ли своего папашу, ведь тебе одному трудно всего добиться.

Я до сих пор не могу поверить, что у тебя, имеющего, как ты писал 93,3 % сдачи, мог выйти такой дурацкий провал. Как это случилось, объясни?

Я этого требую, как друг твой. Кто тебе мешал, опять я или мои письма, или, наоборот, моё молчание? Ты должен мне ответить на эти вопросы, т. к. из-за этого я считаю, что во всём виновата только я.

На моей грешной душе уже целых 3 преступления: из-за меня ты не получил золотую медаль, из-за меня ты заболел, и наконец, ещё не прошёл по конкурсу.

Да, я считаю только себя виновной во всём. Я ненавижу себя, презираю, я погубила тебя, ты должен отомстить. Совесть мучает меня, и так мне и нужно. Мне стыдно спать, разговаривать, смеяться, я не имею на это права. И я молчу, и буду теперь всегда молчать. Прошу тебя, постарайся разглядеть среди этих строк, мою душу, мои строгие глаза и жёсткую правду в них.

Признаю, честно признаю себя виновной во всём, кроме того, что ты подозреваешь меня – в измене тебе. Ты не веришь мне, здесь я бессильна.

Только знаешь ли ты, что это очень тяжело и обидно, когда на тебя падает совершенно неправильное подозрение. Но я молчу. К чему писать опять об этом. Об этом тебе уже написано, бессвязно, непонятно и (для тебя смешно), ведь ка-

кая-то Шурка пытается доказать, но нет: я ещё докажу или я буду чёрт знает кем.

Я была слишком счастлива с тобой, чтобы не заплатить за это счастье тебе. Если ты действительно болен, то должен немедленно обратиться к врачу и вылечиться до того дня, когда я приеду к тебе, с тем, чтобы окончательно стать твоей и иметь от тебя ребёнка. Я уже взрослая и могу иметь его, мне никто не запретит это! Только этим я смогу доказать, что по-прежнему твоя, и ни время, ни расстояние не заставят меня забыть тебя.

Ты скажешь, что – наверное, я больна. Если это так, то я тоже не постыжусь сходить к врачу, хотя для меня это будет означать позор. Пусть 1000 раз позор, только лишь бы ты был здоров! Это для меня дороже всего. Вика, ты должен стать здоровым, ради нашего будущего ребёнка.

Мать придралась, что я так долго сижу за письмом. Ей, видите ли, нужно знать всё и сейчас.

Так и расскажу, до каких пор я должна подчиниться этому.?. Надоело. Кричит, что я сгубила тебя письмами, хотя я не умею писать, поэтому ты не прошёл в институт. Скажи же мне открыто, прямо – она права, да? Тогда я не буду писать тебе. Винька, мой Винька, прости же свою Шурку. Много ошибок она сделала и с повинной головой идёт к тебе. Труден её путь, очень труден сейчас. Дай же мне разделить с тобой твою неудачу...

Сегодня 30-е, ещё день и нужно идти в институт. 1-го чис-

ла все пойдут учиться, а я буду ещё сидеть дома, и кто знает, когда пойду в институт.

Пока переедем в Астрахань.

Эх, жизнь проклятая. Я становлюсь затравленным зверем. Видишь, родной мой, я полностью разделяю твою судьбу. Есть ли время мне думать о каком-то русом, которого нет, и никогда не будет у меня даже на уме. Успокойся же мой маленький, уже не те годы у меня, чтобы изменять, да и зачем, когда есть ты, который любит меня. А больше мне и, истинно, ничего не нужно.

Хочешь, чижик, я буду тебе давать во всём отчёт: что я делала, куда ходила. Так знай и сейчас: вчера меня твоё письмо довело до «прекрасной» жизни: всю ночь не спала, не могла, прости, так что часа 2 спала, сегодня стирала, готовилась в дорогу, потом валялась на кровати, закрыв глаза, и думала всё время о тебе.

За те 2 часа сна увидела тебя во сне, как будто ты зовёшь меня, но как-то странно не Шура или Шурочка, а Шурчик, а мать и Люся не пускают меня к тебе, бояться почему-то.

Но я с силой рванулась и крепко прижалась к твоей широкой родной груди, а ты нежно погладил меня по голове и спрашиваешь: – "чего ты так испугалась, всё будет хорошо, вот смотри у меня уже на руках приказ ректора МАИ о моём зачислении, а ты боишься".

((((мистика какая-то!!! Этого она на могла знать!)))

Тогда я взяла твоё лицо в руки и, вдруг, увидела, что ты

такой худой, измученный весь и твои волосы все разлохматились, а, когда я хотела их поправить, то ты отстранил мои руки и сказал: "не нужно, мне больно, видишь вся моя голова покрыта ранами, это от болезни...". И я проснулась, но ещё была с тобой, обнимала тебя, но уже знала, что никогда больше тебя не увижу...

Виктор, пойми же, что люблю только тебя... Я не могу поверить, что больше не увижу тебя, что всё... Нет...

Я сойду с ума от всего этого... Ругай, матери, бей ногами, плюй, мне всё равно, Разве я заслужила этого? Нет, я не должна ставить это на первый план, я должна подбодрить тебя, ведь тебе трудно, чижик чёрненький, всё моё горе «ничто» в сравнении с твоим. Держись, держись, говорю, любыми средствами, может быть можно в Куйбышев перевестись? Ты не узнавал, или в другой институт в Москве.

Ну, пока, Витюша!

Если ты ничего не имеешь против, то я буду писать тебе через 2 дня регулярно, может быть не так много, но всё же, хорошо?

Хочу дать тебе новый адрес: г. Астрахань Трусово Автосовхозтрест ул. Комсомольская № 8. БАС(у). Домашнего пока не знаю. Да, почему у тебя стала Москва 82, вместо Москва 81 как раньше?

– твоя Сашка. 30.8.51 г. 11 вечера.

Спокойной ночи, Витёк!

И ещё одно письмо от Шурочки... Оно ею было написано

в каком-то порыве стресса пополам с истерикой. В нескольких местах ножницами были вырезаны кусочки страниц или – строчек.

Сколько боли было в этом письме.

А ведь последнее время я где-то осознал, что уезжая, мы больше с ней не увидимся. И заранее готовил её к этому. Нарочно придумал, что чем-то заболел, а ей сказал, что – заразился от неё. У неё действительно было ослабленное здоровье. Она часто простужалась и покашливала...

Здравствуй, Винька!

Сходи к отцу, он в Москве, может быть в чём-нибудь поможет тебе в отношении института. Остановился он на Арбате.

Винька, что ты не веришь мне, кто, кто тебе сказал, что я не любила и не люблю тебя, ах ты, боже, не могу выразить всё словами. Это неправда, я не могу слышать этого.

Это ложь, что ты забыт, я дала себе слово, что никогда я даже не подумаю о другом, пусть я буду всю жизнь одна, но верна моей первой и последней любви.

Пусть я не дождусь тебя, ты забудешь, что тебя ждёт твоя Шурочка, но поверь, она будет всегда тебя ждать.

Я не писала тебе эти 4 дня и не давала телеграммы, потому что ждала вот – вот приедет отец и возьмёт меня с собой в Москву...

А отец приехал только 26 и не взял меня. Думаешь, мне было очень легко от того, что всё рухнуло, очень, когда так

хотелось прижаться к любимым глазам губами, как прежде.

Кто, скажи – какой дьявол тебе сказал, что я изменила тебе, или думала изменить, Витька, ты не имеешь права верить этому. Это ложь. Ну, как я могу доказать это, чем, я не знаю – бессильна, но почему я должна слушать такой жестокий упрёк, разве я лгала тебе когда-нибудь, скажи, я хочу знать это. Никогда, и всегда тебе говорила, если я разлюблю, то скажу это прямо, без обиняков, я не испугалась бы. Но ведь этого нет и не будет.

Витенька, мой маленький Витенька, не верь той лжи, я твоя, твоя навсегда. Как я проклиная всё на свете, всё то, что мешает мне сейчас в трудную минуту быть с тобой, разуверить тебя, согреть лаской, это бедное дитя, которое только я одна могу любить, и быть ему и матерью и женой. Я виновата перед тобой. Жестоко виновата, ты болен из-за меня. Какой была я душой, как я боялась всего того, что нужно было и, тебе и мне, но родной мой меня выгнали бы из дома, а на твою шею я не хотела бы сесть так рано.

Это единственное моё оправдание, но оно, конечно, не стоит 5 копеек. Я не человек, а дрянь, малодушная дрянь, которая побоялась ради своей любви окончательно отдаться своему другу, прости меня, друг мой, но нет, этого ты мне не простишь, хотя я никогда больше не буду принадлежать чужому.

Ты и не подозреваешь, что у твоей Шурки были такие мечты: только учиться, кончить институт, и попросить назначе-

ние в самую глушь, подальше от людей. Чтобы они не видели моих мук и ран, что я забыта тобой, а, если бы ты вернулся ко мне (о! об этом я могу только мечтать), то я была бы самым счастливым человеком в мире.

Любить и быть любимой, иметь семью, об этом каждый человек мечтает, а могу только одинраз любить, я чувствую это и, во всяком случае, я не из слабых ветреных людей, чтобы забыть того, кто дороже всего для меня.

Семья для меня стала чужой, с первого дня моего переезда, я поняла, что много узнала за те 4 месяца, и смотрю на свою семью другими глазами. Всё выводит меня... (далее в письме вырезан ножницами прямоугольный фрагмент – около 10 строк).....толкая его на придуманные поступки, хорошо, что это ребёнок и сам уже умеет мыслить и действовать, и не думает идти по этой дороге. Когда буду матерью – даю слово воспитывать своих детей не так. Это подло и низко такую внушает мерзость. А сестра сидит и только улыбается, и поддакивает.

Витенька, я не могу дождаться дня и часа, когда уйду в институт на целый день до позднего вечера, чтобы не видеть этого хвастовства, чванства, обломовщины. Может, я не права по отношению к ним. Пусть. Но они не понимают меня и никогда не понимали. Пусть я дура, чёрт знает кто, вызываю у них чувство жалости своими мыслями, которые я не хочу даже говорить им, всё равно не поймут. Всё равно, я уже не принадлежу им (далее вырезан ножницами ещё один пря-

моугольный фрагмент – около 10 строк).

Признаюсь, мне было иной раз больно, когда ты не мог меня приласкать, но мне так дорога была и такая неумелая ласка, когда любя по-настоящему, стыдятся слишком бесшабашно ласкать.

Но мне хватало твоей ласки, даже взгляда твоих милых глаз, смеющихся, каких-то ласковых и лукавых. Мне сейчас трудно писать всё это, т. к. ты далёк от меня и я не могу опять увидеть тебя. Я теряюсь от бессилия доказать тебе, что по-прежнему думаю о тебе, люблю только тебя, имею далёкую мечту быть с тобой, считаю себя твоей женой. А, ведь, всякая порядочная честная жена любит и ждёт только своего мужа.

Поверь же мне, что у человека с нечестной совестью не было бы таких слов к тебе, он бы мечтал и только. А мне не стыдно, нет, я с чистой совестью, и могу, не боясь своей совести сказать (далее сверху 3-его листа вырезан ножницами прямоугольный фрагмент – около 10 строк).

Ты больше поверил кому-то, только не своей любимой, больше я оправдываться не буду. Зачем, когда ты веришь той сплетне.

Ох, тяжело, тяжело мне. Меня вырастили каким-то недоделком, странным, болезненным, вспыльчивым, стремящимся к тому, чтобы понять жизнь, но нет, видно, это для меня слишком трудно – для таких дураков, как я.

Всё казалось – так просто любить, верить, учиться, потом работать, иметь любимую семью, а сколько за этими слова-

ми трудностей и главное – несправедливостей. Я стала больной, но не физически, а умственно, безвольная, не движущаяся фигура, потухший без жизни взгляд, и нездоровый румянец на скулах (ты узнаешь его, чёрненький), будет мстить, я сдохну к 30-и годам.

Я не буду заниматься спортом, который несколько принёс мне здоровья, буду почаще простужаться и ещё что-нибудь там, и болезнь возьмёт своё. К тому же с сердцем у меня здесь стало хуже: всё время колет, вот и хорошо.

Однажды усну, и без боли, тихо, и не проснусь, по крайней мере, не нужно будет самой поднимать на себя.....

(на отдельном листке теми же чернилами и тем же почерком).....только бы быть с тобой и подчиняться тебе во всём.

Я готова принести себя и свою жизнь к твоим ногам, поверь это не пустые слова, нет, я виновата перед тобой в том, что ты заболел, я готова пасть в ноги и бей, бей меня не милосердно за твою боль, но не за поруганную любовь. Она не поругана. Дитя моё, друг мой, прошу тебя, поверь твою ей несчастной Шурёнке. Она с мольбой протягивает к тебе руки, поверь ей, она честна по отношению к тебе, чиста перед тобой. Если ты не поверишь этим скорбным словам, даю тебе слово, что жить не буду или уйду из дома и стану продажной бабой. Пусть тогда сознание своей вины преследует тебя всю жизнь.

Вита, кто тебе написал это низкое известие.

«Вечер, тишина, ночь – а твоя Шурочка в этот час гуляет с кем-то». Ты знаешь, я заругаюсь сейчас. Какой подлец тебе мог написать такую дрянь, когда твоя Шурка дрыхнет на своей кровати без задних ног, и видит во сне своего Виньку, который ласково прижимается к ней, и опрокидывает, можно ли.....

Я мучаюсь от этих снов, т. к. соскучилась о тебе, о твоих губах, и твоём теле, а здесь кто-то хочет устроить подлог: вместо тебя подсунуть мне другого, а тебе другую. Оклеветать меня, а потом явиться к кому-то из нас.

Винька не верь же тому подлецу. Это ложь... У меня уже нет сил уверять. Я одного бы только желала сейчас, чтобы недуг свалил меня с ног и, чтобы больше этой бедной головушке и постаревшим от стольких слёз глазам не видеть, не читать эти строчки, которые, как иголки, вонзаются в тело, своей не заслуженностью.

Кто тебе написал эту ложь – Юлька, Влен?

Если Юлька, так ты же знаешь, что с его стороны преследуется своя цель.

Влен не мог оклеветать так своего товарища, он мог тебе только написать, и отругать тебя за письмо, которое ты когда-то написал мне. Так и ему было обидно узнать, что ты задумал меня бросить.

Вот он и отчитал тебя, но только не эту клевету он мог написать, я никогда не поверю этому.

Ты хочешь мстить за свою болезнь (последнее слово подчеркнуто карандашом и надписано: чепуха) я согласна с тобой ты будешь прав, бей её, удуши её своими руками, в данном случае ты будешь прав, но не забудь: больше тебя так никто любить не будет, это первая твоя любовь, и любимая, которая не для того к тебе (подчеркнуто карандашом) через год вернулась, чтобы изменять, и попирать ногами твои чувства.

Значит, она осознала, что ты и есть тот, кого она способна любить и покориться ему. Но, ведь, ты уже не веришь мне больше, ты скажешь, что это пустые слова. Что же. Пусть, всё равно я погибну, в институт меня не примут, документов нет.

Во Фрунзе если придётся вернуться – жизнь добьёт, как козявку, которой никто не протянет руку помощи, а, если и протянет, то с корыстной целью – получить своё.

Но нет уж, лучше сдохнуть, чем быть с тем, кого ненавидишь, кого не желаешь. Я только так...

(конец листка).

(дальше сверху 3-его листа опять вырезан ножницами прямоугольный фрагмент – около 10 строк).

.....У нас были ребята, которые были в твоём положении, но потом на другой год они поступали, сдав опять неважно. Но ты сможешь сдать прекрасно, если ликвидируешь свои какие-то недоработки и пробелы. А лучше сумей любой ценой попасть в другой институт, только не

в мед, пед, и сельхоз. Это дрянь.

А вообще-то, здорово получается: тут сидишь, боишься лишний раз сходить куда-то, чтобы дать ответ своей совести потом. А тут про твою личность слухи – измены и т. д.

А я считаю так: значит, ты плохо знаешь меня, раз не веришь своему Шурёнку, плохо и мало любил и любишь, если можешь верить какой-то чуши. Буду верить, и надеяться, что ты всё же поверишь мне, и следующее письмо я получу от тебя радостное и хорошее. Береги своё здоровье и себя ради меня и нашего будущего. Не падай духом в отношении института, ещё не всё пропало. Держись, мой чирик, всё должно быть хорошо, неужели мы с тобой такие «счастливые», что всё даётся нам только благодаря переживаниям и борьбе. Даю тебе в письме мои руки, голову и сердце они – твои, знай это, пойми это, Виктор, мой Виктор! Верь же мне.

Я жду тебя.

Твой Шурёнок. 29.8.51. 4 ч.

10.9.51 г.

Незаметно, в большой кипучей и в тоже время мелочной жизни, промелькнуло полмесяца. Полмесяца – большой, замечательной и в то же время – плохой жизни.

Сегодня закончил с той, которая заставила меня написать предыдущий листок, ничего о ней не вспоминая. Она должна, как я решил, уйти из «моего» сердца. Ведь ты, Виктор, влюбчив на время до первых, т. сказать, ласк.

Я не хочу обманывать девочку (рыцарство). Кое-что ты в себе исправил, но ещё неуклонно жизнь, среда и т. д. исправят тебя до конца. Жизнь идёт вперёд.

Студент МАИ живёт и здравствует в Москве на квартире у незнакомых, но теперь таких близких Богдановых (я жил в одной комнате в трёхкомнатной квартире ещё с двумя другими жильцами на Большой Почтовой в домах, построенных Будённым).

Время идёт – нужно спешить жить, жить и учиться, жить и работать, жить и любить, жить и быть честным, жить и обманывать. И я спешу, спешу по-телячьи, по-медвежьи, неуклюже.

Критическое отношение к своим поступкам в молодости ведёт постепенно и неуклонно к ворчливой старости, которая встречается на каждом шагу.

Тот человек, который плохо прожил свою молодую жизнь, или наоборот – хорошо – под конец становится ворчливым и старающимся научить молодёжь жить правильно, на самом деле только портит своим ворчаньем беззаботные дни счастливой и весёлой молодости. Надо быть беззаботным – а не анализировать и переживать за каждый свой поступок.

Дописываю.

26 числа я опоздал на свидание с Аллой, хотя и спешил. Её не было, но эгоист всегда эгоист. Рубашку выстирал и выгладил – и... опоздал.

Небольшое здание с буквой «М» расположено у входа в

аллею «Чистые пруды» и недалеко от Главного почтамта. Вокруг этого здания 25 числа безуспешно ходил молодой человек, среднего роста, выбритый, в чёрном костюме с белым отложным воротником и с длинной папиросой в руках.

Он ходил примерно уже час – полтора и все ждущие знают (предположительно): пришёл на свидание, а её нет.

Ждущие дожидаются и многие из них уже встретили своих, а молодой человек всё ходит и ходит. Ходит и курит – курить-то не умеет – а курит.

Вдруг, он срывается с места и кидается за какой-то молодой леди.

Это про него:

«Жестокой разлукой терзаемый,
Я чувством собачьим томим:
Я тоже утратил хозяина
Над сердцем дурацким моим.
И в банде красавиц прохожих,
Кидаясь как пёс, под авто,
Я тоже встречаю прохожих
И в ужасе вижу – не то!»

Но не верьте ему – он пришёл не на свиданье, он пришёл испытать счастья – может, встретит свою, с которой он не встретился прошлый раз.

И, как нарочно, когда он отчаялся уже встретить и решил-ся пройти по аллее, он встретил её, но спустя некоторое вре-

мя после отвлечённой и недолгой беседы, они фактически поссорились: она не захотела, чтобы он взял её под ручку – он обиделся и довёл её до дому и фамильярно попрощался.

Так незavidно всё кончилось. Может быть, это было не в тот день, а на следующий, не знаю, забыл. Но факт – фактом. Сегодня я вручил ей записку «любовного» (сверху дописано: сентиментального 8.12.52 г.) содержания и наблюдал, как она читала на лекции. Теперь мы – не знакомы.

Так легко и незаметно проходит одна за другой, не оставляя в сердце (хотя это ещё не известно) никаких (сверху другими чернилами надписано: ничего не ответила 7.7.52 г.) следов, кроме следов на бумаге. Они идут, они проходят, и нет им конца.

И с той, с Шурой он больше, вероятно, не встретится. Мы разошлись. Теперь наши дороги не пересекаются: мы далеко друг от друга:

Вот девушку мы любим, и нежим,
А станет жена или мать
Мы будем всё реже и реже
Любимой её называть...

Её мольбы пройдут мимо. Она поймёт, что он никогда не придёт. Она уйдёт к тому, другому, так до конца не отдавшись тому, с кем были связаны её первые опыты в Nacht спорте. Это он приучил её этому, он виноват.

Нет, нет. На моей совести ничто не будет лежать. Я молод

(хотя и стар – это зачёркнуто), но для неё – молод, она стара, я грубиян, она кротка и я не хочу отравлять её жизни (самооправдание).

Идёт время: она стареет – много плачет и переживает. А он? Он не придёт больше к ней. Кто виноват? Виноваты оба. Нет – она виновата, только она, в том, что я не получил медали. Это к ней я уехал из Бреста, где я свободно мог получить медаль, как Ивашкевич, получивший медаль, которого я случайно встретил в метро. Ещё двое из нашего класса получили медали.

Ну, это прошло. Прошло всё – оно не вернётся.

Много лет пронесётся, и грустно будет вспоминать всё это. Ну, что ж. Таковы события. Нет, тут не записать тех мыслей, что бывают, когда идёшь домой, и навстречу тебе дует освежающий ветерок. Нет, этих мыслей не вернуть. А ты записал мыслишки.

Жизнь – почти вся сознательная жизнь без отца и матери, жизнь полная заботы только о себе (подчёркнуто и надписано: очень плохо 7.7.52 г.) и ни о ком другом. Эти 6 дней, проведённые с отцом – лучшие дни. Он уехал 2 числа и оставил какое-то нехорошее предчувствие у меня.

Витёк крепись. Осталось немного: половина того, что пройдено. Никто не пишет. Влен – ты друг, обиделся за то, что я испортил Шурку.

Что ж ты прав. Ты был больше в неё влюблён. Но она отвечала только мне. Помнишь, как обиделся на тебя, и всегда

потом обижался за то, что ты сказал ей это в лицо, прямо, а она – мне. Мы с тобой были друзья, друзья по горю и счастью, друзья почти во всём.

У обоих одинаковые украинские характеры. И мы жили на противоречиях. И вот ты уже не пишешь. Вероятно, не хочешь. Что ж? Я снова, как прежде, один. Я пошёл в новую жизнь один, без друзей и товарищей. Или я дойду, или меня свалят с утёса, с того утёса, где узкая дорога и внизу пропасть. Итак, или – или? Не знаю.

Добавляет ИРАИДА:

Первой и самой большой любовью была Шурочка Бурлакова. Много лет спустя, Виктор пробовал разыскать её.

Ещё учась в институте, Виктор написал Шурочке письмо – «Город АСТРАХАНЬ. Главпочтамт, до востребования».

Письмо было отослано 28.09.53 г. на обратный адрес: – «Москва, 80, п/я 1612», но пришло обратно, т. к. не было востребовано адресатом.

Однажды, будучи уже женатыми, приехав в Астрахань, мы с Виктором ходили в адресный стол, и пробовали узнать адрес Шурочки. Сначала нам отказали в поиске адресата, но потом прониклись – то ли сочувствием, то ли любопытством (как это жена сама помогает мужу найти свою первую любовь?).

Во всяком случае, постарались поискать...

Но, к сожалению, адреса её не нашли, и сказали, что, скорее всего, в городе её нет.

Часть 6

Мечта сбылась

Студенческие годы начались с момента приезда в Москву летом 1951 года. Вместе с отцом поехали и сдали документы в приемную комиссию, которая располагалась на первом этаже Дома культуры МАИ.

Отказались от общежития на время сдачи экзаменов.

Временно Батя поселил меня у своих знакомых, в семье Горбуновых (вдове известного секретаря В. И. Ленина), на улице – Большая Почтовая, недалеко от станции метро Бауманская.

Я написал отцу в Брест...

Здравствуй, дорогой папа!

Я жив, и здоров, о чём в первую очередь сообщаю. Очень виноват, что до сих пор не написал тебе ещё ни одного письма. Исправляюсь. Живу, как говорят, как у бога за пазухой. До сегодняшнего дня жили вместе с Е. И... Она тут всё хлопотала по хозяйству. Сегодня поехала на дачу и я остался один. Завтра буду впервые хозяйничать один.

Кормимся мы хорошо: в неделю я даю 100 руб. Но в кино и тому подобное не ходил. На сегодняшний день у меня осталось 250 руб., т. е. до 20 хватит.

На еду, по существу, до 20 я истрачу 600 руб. Остальные на мелкие расходы: на метро (30 руб. в месяц), 4 раза на дачу

ездил (24 руб.), купил 2 замка-молнии (11 руб.), купил книги (10 руб.), ну, и т. п. мелочи, вроде спичек, чая, булок, плата иногда за трамвай, и т. п.

В общем, всё расписывать не буду, но скажу, что ещё собственнo я не хозяйничал и в точности расход, который я бы сделал, если хозяйничал, не знаю какой будет.

Сейчас сдаю экзамены. 1 сдал математику всю на 5. Послезавтра буду писать сочинение.

Всего сдавать 6 предметов. 18 кончаю. Если вышлешь справку, что ты болен, то 20 смогу выехать на 6 дней к тебе.

Сейчас всю эту историю с медалью тебе не буду писать, но вкратце объясню.

(7-го послал министру просвещения РСФСР письмо следующего содержания (найди ошибки)...

Копия

Министру просвещения РСФСР

от выпускника 10 класса МСШ № 1 г. Фрунзе

Дудко Виктора Анатольевича

Уважаемый товарищ министр!

Убедительно прошу ответить Вас на интересующие меня вопросы:

1. Имею ли я право получить серебряную медаль, если я, окончив 10-й класс МСШ № 1 города Фрунзе, имею по всем предметам 5, кроме русского, по которому у меня стоит 4?

2. Имеют ли право дать серебряную медаль в том случае, если учащийся получил по сочинению 4, а –

общегодовая отметка выходит 4, но ему говорят, что в министерстве могут поставить 3 за почерк, а также принимая во внимание, что учащийся последние 3 года оканчивал с похвальными грамотами?

3. Куда и как обратиться с претензией о не получении (надписано: вместе) медали? (ошибка 1-я)

(Примечание: школу я окончил в 1950–51 уч. году.)

В моей просьбе прошу не отказать.

Ответ послать по адресу.....

Прилагаю также ответ, который пришёл рано утром 1 августа, согласно которому я ничего не могу сделать. Просто время нет, да и голова болит от всего этого ученья. Конечно, письмо было написано отборным почерком – ведь, и я иногда могу писать хорошо. 4 раза перерабатывал, и растянуто на 2 листа. Насчёт ошибок – это, конечно, неверно. К сожалению, их намного больше!. Извини папаня, что так написал небрежно: всё некогда.

Если что-нибудь нужно узнать Д. М., то можешь сообщить это им.

Письмо это сохрани, может быть, я ещё попробую юридически вытребовать медаль себе, т. к. имею на это полное право.

Д. Миша и Т. Катя мне не пишут, хотя я и написал им ещё в том месяце письмо. Чем объяснить – не могу? Может адрес не знают. (Можешь отвечать мне сюда или на 57 от. почты до востребования).

Следующее письмо напишу 9-го вечером. Не беспокойся

обо мне.

С приветом ко всем – твой сын ВИКТОР.

Большуший привет братишке: пусть надеется на небольшой подарок.

4/VIII – 51 г. 9 ч. вечера.

В письме есть пометки (в скобках), сделанные мной.

Ответ:

При ответе ссылайтесь на наш Кирг/3952 РСФСР
28 июля 1951 года

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Москва, 82, Большая Почтовая, 18/28

Управление.....

корпус 11, квартира 106 Е. И...

Москва, Чистые пруды, д.б... для Дудко

Телефон Коммут. К 0–28–00

На В/№ _____ Дата _____

Управление школ Министерства просвещения РСФСР сообщает, что заявление о награждении Вас медалью Вам следует направить в Министерство Киргизской АССР. (ошибка)

Одновременно отмечаем, что в Вашем коротеньком письме на имя Министра просвещения имеются грубые орфографические ошибки (ошибка), что говорит о недостаточном усвоении русского языка по курсу

средней школы.

Заместитель Начальника Управления школ

(подпись красным карандашом)

(Мною мелким шрифтом отмечены две ошибки, одна – политическая).

Москва 1951 год Фотографировался я (Виктор) с ребятами другой группы.

Когда Батя уехал, я стал осваивать Москву. Ходил в музеи, побывал на ВДНХ.

Москва 1951 год ВДНХ Фото с ребятами из другой группы

Москва ВДНХ 1951 год Фотографировал сам (Виктор)

Москва ВДНХ 1951 год Фотографировал сам (Виктор)

Галочка Щупалеева и я (Виктор)

Но, прежде всего, я, как и многие другие, ездил на все консультации по всем приёмным дисциплинам. Робости у меня не было, но было огромное самомнение, проще говоря – нахальство. Поступал я на 1-ый факультет – самолетостроительный – самый трудный и почетный. Девчонок на него почти не брали.

Консультации проходили: в лекционных залах основного корпуса, в физическом и химическом корпусах, и в пятом – на Волоколамском шоссе.

Многое, о чём говорилось на консультациях, мне были знакомо, но некоторые вещи я не знал, и не всегда понимал. Среди абитуриентов встречались такие, которые задавали множество вопросов, не всегда нужных всем остальным.

Надо отметить, что какой-то робости или неуверенности перед экзаменами у меня не было. Вступительные экзамены я сдавал легко.

Только по сочинению я получил четверку, а вслед за ним и по русскому языку тоже поставили четверку. (Преподавательница сказала, что по литературе они ставят отметку не выше отметки по сочинению!).

Остальные предметы я сдал на отлично.

Запомнился экзамен по математике, который проходил в читальном зале 5-го корпуса: огромный зал и множество

преподавателей, рядом с которыми сидели абитуриенты, получившие билеты и готовившие свои ответы. Один выходил, а новенький входил. Все не хотели попасть к одному преподавателю, который ставил много двоек. Пришлось мне пойти к нему. Мой экзаменатор сидел за столом, облокотившись рукой о стол и, положив голову на руку. Казалось, он спал и не смотрел на сидящих рядом за столом абитуриентов: и тех, кто готовился отвечать по билетам, и тех, которых он отсадил, дав им дополнительные вопросы.

Но, на самом деле, замечал он всё. Когда подошла моя очередь, я подошёл и сел на стул перед ним, положил свои записи на листочках и начал отвечать на первый из семи вопросов билета. Он остановил меня вопросом:

– «Где вы так загорели?» Я ответил, что специально не загорал, а часто был на стадионе, и у нас во Фрунзе в это время очень жаркое солнце.

– «Переходите ко второму вопросу». Я начал отвечать на второй вопрос билета.

– «Хорошо. Следующий вопрос покажите. А что это за такой большой значок у вас на груди?»

Я сказал, что это знак чемпиона республики (действительно, на груди у меня был знак чемпиона республики среди юношей по лёгкой атлетике, размером и видом напоминающий настоящий орден).

Мы довольно быстро прошлись по всем остальным вопросам и я, довольный отметкой, быстро оказался за дверью в

читальный зал, где меня окружила толпа абитуриентов, как нашего потока, так и других.

Причём первых интересовала отметка, а вторых номер билета и вопросы, которые были в нём и мои ответы, чтобы можно было подготовить соответствующую шпаргалку (так они делали с каждым, выходящим из зала).

Все очень удивились, что я так быстро ответил, и получил пятерку. К тому же, это была единственная пятерка у этого преподавателя. Хотелось отметить, что ребята из другого потока, встретив меня на следующий день, сказали, что ответ на один вопрос у меня был неверным. Они пытались мне это доказать, но я не стал их слушать, считая себя правым.

Как я сдавал другие предметы, я уже не помню.

Набрав 28 баллов из 30, уверенный, что меня примут, я после экзаменов отдыхал.

Здравствуй дорогой папа!

18 августа сдал последний экзамен, немецкий язык, на 5.

В результате 6 экзаменов набрал 28 баллов из 30 возможных. Стипендию буду получать, т. к. все хорошие отметки у меня.

Числа 23–24 августа, как нам сказали, будут известны результаты. Надеюсь, что меня примут с предоставлением общежития, но пока ничего не знаю.

Ребята советуют мне не ехать к тебе, т. к. пока будут известны результаты пройдет много времени, пока перейдёшь

в общежитие, пока познакомишься с ребятами – всё это отнимет много времени, но, что особенно важно, – это общежитие. Пока я буду ездить, я могу проморгать общежитие – вот в чём основная загвоздка. Поэтому я не приеду этим летом.

Вероятнее всего я приеду после первой сессии, т. е. в конце января и вначале февраля. Так обстоят мои дела с институтом.

Позавчера, т. е. 18 августа, когда я собирался ехать на дачу к Е. И., зашёл какой-то капитан и говорит: «Виктор, здравствуй!» Я, собственно говоря, опешил, но сразу сообразил, что это, вероятно, от тебя. Как потом разговорились, и всё выяснилось. Очень большое спасибо за варенье и яблоки с грушами, небось – собственные.

С капитаном выпили по 100 гр. и поели «собственные» помидоры, т. е. привезённые им.

Большое спасибо также за деньги, а то у меня осталось 25 руб. На еду, как я тебе уже сообщал, начиная с 10 июля по 20 августа я израсходовал 660 руб.

Причём, питался я всё время с Е. И., и, конечно, гораздо лучше, чем, если бы, я питался сам, т. е. покупал, варил сам себе. Да, и время это отняло бы гораздо больше, чем есть, поесть, да, обратно за книжки.

И неудивительно то, что я за два дня прочитал, и выучил 5 книжек по физике с 1750 страницами. И неудивительно то, что я 6 августа писал сочинение в течении 3 часов с темпе-

ратурой 39–40, хотя внешне держался, как следовало.

Ты, конечно, папа, не беспокойся: сейчас здесь, на даче, я чувствую себя хорошо. Правда, как я тебе уже писал, я чертовски устал, особенно, это было заметно 18 перед экзаменом. С 12 до 1 часу я сидел и не мог подняться, чтобы собраться на экзамен.

Я как-то совсем обессилил, но потом переборол себя, и сейчас чувствую себя хорошо. Медкомиссию прошёл 16 августа: здоров, как вол, только вот нужно вырвать пару негодных зубов, да я никак не соберусь это сделать: «всё времени нет: занят».

Ну, вот и всё нового о себе.

Да, ты так и не написал, как быть с уплатой за квартиру Е. И. или ждать тебя, когда ты приедешь, или отдать мне самому, хотя бы за 1 месяц.

Ты, ведь, с сегодняшнего дня в отпуске и, как говорил капитан Ананьев, думаешь приехать сюда.

Пиши, когда собираешься навестить меня здесь, а то, может быть, ты будешь отдыхать дома? Твою просьбу постараюсь исполнить, но пока, кажется, в магазинах он не появлялся, однако вскоре, должен быть. Сегодня еду в Москву. Думаю побывать, пока время есть, в музеях галереи, а также на выставке: она откроется 1 сентября.

Передавай всем привет от меня. С приветом, до встречи, твой сын Виктор.

Когда приехал в институт, кто-то из знакомых сказал, что

уже известны результаты приёма на 1-ый факультет, хотя официально это должно быть известно только ещё через два дня. На 4-ом, 5-ом и 6-ом факультетах ещё шли последние экзамены.

Я не хотел идти в приёмную комиссию, но пошёл. Каково же было мое удивление: в списках принятых моей фамилии не значилось.

Меня не приняли!!!

(Нужно было набрать 30 баллов!!!)

Я сразу же дал телеграмму отцу, попросив его приехать срочно. В помещении приёмной комиссии за отдельными столиками обычно по углам находились представители приёмных комиссий других институтов, которые приглашали абитуриентов в свои вузы.

А сдавшим и не прошедшим по конкурсу, предлагали сразу же зачисление в институт без экзаменов (с теми отметками, которые они получили в этом институте: считалось, что приёмная комиссия московского института более жесткая, чем периферийные, и более справедливая).

Из всех представителей других институтов, я запомнил членов приёмных комиссий Казанского и Сталинградского авиационных вузов, а других просто не помню.

20/VIII 51 г. 12 час. дня.

Телеграмма из Москвы Брест Адамково Добрая 1 ДУДКО

СРОЧНО ВЫЕЗЖАЙ НУЖНА КВАРТИРА

Виктор.

Батя приехал на следующий день. Мы пришли в приёмную комиссию. Познакомились с секретарём. Выяснили, что на свой факультет я уже никак не попаду.

С общежитием можно было попасть только, набрав 30 баллов, а без него – 26. Мы несколько раз встречались с секретарём. Однажды, даже вместе на Соколе ходили обедать, правда, всего лишь, в столовую.

Секретарь подсказал, что на 5-ом факультете будет дополнительный приём, и, если мы быстро перебросим документы, то, возможно, меня возьмут, но без общежития. Мы посоветовались и решили никуда не ехать, а поступать на этот факультет (о чём я теперь, безусловно, не жалею!), а потом, может быть, перейти на «свой» факультет.

Так мы и сделали, подали заявление с отказом от общежития, представив справку – о проживании на частной квартире... Отец договорился с Горбуновыми, что я поживу у них, хотя бы год.

Наконец, секретарь приёмной комиссии сообщил, что я принят. И, когда несколько дней спустя, мы пришли посмотреть списки принятых на факультет, я нашёл свою фамилию в группе АП-1–4, став, наконец, студентом Московского Авиационного Института имени С. Орджоникидзе (сокращенно – МАИ), чем очень гордился.

Мне ещё раз повезло: я попал в группу прибористов – как

раз вышло постановление об увеличении приёма в институты и факультеты приборостроительного направления и дачи им некоторых льгот.

Об этом я узнал много лет спустя!

За несколько дней до начала учебного года нас всех собрали и проинструктировали – ведь мы теперь не абитуриенты, а полноправные **СТУДЕНТЫ!!!** и вести себя должны соответствующим образом.

Нам рассказали, что у нас будут следующие виды занятий: лекции по потокам или полупотокам, практические и лабораторные занятия – по группам, семинарские и другие виды занятий, как правило, тоже по группам.

МАИ 1951 год Группа АП-1-4

Я (Виктор) – в верхнем ряду второй слева

Занятия будут проводиться по спаренным двум академическим часам (два по 45 мин. с перерывом в 10 мин, который, иногда, попадает на большой перерыв – в 30 мин. или 15 мин). За это время мы должны переместиться к указанной в расписании аудитории и, если необходимо, побывать в буфете или в столовой.

Мы: дали подписку «о неразглашении», получили пропуск для прохода на территорию института, записались и взяли обязательный набор книг в библиотеке (впоследствии каж-

дый преподаватель давал список дополнительной литературы, которой, как правило, в библиотеке не было, или их было в ограниченном количестве и выдавалось только в читальном зале). Затем, приобрели необходимое количество разных размеров тетрадей, ручек и карандашей.

Естественно, у каждого была сумка или портфель, куда все это складывалось.

В каждой группе был назначен староста, который был обязан следить и отмечать посещение студентами занятий, а впоследствии и получать стипендию на группу и выдавать её студентам. Нам сказали, что в течение первого месяца, когда все уже познакомятся друг с другом, нужно будет провести собрание по выбору комсорга и профорга группы (у нас было, кажется, два коммуниста).

Часть 7

Друзья

Когда впервые собралась наша группа, после окончания вступительных экзаменов, я как-то сразу сблизился с Борькой Филиным, который, как и я, приехал из провинции города Гродно, что в Белоруссии недалеко от Бреста.

Да, и судьбы у нас были похожи: он жил с матерью и младшим братом, а я с отцом. Боря назначили старостой, его поселили в общежитии, которое располагалось в здании 5-го корпуса. А вход в то время был не у ворот, а справа от здания, а дальше был пустырь, в конце которого расходились Ленинградское и Волокаламское шоссе. Здание Гидропроекта еще не было, оно появилось много позже. Ребята жили в комнатах, в которых впоследствии стали проводиться занятия по группам (похоже, что к началу учебного года не было готово общежитие).

Проходная закрывалась в 12 часов ночи, и, когда Боря ехал от меня, он опаздывал к этому сроку и ему приходилось лазить через досчатый забор, чтобы попасть к себе в комнату и не проспать начало занятий.

Здесь же, в общежитии, зимой 1952 года мы с ним встречали членов нашей группы, которых Борис вызывал, чтобы вручить выданную дополнительно за 4 месяца нам повышенную стипендию в размере 700 с чем-то рублей тем, кто получал стипендию, и 2000 с чем-то тем, кто сдал экзамены на тройки. Это было незабываемое зрелище, когда человек приезжал на занятия и, вдруг, ему вручалась довольно большая по тем временам сумма. Почти со всеми мы тут же шли в кафе напротив института обмывать это дело. (И я, заодно примазывался к этому делу – конечно, мы не пили, как сейчас, и дело иногда обходилось одной шоколадкой или реже

бутылкой красного вина).

Немного позже, я перебрался в общежитие, не имея ещё законного разрешения на это. Мы с Борей спали валетом. И, только на третьем курсе, когда Борис женился, и перебрался жить к Галке Щупалеевой – своей жене, освободилась его койка, которую я окончательно занял на законном основании.

Наша дружба с Борисом затянулась на всю жизнь. Конечно, не только с ним, так как группа, уже после окончания института раз в год собиралась обязательно или в ресторане или у кого-нибудь на квартире. Но с Борисом и Галочкой мы дружили семьями. Галочка – это тоже наша однокурсница.

Я был на свадьбе Бориса и Галки. А через несколько лет, в 1959-ом году и они побывали на моей свадьбе с Ираидой. А в 2009 году – встречались на нашей с Ираидой золотой свадьбе.

Знакомство студентов нашей группы осуществлялось постепенно: некоторые знали друг друга еще по школе, другие познакомились во время сдачи вступительных экзаменов, остальные подружились во время учебы и совместной подготовки к экзаменам и зачетам, а отдельные типы вроде меня, так ничего не знают о своих сокурсниках и сейчас. В целом можно сказать – группа была дружной.

Поскольку у меня был фотоаппарат, сохранились фотографии тех далёких студенческих лет.

Вот несколько снимков, которые я сделал, когда мы ходи-

ли на демонстрацию...

МАИ Группа АП-4 на демонстрации

МАИ Группа АП-4 на демонстрации

Группа АП-4 на демонстрации
Слева – 2-я Галочка Щуполеева и Борис Филин

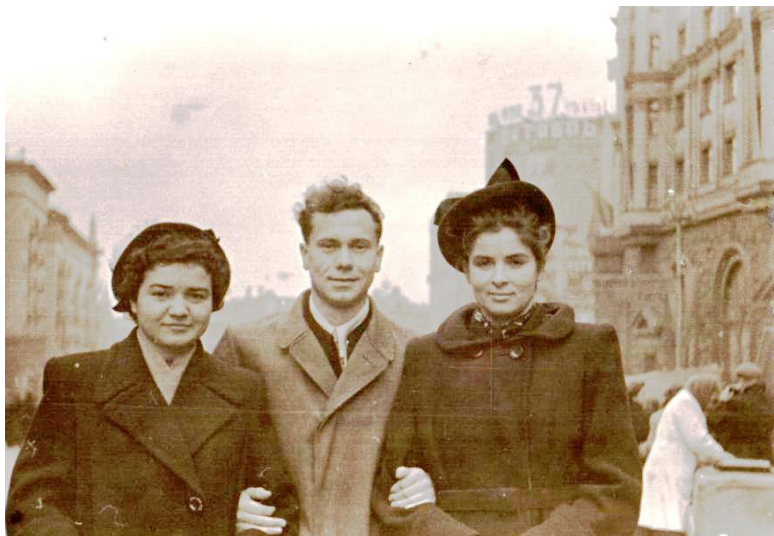
**Группа АП-4 на демонстрации
Крайний справа – я (Виктор Дудко)**

**Группа АП-4 на демонстрации
Справа – Борис Филин и Галя Щупалеева**

**Группа АП-4 на демонстрации – улица Горького
Крайняя слева – Инна Никонова**

МАИ На снимке – справа Галочка Щупалеева и Боря Филин

ПРИМЕЧАНИЕ ИРАИДЫ...

Я чувствую себя очень неудобно. Я помню все фамилии студентов группы АП-4. Когда Виктор был ещё жив, рассматривая фотографии и вспоминая каждого из них – называл кто именно снят на том или другом снимке. Я слушала его, но не записывала. А потому теперь уже боюсь ошибиться и поэтому под снимками не ставлю фамилий тех, кто на

них заснят.

ПРОДОЛЖЕНИЕ, НАПИСАННОЕ ВИКТОРОМ

У нас в группе было 8 ребят и 17 девчат. Причем, всего иногородних было 8 человек: я, Филин, Борисов – более старший и державшийся всегда отдельно от всех, Почивалина Валя – самая младшая в группе, Вера Левакина, Оливер Иваньков, Гера Лопушихин и, конечно, Валя Важова, которая на последних курсах исчезла из группы (а также Алиев, очень быстро покинувший нас). Несколько человек жили в Подмосковье.

Гарик Белик – ветеран войны, многое позабывший, постоянно задававший массу, иногда по незнанию – глупых вопросов.

Вовка Свечников – бесшабашный парень, единственный, кто много пил, правда, в основном, пиво, но не пропускал мимо и покрепче.

Вовка Васильев – человек не из нашего круга, политически подкованный и грамотный.

Регина Пучкова – почти постоянный наш комсорг и ещё – несколько красивых интересных девчат.

Постепенно все разбились на пары, тройки – т. е. на подгруппы, которые так и просуществовали до конца учебы, а

некоторые продолжали дружить и после окончания учебы.

Материальное положение у всех было разное.

В достатке жили далеко не все, не большинство. Это было видно потому, что не все могли собираться на праздники, когда группа, сговорившись, отмечала у кого-нибудь какое-то торжество.

Собирались мы в квартире у родителей Пучковой на Шарикоподшибниковской. По пути к её дому мы шли, пересекая несколько железнодорожных путей (кажется, мы собирались у нее не один раз, впоследствии, проезжая на машине, я вспоминал это место).

Были мы два раза в квартире у Никоновой (я так и не узнал: – была ли она родственницей Молотова), – в доме с высокими потолками (это дом против Елоховской церкви, большой длинный, мрачный.)

Впоследствии, в торце этого дома, ближе к Спартаковской, в закрытой мастерской Госснаба СССР мне шили шикарный костюм и по ошибке вместо моего заказа мне выдали заказ Зампреда СМ Козлова. Ираида в то время работала начальником отдела Госснаба СССР и временами мы пользовались льготными талонами в ателье и продуктовыми заказами.

Были мы и в квартире у Никоновой, в двухэтажном доме на площади Маяковского. В этом же доме находился какой-то театр. Сейчас этого дома уже давно нет – это все площадь Маяковского. Во время одной из таких встреч Свечни-

ков, выпив лишнего, выходя из комнаты – покачнулся и задел книжный шкаф, разбив при этом стекла в дверках шкафа.

В нашей группе было много интересных девчат, среди которых были: Щупалеева (будущая жена Бори), Платонова Лариса, Шурьева Ирина, Вера Левакина, Инна Никонова, по-детски наивная Валя Почивалина и другие.

Образовались пары: Филин – Дудко; а затем Филин – Щупалеева; Иванов – Пучкова, а другие: Алла Тунер, Нина Чеботарева, Галя Путанкина, Нина Скомарохова, Наташа Селецкая, Галя Речиц, Галка Брюзгина (кто с кем – я не знаю, и во время учебы не интересовался). Они либо организовывали временные подгруппы, либо примыкали к той или иной подгруппе.

Преимущество таких групп было в том, что записанная лекция дублировалась и то, что не было в одной, могло быть в другой (или в других). Были и индивидуалисты: Васильев, Дудко, Борисов, иногда Свечников и Левакина.

Я дружил с Борей Филиным. И эта дружба продолжалась всю учебу, хотя на последних курсах он пропал у своей жены Гали Щупалеевой.

Я несколько раз бывал в этой семье. Жили они на Беговой, у стадиона Юных Пионеров, в коммунальной квартире. У Галки было 4 или 5 сестер и 2 или 3 брата. У них на всех была одна комната, перегороденная шкафами на несколько коморок, которые выделялись в первую очередь семейным

членам семьи с детьми, да потом еще и Борис перешел к ним после свадьбы. Но жили они все дружно. Верховодила в семье мама Галки.

После первого курса мне пришлось снимать место для проживания в частном секторе. Так как я был не коммуникабельным парнем «из деревни», мне никак не удавалось найти нормальное жилье. И в какой-то момент Борис предложил временно переспать у него в общежитии. Это временное продолжалось несколько лет, пока я не получил место в общежитии. Спали мы на одной кровати, валетом.

В комнате № 43, на втором этаже, проживало четыре, а со мной – пять человек: двое с младшего курса, и мы трое: Боря, я и Витя Волков. Наша кровать стояла у стены слева от двери. Напротив – стоял шкаф, за которым находилась кровать Волкова. Когда Борис задерживался, я спал один, а когда он приходил, мы спали вдвоем.

Здесь я привык спать на правом боку, как и Борис, который располагался головой к двери с края, а я – головой к окну, у стенки.

У нас в комнате не возникало никаких недоразумений. Мы жили довольно дружно. Компаний у нас не было. И только на пятом курсе, когда я поселился в нашей комнате на законном основании, неожиданно все ребята заболели преферансом.

Иногда, просиживали целые ночи за картами – в одной из соседних комнат, но в нашей – этого никогда не было.

Тут я близко познакомился с Сашей Смирновым, учившимся в третьей группе. Он обо мне уже знал давно, а я нет.

С Сашей нас связала крепкая дружба уже после окончания института. Так получилось, что мы вместе устраивались на работу. И все годы, вплоть до моего перехода на работу из НИХТИ в Москву – в 1975 году, мы «варились» в одном коллективе вычислительного центра института и, кроме того – дружили семьями.

Встречаемся до сих пор, хотя и редко, так как к нам нужно добираться на машине, а Саша остерегается сейчас по состоянию здоровья ездить на большие расстояния, впрочем, как и многие другие.

Филина Бориса к примеру на наши встречи привозит сын. А мы – не то, что за руль, на участок-то теперь выходим с палочкой...

Но зато нас связывают с Сашей и наши новые увлечения – портал «ПРОЗА.РУ», на котором можно бесплатно публиковать свои произведения. Именно от него мы узнали о том, что он там начал публиковать свои рассказы (СМИРНОВ 83). И – последовали за ним.

Увлечение оказалось заразительным... Теперь уже мы уговариваем его – публиковаться в издательстве ЛитРесс.

На четвертом курсе мне предоставили место в общежитии официально в другом корпусе. На том же втором этаже, рядом с комнатой, куда меня переселили, находилась квартира одного преподавателя (просто две комнаты соединили вме-

сте, и провели им отдельный водопровод). И только тогда, когда Борис окончательно выписался из общежития, я переехал на его место.

В комнате с нами жил китаец – сын одного из первых руководителей компартии Китая. Нас он поражал своим трудолюбием и не принимал никакого снисхождения к себе: если он знал предмет только на четыре, то ему нельзя было ставить 5 или 3 – он будет настаивать на своем, особенно, при завышении отметки. Питался он скромно и очень немного (как и все китайцы в стране – один раз в сутки).

В нашей группе было много интересных девчат, на одну из которых я обратил свое внимание.

Мне казалось, что я в нее влюбился. Я стал оказывать ей особое внимание, не обращая никакого внимания на других. Я не подозревал, что москвичи снисходительно относятся к провинциалам. Я провожал ее до дома, и мне кажется, что я был представлен даже родителям, и несколько раз побывал в квартире моей любимой.

Дом ее находился на Кутузовском проспекте, крайний у моста через линию метро, которую построили чуть позже. Из центра – это крайний слева почти напротив (наискосок) от дома 24, в котором жили Первые секретари ЦК (об этом я узнал гораздо позже.) От метро Киевская я провожал её до дома.

Путь мне запомнился хорошо и надолго. На улице всегда бывало немного народа. Мне запомнились очень высокие

потолки в этом доме.

Почему-то мы переписывались, и у меня сохранилось несколько писем, но когда я забирал из дома «макулатуру» на дачу, куда-то их так далеко заложил, что до сих пор найти не могу.

Лет десять спустя, однажды к этому дому я подвозил преподавателя из Академии ЦК, в которой учился Коля (муж моей сестры).

Часть 8

Учёба в МАИ

МАИ 1951 год

**Часть группы АП-4 – первые знакомства
Я (Виктор) – третий слева**

УЧЕБНЫЕ БУДНИ

И ПОБЕЖАЛИ ИНСТИТУТСКИЕ ГОДА,
ОСТАВИВ СЛЕД ПО ЖИЗНИ НАВСЕГДА

Учёба в институте шла у меня достаточно легко, да и учиться мне было интересно. Первые два курса – общеобразовательные. Математика давалась довольно легко. Некоторые начальные курсы я изучил ещё в 10-м классе. Первый семестр я окончил с одной четвёркой по начертательной геометрии. Тогда я ещё не знал, что во время семестра (экзаменационной сессии) можно было пересдать этот предмет (это мне сказали много позже в деканате), тем более, что какие-то предметы я впоследствии сдавал досрочно.

Физика и химия давались мне также легко.

Лабораторные работы, практические работы, семинары проходили, как правило, интересно. Особенно, мне нравилась математика и один из ее разделов: комплексные переменные. Интересно и то, что знание математики помогали решать химические задачи с валентностью.

Иногда я по старой привычке что-то записывал в свой дневник.

30/IX-51 г.

Прошёл месяц студенческой жизни. Время не ждёт, оно торопит, спешит, и не останавливается. Остановить его невозможно, как невозможно остановить землю в её вечном кружении, но от него можно отстать, и его не догнать потом. Гигантскими шагами движет оно всё вперёд. Промедлил, и опоздал. Время ушло, – догоняют сейчас же, потом будет поздно. К такому выводу привёл меня этот месяц.

В мире есть люди хорошие и плохие. Но не верьте тому, кто говорит, что этот человек хороший: нет, не всегда. Любой человек, будь он наипрекраснейший, всегда бывает и плохим человеком, и наоборот. Чувства и мысли, мысли и действия человека меняются от всевозможных малых и больших причин. И человек, которого ты идеализировал, может стать в одно время таким, как и ты – ОН НЕХОРОШ, А ТЫ И ВОВСЕ.

Ну, ладно, поменьше «философии». Факты.

Живу по-старому, никому на письма не отвечаю: с головой занят нем. языком и черчением. Влен не пишет. Это виновата она, Шура. Какого черта ей надо было писать Влену о наших с ней отношениях в последний месяц. Ведь, письмо попало в руки тётке Кати, и она всё рассказала дяде Мише, который кое-что написал отцу.

Да, она удружила сразу всем вместе. Лучше уж молчала бы, и то лучше было бы.

В нашей группе 16–17 девчат. Несколько из них (Лариса Пл., Ира, Галя, Инна) мне нравятся, а как я им – не знаю.

Конечно, со всеми я не смогу дружить, но думаю, что или с Ларисой (меньше) или с Ирой. Остальные более гордые: «не подступиться».

Здесь в корпусах (на Большой Почтовой) познакомился с Зоей.

(Эта девушка, когда была маленькой, то сыграла основную роль в фильме «Машина 22–12», чем постоянно гордилась, будучи взрослой).

Уже вчера объяснился с ней. Она сказала, что все их знакомые почему-то решили, что она вместе с матерью, хотят поймать меня и женить. Ну, такого остолопа, как ты Витёк, легко можно обтяпать. Ты, ведь, сентиментальный, эгоистичный, самолюбивый и много влюбчивый парень, и влепишь ты в эту историю как пить дать. И если ты не сумеешь выпутаться (сейчас ещё рано: надо своё получить), то ты действительно олух царя небесного. Тебя, дурака, надо так обтяпать, чтобы ты знал на будущее: на чужой каравай рот не разевай.

Иду мыться, 12 часов ночи.

2/XI-51 г. Прошло 2 месяца учёбы и мы идём в «выскачки». Беспорядок царит в моей голове и я не могу записать ничего путного.

Позавчера был в ГАБТ – очень понравилось быть там. Смотрел «Демона», вернее слушал оперу Рубинштейна «Демон», где пел «Демона» – Иванов, «Тамара» – Кругликова, жених её – Козловский.

Думаю, как-нибудь сходить ещё с нашим комсоргом – Ларисой. Она девочка – ничего, но не для любви – она хороший (может быть таким) друг. И я думаю, именно, так подружиться с ней, не иначе – любовь к ней с твоей стороны Виктор нелепа и недопустима. Вот и всё. Писем долго ни от кого нет.

5/ХП-51 г.

Дни бегут. Трудно, стало труднее переживать в себе все свои недостатки, все свои страдания, горести, думы и т. д. Неужели, я не нашёл друга! Да, в ней я хотел найти друга, но она как-то безразлично ведёт себя. А ведь друзья должны хотя бы немного заботиться друг о друге. Но, я, я не могу писать. Я влюблён в неё? Нет, и ещё раз нет! Мне просто нужен друг, с которым можно было бы посоветоваться, поделиться мыслями, поговорить попросту.

Нужен такой друг, который, хоть, немного влиял с хорошей стороны. А она. А она. Она могла бы сделать это, но увы... Я боюсь предложить ей это. И, не дай бог, она поймёт меня в другом смысле!?

Снова и снова в сердце приходит опустошение. Приходит, попросту говоря, отвращение к жизни или к лени. Лени – она снова догнала меня в начале декабря месяца. Ну, кто мне поможет избавиться от неё, от того, что наз. штурмовщиной и т. п.

Время идёт. Все чувства, все помыслы, всё, всё, что было

хорошего, тоже постепенно, но неуклонно уходят от меня.

Я переживаю, томлюсь, в вагонах и на улицах веду разговоры (в уме) с БаСом, ВВБ, П и М. Куда всё ушло. Неужели, я не могу сделать того, что задумал? Да, не сможешь, если будешь лениться. Но, кто же будет заставлять, что б ты не ленился. Ты сам. А если найдёшь наст. друга, то вдвоём.

БаС – презренно молчит. ВВБ – так и не дождался от него ответа! Таковы настоящие «друзья».

8/ХП-51 г.

Виктор! Ты «пропал» Вика! Шура совсем ушла из моего сердца. Может быть, где-нибудь в тайниках мозга останется о ней воспоминание, довольно-таки приятное. Она права. Она не должна была и правильно, что не ответила на твоё последнее компромиссное письмо. Ты почувствовал, как ты одинок среди всего этого мира, как тебе тяжело всё это пережить и ты хотел получить поддержку у твоего бывшего, и обиженного тобою друга, но тебя не поддержат, и ты падаешь. Ты упал сегодня в объятия Зои, завтра будешь падать ещё ниже и т. д. Ха, ха... Наконец, ты понемногу начинаешь понимать, что жить в обществе и не быть в нём, нельзя. Нельзя быть одиноким. Одиночество признак дикарства, особенно, в нашем обществе.

Но почему ты остался вне? Почему друзья не помогли тебе хотя бы немного войти в него. Почему? Или друзья не были друзьями. Если они бросили друга в критический мо-

мент, зная о многих его недостатках, они бросили, оставили в одиночестве, одного среди чужих, и неужели это друзья, или это друзья до поры до времени. Да это те друзья, которые только сочувствуют, выпивают, и развлекаются вместе и больше ничего.

Любовь, говорят, сродни жалости. Да, я теперь знаю, что не пустая фраза. Девушка иногда (и часто) полюбит парня из-за жалости. Но эта любовь – не настоящая. При проверке её жизнью она всегда (или большей частью) распадается. Такая любовь растёт и развивается до поры до времени, пока парень рассказывает жалостливые истории и т. п., т. е. пока она его хорошо ещё не знает. Затем, они сближаются, лучше узнают друг друга. Первый момент сближения – один из лучших, запоминающихся моментов в жизни, потом рост кончается, начинается упадок, разложение и гибель любви – самый тяжёлый момент, момент расставания бывших влюблённых. Почему это происходит. В первое время она мало знает его, её привлекает фантастичность его рассказов, ей станет жалко парня.

А что значит – пожалеть такого человека? Это значит – унижить его в его глазах. Кто-то из них первый понимает это. Начинается расхолаживание отношений с одной стороны, что влечёт за собою охлаждение и с другой, т. е. всё гибнет. Нет! Я больше не хочу такой любви!

Сдавать экзамены я обычно ходил в первой группе из пяти студентов и, как правило, отвечать шел первым, давая боль-

ше время другим для подготовки. Это было с первого до последнего семестра.

Исключение составил экзамен по сопромату, когда мой друг и староста группы перед экзаменом заболел гриппом. И мы с ним сдавали предмет последними. Я помог Борису, а также Никоновой, которая получила отличную оценку, и ещё кому-то. Это заметил преподаватель и, вероятно, решил это отметить, поставив мне четвёрку (в деканате мне посоветовали пересдать его (наконец-то!), но я не стал это делать из гордости). Много лет спустя, на вечере группы Борис весь эпизод со сдачей представил по-другому.

Припоминается мне эпизод на экзамене по политэкономии. Это было или на 3-ем или на 4-ом курсе. Учебников тогда не было. Знания мы черпали из лекций. Лекции не всегда были записаны полностью и хорошо. Я, как всегда, пришел сдавать экзамен и начал отвечать первым. Не знаю, что со мной произошло Меня "заиклило" ...

Отвечаю на первый вопрос и говорю: прежде, чем ответить на этот вопрос, я хотел бы начать с Адама и Евы, т. е. с истории вопроса. До вопроса я не дошел – преподаватель остановил и попросил ответить на второй.

Я опять слово в слово повторил: начну с Адама и Евы. Преподаватель не выдержал: – все и спросил мою фамилию. Открыв зачетку, удивился, сказав при этом: "может быть вы придете в следующий раз", отдал мне зачетку, не поставив отметку ни в зачетку, ни в экзаменационный лист.

Еще, когда я отвечал, все начали мне подсказывать правильный ответ, но я не реагировал на это.

Выйдя из аудитории, я сказал всем, что получил пару. Однокашники очень удивились и забеспокоились, если я не сдал, то – что их ждет. Потом я, конечно, сдал, но в этом семестре лишился повышенной стипендии. Вот такой казус был со мной.

Первые два года я никогда не писал шпаргалок – память у меня была отличной. Мне надо было только один раз прочесть весь материал.

Я не знал только того, что не прорабатывал сам.

Видя, что многие пользуются шпаргалками, я стал менее внимательно прорабатывать материал, но шпаргалок не писал и не пользовался ими почти никогда. Зато, я брал с собой или лекции, или писал на листах конспекты и брал их с собой для "поддержания штанов". Или не прорабатывал весь материал, а всегда надеялся на удачный билет, что, как правило, и бывало.

К сожалению, это привело к некоторому ослаблению общей памяти. Хотелось бы отметить, что зубрилой я не был. Посещал все занятия, почти никогда не "филонил". Пропадал почти весь день и вечера в институте. (В дальнейшей жизни у меня так и осталась моя приверженность – все дослушивать до конца, где бы я ни был, в том числе и на всех конференциях и семинарах, как бы не интересны они не бы-

ли).

Самыми неинтересными занятиями у нас, у ребят, были занятия на военной кафедре (в этот день девочки гуляли). Занятия проходили на территории радиотехнического факультета, по Волоколамскому шоссе, у поворота на Беговую улицу у моста. Когда преподаватель нудно перечислял длинные номера деталей приборов, очень хотелось спать.

Только Володе Свечникову удавалось спать с открытыми глазами, сидя на первой парте в маленькой аудитории. Остальных грозный окрик заставлял просыпаться и вскакивать с места.

Записи мы делали в секретных тетрадях, хотя многие приборы были уже списаны, и не представляли никакого интереса и уж, конечно, не были секретными...

Запомнился мне случай с первого курса, когда мы с Борькой готовились к химии у меня на квартире. Накануне экзамена, уже, когда в голову ничего не лезло, я предложил ему пойти на танцы в Измайловский парк. Метро тогда ходило – до Измайловской, а станция Семеновская называлась тогда Сталинской. Борис сказал, что мы еще не прошли какой-то раздел, и он останется, а я уехал в парк (был или не был я на танцах – не помню). Вечером вернулся и проводил его до метро. На следующий день я сдал химию на отлично, а Борька не сдал его, после чего он сокрушался: «Лучше я бы пошел вчера гулять, толку было бы больше».

Как-то перебирая после 2000 года старые тетради с лек-

циями, я нашёл следующие строчки...

Из 1-ой лекции по предмету «Счетно-решающие приборы», прочитанной в начале февраля 1956 года из раздела «Автоматические быстродействующие цифровые машины»:... «в них все операции производятся автоматически. Необходимо лишь задать программу действия машины. Действие такой машины, изготовленной в Академии Наук СССР «БЭСМ» было опубликовано в «Правде» от 4 декабря 1955 г. На этой же машине был сделан перевод английского текста на русский. Машина позволяет решать задачи логического порядка...».

(Спустя почти 5 лет, мы с Сашей Смирновым побывали на этой машине, да, и сами стали специалистами в этой области, а тогда это были только слова преподавателя в сохранившейся тетради с лекциями).

Бате от Виктора.

Здравствуй дорогой папа!

Я жив, здоров, чего тебе желаю. Всё, что ты посылал – я получил – за всё очень благодарен. Посылку от дяди Миши получил недавно: простыни, одеяло, костюм пышный и книгу. Сейчас я очень занят: идёт зачётная сессия (до 1 января), а затем будет экзаменационная. Иногда в институте бываю по 12–14 часов. Сдал уже 5 зачётов (24/ХІ мех мастер 1 чек. черчение на хорошо). Остальные недавно. Осталось сдать 3 зачёта и 5 экзаменов и я буду дома. Правда, сейчас заниматься труднее: сам знаешь, но всё-таки дела идут по-

хорошему. Надеюсь всё сдать хорошо. У нас здесь пока оттепель, но скоро по прогнозу, будут морозы до 350. У меня нет перчаток – здесь их днём с огнём не сыщешь. У вас, наверное, всё в порядке. Ты не должен болеть, а Женя плакать и сваливать всё на меня: – «почему плачешь?» – «Вити – нет». Скоро Витя приедет и пускай он не плачет. Посылаю тебе мою фотокарточку, посмотри, какой я теперь.

Ну, вот и всё. Передавай всем привет.

С приветом, твой сын – Виктор.

21/XII – 51 г. 1 ч.

Письмо из Москвы в Брест.

Бате от Виктора.

Здравствуй дорогой папа!

Я жив, здоров, о чём тебе сообщаю. Извини за долгое молчание. Доехал я благополучно. За опоздание мне ничего не было, т. к. выявилась уважительная причина. Правда, до сих пор, всю задолженность не ликвидировал: ещё не переписал 3 лекции и т. п. Заниматься сейчас очень трудно. В неделю 5 раз занимаемся по 8 часов и из них 6 часов практических. Во времени очень стеснён. Дома не бываю по 10–12–14 часов, что меня сильно стесняет, как физически, так и психически. Ем 2 раза в сутки: утром в 7 часов и вечером в 8 или 10 часов. Так всё это изматывает тебя, что придешь домой и делать ничего не хочется. С каждым днем всё слабеет. Такое положение не только

у меня, но и почти у всего курса. Таковы мои учебные дела.

Москва 1951 год Отметил свой день рождения – 18 февраля

День рождения отметил отменно. 10/02 у себя дома, а 17 у одной девочки. Я со своим старостой собрали немного денег и устроили небольшую пирушку. У него тоже был день рождения. Пришёл пешком домой в 4–30 утра.

Из письма – Бате...

27/11–52 г..... Пишу письмо на лекции. Стипендию получаем в этом месяце прежнюю, но говорят, что в следующем, дадут повышенную.

С приветом твой сын Виктор.

Действительно, нам стали выплачивать повышенную стипендию, и, даже, дали её – всем троечникам. Борис Филин был старостой нашей группы, и выдавал стипендию ребятам. Когда наступил момент выдачи повышенной стипендии, студенты нашей группы приезжали в институт, к нам в общежитие, и мы с Филиным встречали их подарком.

Троечники получали больше 2-х тысяч рублей, а хорошисты, не попавшие под это Постановление – всего около 700 руб. За раздачу стипендии нам с Борисом немного перепадало – нас вдвоём водили в кафе напротив нашей проходной у 5-го корпуса.

Но далеко не весь факультет получал повышенную стипендию.

Наш ректор всё время придерживал выплату, определённую Постановлением, в котором говорилось, что приборостроение в стране отстаёт от мирового уровня, и для его развития предлагался ряд мер, одно из которых касалось нас – студентов факультетов приборостроителей и ряда других аналогичных ВУЗов.

(Говорили, что И. В. Сталину доложили высказывание президента США, что мы не сумеем разработать атомную

бомбу, так как у нас слаба приборостроительная промышленность. Для её ускоренного развития и было принято указанное Постановление.)

А ректора, вероятно, смущало то, что на нашем факультете была специализация – «оборудование», и это не подпадало под указанное Постановление, и поэтому многие студенты, к сожалению, получали обычную стипендию, причём, без троек в семестре.

ТЕЛЕГРАММА МОСКВЫ НА ВЫПЛАТНОЙ ПУНКТ

ДУДКО АНАТОЛИЮ ЕВСТАФЬЕВИЧУ
ПОЗДРАВЛЯЮ ДНЁМ РОЖДЕНИЯ
ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ УСПЕХА В РАБОТЕ

ВИКТОР

ТЕЛЕГРАММА МОСКВЫ НА ВЫПЛАТНОЙ ПУНКТ ВРУЧИТЬ 1 МАЯ

ПОЗДРАВЛЯЮ ПРАЗДНИКОМ ЖЕЛАЮ
ЗДОРОВЬЯ

ПРИВЕТОМ = ВИКТОР

5 марта умер И. В. Сталин...

Мы, как и все советские люди в то время, сильно переживали.

На следующий день всей группой решили пойти в Дом Советов проводить вождя. Огромные толпы людей шли к Дому Советов.

Мы шли по улице Горького, но у метро Маяковского стояло оцепление, которое никого не пускало и заворачивало потоки в разные стороны. По сторонам через громкоговорители просили всех не бежать, а соблюдать спокойствие и порядок.

Мы пошли к метро «Чистые пруды», где вдоль бульварного кольца и дальше – вниз к Трубной площади на трамвайных путях стояли впритык друг другу – по левой стороне большие военные грузовики, а на них солдаты.

Люди прибывали, толпа уплотнялась, прорываясь к Трубной площади, а дальше к Дмитровке по улице к Дому (где, как показывало телевидение, люди по 3–4 человека, не спеша, двигались к Дому Советов).

Уже на подходе к площади люди давились, а толпа всё нажимала и нажимала. Все были в пальто, что несколько уменьшало давление на них. Нам стало жарко, нечем было дышать. Лопухин потерял галоши, кто-то из наших девочек закричал, потом кричали и другие. Некоторых людей солдаты поднимали на машину и отпускали с той свободной стороны и они, с облегчением, шли домой.

Линии оцепления не пропускали людей к Дому, а в обратную сторону – не препятствовали. А мы не могли ничего сделать: ни вперёд, ни назад ходу не было.

Как потом говорили, многие погибали. Мы дотолкались до площади и увидели, что грузовиками закрыли все три стороны. И людям деваться было некуда! Это был замок. Со всех сторон давили, а двинуться некуда! Нас просто предали.

Этого мы тогда не ощущали, так как верили своей власти и всё случившееся считали не недоразумением, а не чьей-то злой волей. Через грузовики мы продрались на другую сторону и ушли домой, обеспечив себе жизнь и свободу, потеряв некоторое количество собственных вещей.

На следующий день я повторил попытку. С группой пацанов, знающих в центре все проходные дворы, все чердаки, крыши, подвалы и канализацию, мы прошли, рискуя жизнью, почти до Дома, остановившись где-то в районе театра оперы и балета, но в это время прекратили доступ к телу вождя. И зачем только я всем рисковал?! Так я и не попал в Дом Советов.

Открытка в Брест НА ВЫПЛАТНОЙ ПУНКТ.
Бате от Виктора.

Поздравляю с наступающим Новым годом.

Желаю тебе всего наилучшего в жизни, работе и дома. Будь здоров, береги себя. На каникулы думаю поехать в Ленинград к брату Юлию (д. Миши сын).

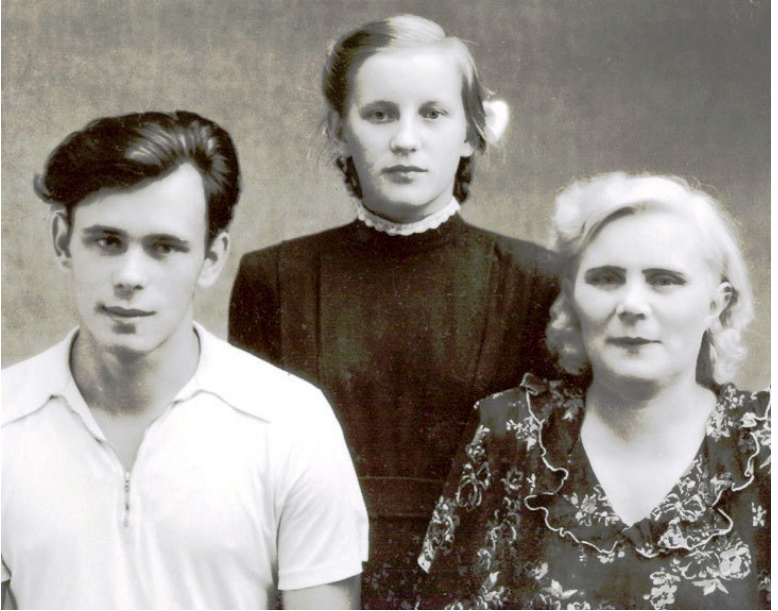
С приветом, крепко целую

Твой сын Виктор. 20.12.53 г.

Можешь писать мне только по адресу: Москва, 80, п/

я 1612.

Часть 9 Каникулы

**Каменец-Подольский Каникулы Виктора
На фотографии – моя сестренка – МАРТА (РИТА),
Я (ВИКТОР) и мама – ВЕРА НИКОЛАЕВНА ДУДКО.**

После того, как я убежал на фронт, мы не виделись, и вот уже будучи студентом, я приехал к ним на каникулы.

КАНИКУЛЫ

Здравствуй дорогой папа!

Извини, что долго не писал. Перевод получил. Билет буду брать числа 18–19 го июня и числа 25 поеду. Деньги можешь выслать в июле в Каменец – Подольскийна главный почтамт до востребования. Я их получу и двинусь к тебе. Сейчас я жив, здоров, ем пока нормально, т. к. перешёл на самостоятельный образ жизни. Хозяева мои уехали на дачу и я остался дома один.

Нечего и говорить, как это хорошо, т. е. идут экзамены, и нет Е. И. и её посетительниц.

А то эти бабы – заведут нескончаемые сплетни и наука слабо в таком случае идёт на ум. Да, ещё не урегулировал вопрос о плате за квартиру. Не знаю, сколько они запросят. Ну, вообще, ничего, пока держусь. Готовлю сам, покупаю сам, ем сам, деньги плывут сами и, если в конце месяца перейду на подножный корм, то тоже по своей вине. Ну, ты за это не беспокойся.

Сейчас готовлюсь к труднейшему (буду готовиться) предмету – общей физике. Сдал уже досрочно два предмета: ОМЛ (основы мар. – ленин.) и высшую математику на отлично. Ну, вот и всё мои новости.

Справку ещё не взял, т. к. это должен сделать кто-то из моих хозяев, а их нет пока (редко бывают.) После

экзаменов попробую взять. Туфли Тамара, кажется, ещё не взяла.

Пиши, как ты там поживаешь, как работа, как Женя? Ждёт, наверное, саблю и самолёт? Как здоровье всех? Пропали ли яблоки от мороза? Вообще, пиши обо всём. Знаешь, как хорошо в эти трудные дни получить весточку из дому, далёкую от всех этих научных дел.

Привет всем от меня. Крепко, крепко целую —
твой сын Виктор.

Письмо на выплатной пункт из Москвы 57 до востребования.

Бате от Виктора.

Здравствуй дорогой папа!

С огромной радостью для тебя и для меня, конечно, сообщаю тебе, что 18 июня на 10 дней раньше нашей группы и в числе первых на курсе (нас 2-ое) закончил экзамены. Все предметы сдал на 5.

Чтобы окончательно стать отличником, нужно мне пересдать зачёт по черчению (по немецкому у меня 4). Сейчас сижу и черчу. Правда, не очень-то хочется сидеть и чертить, когда тепло на улице, когда, как манит — покупаться или покататься на лодке где ни будь на водохранилище. Ну, вообще можешь радоваться, что у тебя пока такой сынок. Черчение буду пересдавать 24-го. А поеду 28 или 29 в 010 часов. Завтра иду брать билет на Чопский 17 поезд. Если 24-го сдам на 5, пошлю телеграмму (дописано: Выпей на мой будущий счет грамм 500 на радостях) на дом: «Сдал все пять».

Задерживаюсь здесь из-за стипендии: её будут давать числа 25–26-го. А то денег пока нет и, ничего не купив в подарок, я не думаю ехать.

Видишь, дела все у меня в порядке, ты зря беспокоился, когда приезжал сюда. В общем, можешь уже меня считать второкурсником, независимо от сдачи черчения. Зачётку я опять не привезу: её отбирают. Её я покажу Тамаре и попрошу написать тебе об отметках в ней.

Дяде Мише ещё не написал, на днях обязательно напишу ему и в свою школу. Ну, вот и почти всё о себе.

Передавай привет всем сослуживцам от меня.

Жене передай, что привезу саблю, и пусть он не хандрит. И сам крепись, держись.

Приеду кататься на мотоцикле.

Крепко, крепко целую твой сын – Витя.

20/VI – 52 г.

Р. С. На Щукино (на м Тушино) видел и вижу часто репетиции к лётному параду и празднику, который мы видели в прошлом году.

Телеграмма Брест Адамково Добрая 1 Дудко
(все буквы прописные).

СДАЛ ВСЕ ПЯТЬ ВЫЕЗЖАЮ ТРИДЦАТОГО =
ВИКТОР

(КАРАНДАШОМ РУКОЙ БАТИ: ПОЛУЧИЛ
28.06.52)

ТЕЛЕГРАММА МОСКВЫ НА ДОБРАЯ 1
СРОЧНАЯ
ВСТРЕЧАЙ ПЕРВЫЙ ВАГОН
ВИКТОР

На каникулы я стал ездить сначала в Брест к отцу, а, затем, и к матери в Каменец-Подольский.

Причем, старался никого не обижать.

В Каменце, во время моих приездов мы с сестрёнкой Ритой ходили гулять в разросшийся за годы нашей разлуки парк. Парк был старый, с высокими деревьями, закрывавшими небо и по краям дорог – кустами, выбравшимися на волю. На затерявшихся солнечных лужайках, напоминавших лесные поляны, росли цветы, наподобие полевые. Их никто не сажал. Они росли сами по себе. И поскольку их никто специально не сажал и не охранял, мы с прогулок всегда возвращались с букетами цветов для мамы.

**Каменец-Подольский Каникулы
Виктор с сестрой Мартой (Ритой)**

Так уж получилось в моей жизни, что, после того, как я в 1944-м убежал к отцу на фронт, с мамой и Ритой я не встречался почти 8 лет.

Только уже став взрослым, когда у меня самого появились

дети, я в полной мере мог себе представить – сколько она пережила и как переволновалась, когда, не предупредив никого, я исчез из дома на долгие годы. Конечно, она потом правильно предположила, что я уехал с посетившим нас военным, захавшим к нам по поручению отца. Но этот вариант её только разозлил. Она понимала, что с отцом у неё примирения уже не будет. И, поэтому всю вину за мой побег, она взвалила – на него.

Ну что скрывать. Материально ей было тяжело поднимать двоих детей. И, хотя отец присылал посылки и деньги, мама хотела официальнооформить алименты на двоих детей. После того, как я, уже после войны принял решение – остаться с отцом и не вернулся в Каменец-Подольский, надежда на алименты обломалась. Получилось, что у каждого родителя осталось по ребёнку. Несмотря на их разборки по этому поводу, отец помогал Рите до самого момента окончания института, когда Рита вышла замуж за Николая.

Каменец-Подольский Каникулы Виктора

На фотографии: – Рита, И. П., Вера Николаевна и Виктор.

Надо сказать, что обиду, нанесенную ей отцом, его – измену и, как она думала – переманивание к себе сына, она пронесла через всю свою жизнь. Больше того, не общаясь с отцом, эту обиду он, может быть, отчасти и заслуженно, перевела на меня.

И в большей части это касалось – материальной стороны. Безусловно, всё время, будучи тогда ещё молодым специалистом, я помогал и маме и Рите и деньгами и посылками.

Будучи ещё студентом первых лет обучения в МАИ, я по-

нимал, что нужно помириться с мамой и Ритой. Поэтому первый мой приезд к ним на каникулы выглядел, как та известная картина – "Возвращение блудного сына"...

Встретились, поплакали... Плакала, конечно только – мама. Я прятал глаза, в горле застрял ком горького стыда, но – в конце концов, всё обошлось, и потом мы встречались и общались на протяжении всей её жизни...

Вера Николаевна некоторое время жила гражданским браком с мужчиной, который находился в Каменец-Подольске в длительных командировках. Но однажды он уехал и больше не вернулся...

И практически большую часть своей жизни, когда дети уехали от неё, она провела в трудностях одиночества.

Так как с билетами из Москвы до Киева было достаточно трудно, то я заранее планировал и покупал за месяц билеты. Ездить я любил в купейных вагонах. К маме надо было ехать через Киев. Купить билет до Каменца было нельзя так, как поезд из Киева в Каменец считался пригородным и имел номер 600 с чем-то (иначе стоимость билета была бы меньше, чем суммарная двух билетов), хотя поезд имел один вагон купейный, несколько – плацкартных и остальные – общие.

Мне всегда приходилось в Киеве покупать билеты и никогда не хотелось ехать в общем вагоне, и, практически, в кассах, в которых всегда была уйма народа и огромные очереди на все пригородные поезда, всегда были места в купейном и,

изредка, в плацкартных вагонах. Сначала мама с Ритой меня встречали на вокзале, а затем, когда Рита уехала учиться в Черновицкий университет, и – одна.

ТЕЛЕГРАММА В БРЕСТ ИЗ КИЕВА 28.07.52 г.
ВЫЕЗЖАЕМ 28 ВСТРЕЧАЙ ВТОРОЙ

ВИКТОР РИТА

Письмо в Брест Адамкова ул. Добрая дом 1 кв 1.
Москва, 80-Д, п/я 1612

Бате от Виктора.

Здравствуй дорогой папа!

Я жив, здоров, чего и тебе желаю. Извини, что так долго не писал. Сдаю экзамены – времени просто в обрез. Ужасно устал. Вот выбрал свободную минутку и черкаю тебе письмо. Посылку получил и деньги тоже. Извини, что не поздравил с новым годом – просто некогда было стоять в очереди. Надо было сдавать зачеты и проект. Сдаю хорошо. Стипендию буду получать. Да хотел тебе сказать насчёт курточки – ну, и сними – она на мне не застегивается. Неужели я так поправился – ? Вряд ли.

Живу хорошо. Вот пока и все мои новости. А как у тебя дела? Как здоровье? Какая погода? На каникулы ещё не решил, где буду. Наверное, останусь здесь.

Как поживает Женя? Как у него со здоровьем? Летом обязательно приеду, правда, ненадолго: у нас всего 1 месяц отдыха будет.

Юлик что-то не пишет. Кончаю. До свиданья,

крепко – крепко целую
твой – Витя.
21/1–56 г.

Пиши – жду.

Часть 10

Лариса

На фотографии – крайняя слева – Лариса Платонова.

**Остальные – часть нашей группы АП 4. 1951 год
Я (Виктор) – в верхнем ряду – третий справа**

К сожалению, других фотографий с Ларисой у меня не сохранилось.

Я привожу здесь некоторые письма, которые, в своё время, вернула мне Л. П. Времени прошло много – 65 лет.

События всей моей жизни я помню отчетливо.

Но память всегда с особой остротой и нежностью восстанавливает всё, что было связано с моей учёбой в институте. В том числе и мою дружбу с Ларисой Платоновой.

Кстати, в 2008 году 24 марта я во сне увидел Ларису, а 26-го марта. позвонила Регина и пригласила на встречу факультета. Интересное совпадение!

У меня сохранилась переписка с Ларисой. Мы с ней в основном объяснялись записками и письмами.

Наши непонятные взаимоотношения и объяснения длились почти три года. В этих письмах и записках – поиск истины, копание в себе, в своих чувствах, самобичевание и много всякой другой трогательной чуши...

Я сам перечитывая и перепечатывая эту переписку с Ларисой умилялся своей наивностью в те далёкие – 18 лет. Учился на пятёрки. А разобраться в элементарных чувственных проблемах не мог, и увязал в них "по колено"...

Насколько всё проще у современной молодёжи. Познакомились по интернету, встретились, вроде понравились друг другу и сразу – прыг в постель и стали заниматься сексом.

А где – романтика, метания, мучения, восторг от встреч, счастливые мгновения от пробежавшей искры, когда нечаянно касаешься её руки. А где любовь – то есть в наше сегодняшнее время? Я имею в виду настоящую любовь, которая

поражает тебя, как молния – один раз в жизни и навсегда...

Мне самому о себе кажется, что все эти письма, дневники и разные девочки – это всё были поиски, жажда этой самой любви.

В моей жизни, как я теперь могу признаться самому себе – моя первая любовь – Шурочка Бурлакова была именно той настоящей, единственной и неповторимой любовью.

Всё остальное в жизни было наносным, временным, иногда – придуманным, даже, если это было приятным, будоражащим и волнующим.

Я не имею в виду – Ираиду. Я любил и люблю её до сих пор, хотя и не говорю ей об этом.

Залог нашей любви – не только сексуальное влечение, но и – дружба, доверие, чувство локтя, поддержка, вера друг в друга, общие интересы, планы и помыслы, понимание и помощь во всём, а главное – умение прощать...

Ну вот и договорились. Бывает первое сильное чувство – первая любовь... Её, как дорогой сувенир хранишь всю жизнь в потаенных закоулках своего подсознания...

Для меня это была моя Шурочка (БАС)...

Но ещё, если повезёт в жизни, а я считаю, что мне повезло – можно встретить по своему образу и содержанию – совсем другую, всеобъемлющую, зрелую любовь, когда в жене видишь и друга, и любовницу, и – помощницу и мать своих детей, а главное – ту, которая может поддержать в любую минуту и морально и физически.

К сожалению, на протяжении долгой жизни этого всего не понимаешь, а потому – не бережешь, иногда рискуя потерять...

Что-то я отвлекся...

Вернемся к моей наивной переписке с Ларисой и моим – дневникам...

Я здесь привожу всё это, как память тех далёких безвозвратно ушедших дней.

В моем дневнике есть такая запись...

В Москву из провинции приехал, не знающий столичной жизни парень – мальчишка, чемпион республики по л/а среди юношей, почти медалист.

И он захотел (тоже нахал!) поухаживать за неординарной девушкой: но из этого ничего путного не получилось и не могло получиться! (Он же – провинциал!!).

((((дальше приведены несколько сохранившихся записок!)))

Сейчас, просматривая их, я точно уже не помню – почему в этом письме присутствуют реплики Ларисы. Скорее всего, я написал и отдал ей своё письмо – послание, а она вернула его мне с пометками.

ЛП!

Ты права – между нами нет и не может быть настоящей дружбы.

Как мы понимаем – что такое «дружба». Вероятно,

по-разному. По-моему дружба – это единство всех интересов, убеждений и пр., или соответственно наоборот, убеждения могут быть одни, но во всём другом друзья могут расходиться в прямо противоположных направлениях.

Вот что написал мне один человек о дружбе.

Я согласен с этим взглядом вполне:

«Почти все юноши и девушки мечтают о том, чтобы иметь верного, преданного ему друга; но это не так просто. Верность и преданность испытываются во время несчастий, неудач, трудных жизненных моментах».

(Могу ли я быть преданным и верным? Знаешь ли это ты?).

И не всякая дружба выдерживает эти испытания. Настоящую, подлинную дружбу народная мудрость ставит очень высоко.

«Кто друг прямой, тот брат родной». «Без друга – сирота, с другом семьянин.»

Большую человеческую дружбу, как и любовь, надо заслужить. Недаром народ говорит: «Нет друга, так ищи, а нашёл – так береги.»

Только люди с большой душой и верным горячим сердцем могут по-настоящему дружить.

(К категории этих людей я не принадлежу.)

(Подчёркнуто автором.)

Только на почве больших дел, больших помыслов и стремлений может родиться дружба не на жизнь, а на

смерть, (подчёркнуто мной).

Дружба должна пройти через ряд испытаний, только тогда она становится великой и бессмертной. Друг не испытанный, как орех не расколотый.»

(В скобках моё мнение, согласно твоего письма).

На основе чего должна была бы возникнуть дружба?

Дружба, как я думаю, может возникнуть на основе одинаковых или прямо противоположных характеров, на основе общих интересов и убеждений. Каждый из друзей должен хорошо знать другого, знать все его недостатки и хорошие стороны, помочь ему, если он споткнётся или сделает неверный шаг. А что ты замечаешь у меня?

1. Какие могут быть «крепкие убеждения» у молодого человека! Почти никаких. Некоторые люди всю жизнь учат и претворяют в жизнь учение марксизма-ленинизма, самого крепкого убеждения, то и те, иногда, ошибаются. А ведь мне ещё только 18 лет, ещё только начинаю изучать основы марксизма-ленинизма, а ты хочешь, чтобы у меня были «крепкие убеждения». Относительно – «крепкие убеждения» имеются у Жени Борисова, но он старше меня и член партии. Значит, человек с крепкими убеждениями должен быть старше тебя.

2. Какой может быть «жизненный опыт» у молодого человека? Да ведь я младше тебя на 1 год. И ты хочешь, чтобы у меня «жизненный опыт» был больше твоего. Ведь ты не раз подчёркивала, что жизненный опыт у тебя больше, чем у меня. Если хочешь узнать

или знать человека с «большим жизненным опытом», то возьми Гарика. Он тебе может описать жизнь, как она есть, без прикрас. (Только вряд ли расскажет всё). Следовательно, если человек с «малым» или «никаким» жизненным опытом, то с ним нельзя дружить: подведёт в жизни; а нужно дружить поэтому со старшим человеком, умудрённым «жизненным опытом».

3. Разве может быть у молодого человека «правильный взгляд на окружающее»? У него обычно вихри в голове. Он непостоянен и непоседлив. Ему всё нужно новое, которое бы его привлекало. Он чаще передаёт чужие мысли, не подозревая этого сам, и окружающие принимают это за чистую монету. Таков и я, вероятно. Значит, правильный взгляд на жизнь бывает у старших товарищей.

Из всего вышесказанного вытекает, что между молодыми нет и не может быть настоящей дружбы. Вот к чему приходишь, читая твоё письмо.

Значит, можно дружить, только со старшими: тебе с молодым человеком 25 лет, а мне с девушкой лет 6–10, ведь, у меня по сравнению с ней будут в порядке все твои требования.

(Этот абзац перечёркнут карандашом, а под ним почерком ЛП дописано): Может дружба быть, но больше в ней любви. Только позднее возникает дружба.

Что мы знаем друг о друге? Почти ничего. Чем «дышу» я! К чему стремлюсь? и пр. Вставали ли такие вопросы у тебя? Не знаю, но предполагаю, что нет. Здесь ты можешь возразить, что я, мол у тебя спрашивала,

а ты не отвечал. (Строчка зачёркнута карандашом). Это верно. Как я мог отвечать на вопросы, в которых чувствовалась нотка жалости и сожаления. Этого ты и не прочла в моём взгляде и поведении.

(Почерком ЛП дописано): Сожаление и сочувствие почти одно и то же.

Разве могут быть друзья, безразлично относящиеся друг к другу? Нет, не могут. А мы (хоть и не были друзьями)? Как мы относились? «Безразлично», «глупо». Вот в этом, по-моему, безразличии и кроется вся причина этой драмы. «Мне безразлично, как он ко мне относится: – мне – тоже.»

Ты вовремя и правильно разгадала и пресекла эту игру (строчка замарана чернилами).воречии с «Дружба любит равенство» (Гончаров).

Значит, если из меня и будет когда-нибудь друг, то «слабый». А по закону природы слабые должны погибать. Значит, на меня нельзя положиться.

(Эти 3 предложения перечёркнуты карандашом).

Почему тебе нужен друг только в минуты колебаний, по-моему друг нужен всегда.

(почерком ЛП карандашом дописано): Ничего не понял.

В минуты колебаний особенно остро ощущаешь необходимость в друге. Тебе нужна сильная натура. Мне, к сожалению, тоже. Гарик как-то говорил, что ему хочется найти девочку, которая заставила бы его учиться, поверить в жизнь и пр. А, ведь, Гарик с

большим жизненным опытом. И он страдает этой меланхолией. По временам, и у меня бывали и есть такие моменты. Видишь, у тебя тоже такое настроение.

В таком «переломном» возрасте такое настроение у многих юношей и девушек.

Борис – это хороший парень. В нём видна, сила и целеустремлённость. Но к чему сила и какая целеустремлённость? – ни ты и, тем более, я не знаем. Нас с ним считают друзьями, но так ли это?

Наша дружба ещё не испытана жизнью. Я ему доверил многое, в том числе и наши «глупые отношения», но могу или мог ли я доверить всё, что у меня на душе. Нет, не мог. И пока ещё не доверяю, как и он мне не доверяет «своей души».

Ты ищешь сочетание всех (1,2,3) свойств у одного человека. Вот, возьми сложи их всех вместе: Бориса, меня и Гарика и ты получишь желаемое. Я, конечно, не хочу тебя разуверить в том, что ты когда-нибудь найдёшь такого человека, которой сочетал бы все эти признаки вместе. Ты также права, что у меня нет этих признаков.

(Почерком ЛП карандашом дописано):

Есть люди, сочетающие все качества. Я их встречала. Я дружила с юношей 22 лет, когда мне было 16. Эта дружба катастрофически прервалась.

ЛАРИСА!

У меня к тебе есть 2 последние просьбы.

Прошу это письмо не давать никому, кроме настоящего друга, читать, и вторая, если можешь, то разорви фото с той надписью. Мне не очень бы хотелось, чтобы ты зачёркивала мою фамилию и дарила кому-то (строчка замарана чернилами).

Может в этом ответе много ненужного, лишней своей обиды то, читая его, вычёркивай это лишнее и оставляй голый скелет мыслей. Мне, когда я его получил, долго не хотелось читать, я хотел отдать его, не читая. Многое тоже хотелось потом сказать по поводу письма. Но в тот день я всё «переварил» в себе, и только малую часть пишу тебе.

ВАД 15/XI-51 г.

Письмо от ЛАРИСЫ.

2.02. 52 г. ВИКТОР!

Теперь, когда всё так быстро и легко для нас обоих окончилось, я напишу тебе всё, что я думаю или думала о тебе, и наших бывших отношениях.

Мне, откровенно говоря, надоела вся эта глупая и нелепая история. Ты прав, прочтя между строк моей записки недовольство. Но это недовольство не только нашими отношениями, но и многим другим, что тревожит меня в последние дни.

Я никогда не считала и не считаю, что ты потерял в моём лице друга.

– «И теперь всё потеряно» – пишешь ты, имея в виду любовь и единственного друга. Мне даже смешно писать эти глупые твои слова, в которых звучит столько

фальши и лицемерия.

Или: – «Мне очень и очень трудно всё забыть, труднее будет вырвать всё из сердца». К чему такая ложь передо мной. Неужели ты думаешь, что факты не яснее подтверждают твоё состояние?

Просто в этих строках ты рисуешься сам перед собой. Тебе неприятно, что не поверила я в твою «любовь», не ответила тебе тем же, хотя, как знать, может быть, если бы я почувствовала правду в твоих высказываниях, то было бы всё иначе.

Ты пишешь далее, что любил меня по-настоящему. До чего же скучная, однообразная и не красивая твоя любовь. Разве так любят по-настоящему? Просто слишком примитивное у тебя представление о любви.

Твоя исповедь для меня ничего не значила потому, что я не верила тебе.

Ты упрекаешь меня в отсутствии выдержки. Ясно, что отсюда вытекает простой вывод: такая выдержка есть у тебя.

Что я вижу, Виктор! Смешно и горько! Ты искал тех недостатков во мне, которые присущи тебе. Где же твоя выдержка?! А по всему у тебя её должно быть больше. Твоя любовь (судя по словам) была сильной и продолжительной. Ерунда!

Ты прав, что с тобой не о чем разговаривать, как-то не интересно. Не знаю, может быть, это от того, что слишком большое место ты уделяешь своим переживаниям, может быть, ещё по ряду других причин.

Больше мне писать тебе не хочется, да и не интересно вновь поднимать душевный хлам.

Скажу одно: поменьше носись со своими чувствами, и, если когда-нибудь, действительно, по настоящему полюбишь, то не мельчи своё чувство, не разбрасывайся.

Только тогда любовь сильная и всегда разделённая, когда она чистая, цельная и горячая.

Виктор! Мне бы очень хотелось увидеть тебя через несколько лет сильным и здоровым морально, любящим и любимым.

Я от всей души. Как хорошая сестра, желаю тебе большой удачи, желаю тебе большой удачи в жизни.

Думаю, что это моё последнее письмо, а потому хочу сказать, что ты в моей жизни занимал определённое место, но теперь наступило время решительного: разорвать всякие нити, соединяющие нас.

ПЛАТОНОВА ЛАРИСА.

ЛАРИСА!

Ещё пару слов по поводу письма. Разве у друзей бывают различные требования друг к другу?

По-моему, если и есть требования у друзей друг к другу, то только общие и одинаковые, но никак не различные.

Ты пишешь о том, что тебя «нужно заставить по-настоящему полюбить жизнь, поверить в неё.»

А разве ты не любишь её? Разве не веришь? Я что-то не дюже верю в твои «минутные колебания.»

Как нужно понимать «по-настоящему полюбить жизнь»? Значит, ты её любишь, хотя пока ещё не по-настоящему, а от тебя никто не будет требовать, чтобы ты её полюбила «по-настоящему».

Как нужно понимать «поверить в неё» (жизнь)? В какую жизнь? В действительную? А знаешь ли ты её? Я не знаю, но «умудрённый жизненным опытом» Гарик много о ней рассказывал, и у меня сложилось о ней не вполне лестное представление. Но зачем тебе верить в неё? Ты её узнаешь после нескольких лет спустя, тогда у тебя уже не будет вставать вопрос верить или не верить в неё.

Потом я не понимаю, как это можно заставить полюбить жизнь, поверить в неё? Для того, чтобы заставить, нужно знать твоё мнение о ней и иметь своё вполне сложившееся мнение о ней. Такое мнение есть только у старших, а у меня его не должно было бы быть, ведь, у меня ещё молоко на губах не обсохло, а ты хотела, чтобы я (или кто-нибудь из подобных в возрасте мне) заставил тебя полюбить жизнь.

Значит, ты верно поступила, прервав все отношения со мной.

И, наконец, последнее. Из твоего письма я так и не понял, почему всё это так получилось? Ты пишешь: «Ты должен знать, почему всё это так получилось.» Но я так и не узнал.

Виктор. 16/III-52 г.

(Абзац перечёркнут. После него карандашом дописано

ЛП):

Не узнал потому что не сумел понять меня, не разглядел моего отношения к тебе и сейчас и раньше.

Мне очень жаль, что со мной повторилась история Гусейнова и что ты стала относиться ко мне, как к Гусейнову. Мне не только жаль, но и немного страшно за тебя – этого я от тебя не ожидал.

17/III-52 г. В. А. Д.

Далее карандашом Л. П. пишет:

В рассуждении о дружбе с тобой, – не хочу, ибо мне ясен твой взгляд, а тебе, думаю, – мой.

Ты меня обидел возвращением фото, но в тоже время это хороший урок на будущее – не буду так легкомысленно раздавать свои фотокарточки.

Твою вторую просьбу выполнить не могу, т. к. фото отдала в тот же день, несколько изменив надпись и стерев твою фамилию. (подчёркнуто чернилами, вероятно, мною).

Отношусь теперь к тебе не как к Гусейнову, а как к любому члену группы, ничуть не принижая, не возвышая. (дописано чернилами): а Гусейнов не той же группы? 7.7.52 г.

К Гусейнову отношение особое.

Всё старое надо забыть, и не показывать вида, что что-то между нами произошло, я не собираюсь повторять истории с Гусейновым.

ЛП.

(Надпись на записке мною чернилами): Ларисе В. Платоновой.

(Напечатанное письмо)

Л. П!

Хочешь, я тебе приведу некоторые выписки из моего дневника: может, ты что-нибудь поймёшь, а, может, наоборот, всё затуманиться.

«Любовь, говорят сродни жалости... Девушка иногда (и часто) полюбит парня из-за жалости. Но такая любовь не настоящая. При проверке её жизнью – она всегда (или большей частью) распадается.

Такая любовь растёт и развивается до поры до времени, пока она его хорошо ещё не знает. Затем, они сближаются, лучше узнают друг друга. Первый момент сближения – один из лучших, запоминающихся моментов в жизни, потом рост кончается, начинается упадок, разложение и гибель любви – самый тяжёлый момент, момент расставания бывших влюблённых...» (8.12.51.).

Таков, правда, не досказанный, мой взгляд на любовь (оставляю позиции для отступления). В живую, большую и светлую любовь я не верю. Я знаю, она только живёт в мечтах. Только в мечте можно видеть такую любовь...

Вот девушку мы любим и нежим,

А станет жена или мать –

Мы будем всё реже и реже

Любимой её называть... – это в реальной жизни.

(Карандашом надписано мною): Врёшь! Веришь и будешь верить.

21.8.53.

Я не верю в любую любовь. Поэтому я не мог, как ты утверждаешь, в том «сентиментальном» послании написать что-нибудь о любви. Другое дело – дружба. В большую, светлую и сильную дружбу я верю – она есть, (дописано: не для тебя 11.8.53.) но она не для всех. Это первое.

Второе, как это ни странно, я верю в силу любви. Я знаю и не раз испытал эту силу любви. (Эти два слова дописаны карандашом).

Пусть – это противоречие, пусть! Но я всё-таки верю в эту силу, ради которой не одно поколение совершает, совершало и будет совершать немало открытий и подвигов (напыщенно, но проще – не могу).

Я верю, Лариса, в силу творческой любви, отчасти (дописано: Рисовка 11.8.53.) и людской (противоречие).

Да, ты сказала в тот вечер, что, может быть, я увлечён тобою. Что правда, то правда – этого я не отрицаю. И, не зря в несостоящую любовь, я решил уйти от такой, реальной, что у меня получилось довольно-таки неуклюже.

Отрывки из дневника, который я продолжал вести, находясь в Бресте на каникулах.

«...Она девочка ничего – но не для любви – она хороший (может быть таким) друг. И я думаю так с твоей стороны,

Виктор, – нелепа и недопустима. Вот и всё.» (8.11.51.)

«...Да, в ней я хотел найти друга, но она как-то безразлично ведёт себя. А ведь друзья должны хотя бы немного заботиться друг о друге.

Я влюблён в неё? Нет, и ещё раз нет!» (дописано: Рисовка 11.8.53.) Мне просто нужен друг, с которым можно было посоветоваться, поделиться мыслями, поговорить попросту. ...А она? Она могла бы сделать это, но, увы... Я боюсь предложить ей это. И, не дай бог, она поймёт меня в другом смысле!?»

(5.12.51.)

Может, я ошибаюсь опять может быть ты меня опять не поняла, но по-другому объяснить я бессилён. (Слово зачёркнуто, а карандашом дописано): можешь и должен был бы (11.8.53.)

В этом объяснении – всё моё (мелкособственническое (11.8.53) существо. (дописано: Рисовка 11.8.53.)

Виктор. (Д.В.А.)

23–31.1.52. г. Брест.

Ответ «священника» на «последнюю исповедь»

Лариса!

Ты, конечно, не вдумалась в моё предпоследнее письмо и ответила только коротким, ничего не говорящим по существу рецензиями.

В этом письме я «опровергал» твой взгляд на друга и дружбу. Об этом ты ничего не пишешь: то ли ты согласна с «опровержением», то ли нет – я, признаться, так и не понял. Конечно, я немного в нём «пересолил»; у каждого мыслящего человека, как мал он ни будь, есть свои личные убеждения, свой личный жизненный опыт и относительно правильный личный взгляд на окружающее.

Другое дело разрешить вопрос: почему между молодыми людьми (юношей и девушкой) не может быть настоящей дружбы? Ты права, как правы все те, кому это пришлось испытать, что к настоящей дружбе или вражде они идут через любовь (по-моему, скорее через увлечение друг другом). Обычно, у девушек (добавлено карандашом: и юношей в возрасте 18–22 лет) в возрасте от 15–18 лет бывает так наз. «дружба» с более старшим юношей (мужчиной молодым). Их «дружба» обычно катастрофически прерывается.

Иногда, благоприятно для обоих, иногда, плохо для слабой стороны (с слабым характером, силой воли и т. п.). Я знаю не один такой пример, а несколько. Но почему так бывает? Объяснить трудно, но можно.

Я также сожалею о «разрыве», который я не признавал до сих пор. Но «разрыв» должен был быть неизбежным – так ты пишешь. Я не согласен.

В нашем «разрыве» виноваты мы сами и некоторые случайности. Зачем нужно было заводить кутерьму с фото: на – отдай: верни? плохо сделал, что вернул? Зачем? Или этим ты хотела испытать мою «духов.

силу»? Во многом признаю виновным себя и я.

И некоторую часть вины я скидываю на случайности: случайно прочёл записку (твою) с небольшим неопределённым признанием в любви, а потом случайно прочёл надпись на фото о дружбе и любви и... всё неправильно понял. Всё это мои ошибки, которые будут мне уроком в науке «о жизненном опыте».

Ты права, что я слишком далеко был от тебя, но ты не права, что «меня не интересовал твой внутренний мир». Меня интересовал, может быть, больше, чем ты предполагаешь. Кое-что малую часть я узнал – больше мне не нужно было, ведь, непрощенный гость – хуже татарина. Зачем же мне узнавать твою «душу», когда ты этого не хотела?

То, что ты пишешь, я не знал, то именно я и знал, – а именно: твоё представление о себе. Сколько раз ты говорила о своей неуравновешенности, горячности и её вреде, о беспокойной натуре и пр. А ты пишешь, что я этого не знал.

Не раз у меня вставали вопросы, где ты сейчас? Что делаешь? Куда пошла? С кем? (не обиж.) Как относишься к ним? О чём говоришь? и т. д.

Не раз я советовался с тобой (мысленно конечно). Но... большое то, вставшее на пути, никто из нас не сделал того решающего шага для улучшения наших отношений и всё пошло прахом.

Кто же виноват? Мы, только мы и никто больше. А больше всего, конечно, виноват во всём я.

Я не хочу давать о себе представление. Думаю,

что лично во мне, то, что составляет основу моей сознательной деятельности «тебя ведь сейчас не интересует». (Эта фраза или подобная фигурирует в наших письмах, как бы с намёком: тебе сейчас безразлично, а мне всё-таки чуть-чуть нет).

Ты права, что тебе хочется необыкновенного. Наши отношения, говоря грубо, тебе приелись, тебе охота чего-то нового. Вот именно эта охота иметь что-то новое есть у каждого молодого человека.

Новизна привлекает своей нераскрытой заманчивостью. Что может быть лучше нового, не испытанного, иногда запретного. Узнать это новое – нет ничего лучшего. Но, когда это новое приестся, то оно станет старым и снова нужно что-то новое. Что ж поищи новое необыкновенное, может быть, найдёшь обычное, обыденное, «плохое» старое.

Ты пишешь, что надпись была по назначению, так зачем же говорить: надпись не по назначению, верни фото, дай разорву и пр.? Зачем? Ты и сейчас обманываешь, что отдала уже фото кому-то. (Предложение подчёркнуто карандашом). Я тебя ещё раз прошу, т. к. ты его принципиально не вернёшь, разорвать его на моих глазах, но только прошу не стирай мою фамилию. Это моя «последняя» просьба.

Ты пишешь: «Знаешь говорят: «Вещи оценивают только тогда, когда они потеряны»». Я бы «немного» поправил тебя с добавлением: «Ведь обыкновенно мы сознаём цену людей не вещей после того, как лишаемся их (Лейхтвейс)» (это ли ты хотела сказать?) и что

потеряно можно найти (вернуть), и чего лишился (или что загублено) – вернуть нельзя.

Такое моё мнение о «разрыве».

(добавлено карандашом рукой ЛП: Что же, всё прошедшее можно вернуть? Мне кажется – нет).

Ты пишешь, что «я воспользуюсь этим письмом для дурных целей». Каких? Для чего? Как? Вся эта фраза мне не понятна.

Не понятна фраза: «Не хотелось бы, чтобы вся моя переписка контролировалась кем-то»?! Кем?

Яснее нельзя?

(добавлено карандашом: Борисом).

Неужели, по моему виду можно судить о моём отношении ко всему, в том числе и к нашим отношениям и письмам? Я сомневаюсь. Сколько бы я не переживал всё это целиком не может отражаться на моём лице или в глазах.

Я также жалею о том, что я сгоряча написал на химии. Здесь я вхожу в противоречие, вызывая им сочувствие (сожаление, по-твоему).

Там кое-что личное лишнее (перечёркнуто и добавлено карандашом: Это ерунда, опять рисовка. 11.8.53 г.)

С пр. Виктор Дудко 19/III-52 г. 12 ч.н.

Несколько выдержек из дневника с упоминаниями о Ларисе...

30/IX-51 г.

Прошёл месяц студенческой жизни. Время не ждёт, оно торопит, спешит, и не останавливается.

Остановить его невозможно, как невозможно остановить землю, но от него можно отстать, и его не догнать потом. Гигантскими шагами движет оно всё вперёд. Промедлил, и опоздал. Время ушло, догоняют сейчас же, потом будет поздно. К такому выводу привёл меня этот месяц.

... В нашей группе 16–17 девчат. Несколько из них (Лариса Пл., Ира, Галя, Инна) мне нравятся, а как я им – не знаю. Конечно, со всеми я не смогу, но думаю что или с Ларисой (меньше) или с Иррой.

Остальные более гордые: «не подступиться». (зн....)....

2/XI-51 г.

... Прошло 2 месяца учёбы и мы идём в «высочки»....

... Позавчера был в ГАБТе – очень понравилось быть там. Смотрел «Демона», вернее слушал оперу Рубинштейна «Демон», где пел «Демона» – Иванов, «Тамара» – Кругликова, жених её – Козловский. Думаю, как-нибудь сходить ещё с нашим комсоргом – Ларисой. Она девочка – ничего, но не для любви – она хороший (может быть таким) друг. И я думаю именно так подружиться с ней, не иначе – любовь к ней с твоей стороны Виктор нелепа и недопустима...

5/XII-51 г.

... Неужели, я не нашёл друга! Да, в ней я хотел найти дру-

га, но она как-то безразлично ведёт себя. А ведь друзья должны хотя бы немного заботиться друг о друге. Но, я, я не могу писать. Я влюблён в неё? Нет, и ещё раз нет! Мне просто нужен друг, с которым можно было бы посоветоваться, поделиться мыслями, поговорить попросту. Нужен такой друг, который хоть немного влиял с хорошей стороны. А она. А она. Она могла бы сделать это, но увы... Я боюсь предложить ей это. И, не дай бог, она поймёт меня в другом смысле!?!...

...Да это те друзья, которые только сочувствуют, выпивают и развлекаются вместе и больше ничего. Любовь, говорят, сродни жалости. Да, я теперь знаю, что не пустая фраза. Девушка иногда (и часто) полюбит парня из-за жалости.

Но эта любовь – не настоящая. При проверке её жизнью она всегда (или большей частью) распадается. Такая любовь растёт и развивается до поры до времени, пока парень рассказывает жалостливые истории и т. п., т. е. пока она его хорошо ещё не знает. Затем они сближаются, лучше узнают друг друга. Первый момент сближения – один из лучших, запоминающихся моментов в жизни, потом рост кончается, начинается упадок, разложение и гибель любви – самый тяжёлый момент, момент расставания бывших влюблённых. Почему это происходит. В первое время она мало знает его, её привлекает фантастичность его рассказов, ей станет жалко парня. А что значит – пожалеть такого человека? Это значит – унижить его в его глазах. Кто-то из них первый понимает это.

Начинается расхолаживание отношений с одной стороны, что влечёт за собою охлаждение и с другой, т. е. всё гибнет. Нет! Я больше не хочу такой любви!...

3/II-52 г. (на каникулах в Бресте)

Что-то давно я не брал в руки дневника. Почти 2 месяца прошло, а за эти 2 месяца было много событий, которые очень многое значат, но сейчас о них я писать не буду. Сейчас живу дома, отдыхаю после экзаменов. Скоро опять учёба, а потом опять экзамены и каникулы, на 2 месяца! Вот тогда мы загуляем. Сейчас сижу дома, да, все каникулы сижу дома и ничего не делаю и, конечно, скучно довольно-таки сильно. Скучаю по всем: и по Москве, и по З.С, и ПЛ и по всякому пустячному поводу скучаю и тороплюсь ехать в Москву, мечтаю по-настоящему там что-то осуществить, но, вероятно, ничто не получится, когда мечтаешь!

... Надо как-то «урегулировать» вопрос с ЛП.

Конечно, я был очень и очень не прав, сделал столько глупостей, что теперь: куда ни ткни – всюду они мешают найти правильный вывод и выход. Для чего я опять своими действиями и словами хочу вызвать жалость у неё? (Добавлено: у завр..... точнее). Для чего? Для чего ты злишься на свою судьбу и прочее, для чего не договариваешь? Для чего? Ты этим путём хочешь прийти к тому Виктор, да? Если «да», то это просто, слов нет выразить, то гадкое что это «да» вызы-

вает. Если в тебе 2 человека, то нужно уничтожить того, который ведёт к «этому». Но, опять нужно, нужно, то нужно, а как – вот в чём дело?

Ведь это реальный, естественный запрос тела и души – от этого уходили лишь немногие сумасброды. Поэтому я никак не разрешу своих личных противоречий: хочу, не хочу; надо – не надо; должно – не должно; следует – не следует и т. д.

Почему? Для чего? – на эти вопросы никак никто не может ответить. Но почему не может? Вот этот тавтологический круг, из которого пока нет выхода мне и моей душе. Нет, есть! Ведь я, кажется, опять (?????) рисуюсь и прочее...

Опять в Москве...

27/II-52 г.

Опять учёба. Времени в обрез. Да я немного ленюсь, поэтому и времени мне не хватает. За каникулы немного отдохнул, хотя дома и было немного скучновато. Уже 18 дней учусь. 11-го справлял дома свой день рождения. А 17 вместе с Борисом справляли свои дни рождения у ЛП.

Настроение у меня понемногу портиться. Думаю, окончательно урегулировать вопрос о ЛП. ЛП – хорошая девочка, ещё ни разу не испытывавшая мук любви настоящей (предположение). Я никак не пойму, что меня притягивает к ней. Что? Неизвестно. Ведь, если, абстрагируясь, сравнивать её с другими девочками, то она – не лучшая, но, вероятно, у неё хороший характер, который притягивает всех (что меня

немного задевает, хотя и глупо – ревновать ты не имеешь никаких оснований и никакого права). Даже её вчерашняя выходка несколько сглаживается предшествующим. Но, именно, после этой выходки я решил «кончить» с ней, т. е. попросту разрешить эти наши отношения.

Если я буду относиться к ней по-прежнему, то она, боясь огласки, вернее, толков и перетолков, будет сторониться меня, а, если я сразу буду относиться безразлично, это будет грубо и бестактно с твоей стороны, поэтому я должен просто спросить:

1. как она думает впредь относиться ко мне,
2. что она видит во мне,
3. как относиться к моему последнему ответу и
4. каковы её выводы по ответу.

Сообразно с этим сразу же нужно выявить обстановку, разумно и твёрдо решить первое или второе. Пока что я склоняюсь к последнему.

«Неопределённость – хуже всех казней в мире» – сказал кто-то. Поэтому необходимо раскрыть вставшую передо мной неопределённость, а раскрыть, твёрдо решить да или нет, будешь дружить или нет. И, если я сейчас поссорюсь с ней, ну, не поссорюсь, а просто разойдёмся как в море корабли, то это хуже всего будет для меня.

Она чем-то очаровала меня. Под некоторым её воздействием я мог бы немного исправиться (опять мечты), но это возможно при настоящей крепкой дружбе обоих. А вчера

она своим поступком доказала, что она боится дружбы, боится огласки дружбы, если дружба будет. Входя в противоречие, которое имеется у всех дружащих, она боится толков и пересудов, она боится огласки и ещё раз огласки. Ну, что ж! Видно быть мне сейчас одиноким и сам я себя не пойму.

Эта страница, посвящённая туманным отношениям с ЛП, написанная с горечью, говорит о том, что ты равнодушно относишься к ЛП. И, хотя и скрываясь под маской этой равнодушности, она кругом видна.

Я влюблён (нет теперь я уже не кричу нет; нет! и нет! я призадумываюсь над смыслом слов).

Я отрицаю любовь, значит, у меня не любовь, а просто «детское» увлечение и, причём, временное. Раз не любишь всеми силами души и сердца, раз можешь ругать любимого человека, раз плохо к нему относишься – нет и не может быть у тебя, Виктор, настоящей любви к этому человеку. А раз нет, то нужно отступить от этого человека, «оставив позиции для наступления» (шутка).

Ведь, один раз (в первый раз) потревоженное сердце, потревоженное чувство превратиться в долго незаживающую рану. Я не должен этого делать и, что более вероятно, я не сделаю этого. Разменивая любовь на увлечения, я опустошаюсь, как физически, так и морально, и психически.

Отсюда, вывод..., который я, как трус боюсь сделать. Ибо он будет противоречить всей моей логике, всему моему существованию, всей моей жизни, жизни большинства людей.

На сегодня хватит. Кончаю («страшно перечесать»). От поэзии жизни ты скоро перейдёшь к поэзии лирической. Скоро, Виктор, станет стихотворцем. Ха-ха-ха!!!!...

29/II-52.

.....1. Случайно прочёл записку ЛП к Щупалеевой и прочитал зря: то, что узнал, не надо было знать.

Ведь, живя, должен иметь во что-то надежду, а теперь я её потерял.

ЛП пишет, что она, вероятно, влюбится в кого-либо (опред.), но также, как и в прошлом году.

Понятно, что это не я. И её выбор правилен в моём отношении, т. е. она не меня имеет в виду.

И это хорошо. Она ошиблась. Ведь, я только «рисуюсь, рисуюсь плохо «необдуманно», противоречиво». Я люблю её – нет. Разве человек, который любит не позаботится о своём любимом, если тот заболел? А ты не позаботился, и, к твоему стыду (или халатности рисовальщика) даже ни разу не вспомнил о ней, не считая мелких вопросов к Гале.

А не свинья ли тот человек, который бросается к неск. на встречу. Отвергая меня – она правильно делает, я – не против. (это не всё).....

12/III-52 г.

Вчера отдал Л. П., подаренную мне, фотокарточку обратно. На фото было написано следующее:

«Виктору Дудко от Ларисы Пл.

Хотелось бы, чтобы эта фотокарточка Не была для тебя пустым отпечатком. февраль 1952 г.»

Когда 4.3.52 г. она дала мне её и я прочёл надпись без «не», решил отдать записку с Галей, что согласен быть на вечере. Но, когда в чертёжке хорошо рассмотрел и прочёл надпись, жалел, что согласился. Случай сделал так, что Галя и ЛП вернулись и стали просить возвратить фото.

Я испугался и решил не отдавать. Ведь, фото было теперь для меня маленькой надеждой, которую она хотела у меня отобрать.

Я также потребовал записку обратно и разорвал её. На словах передав, что я не согласен. ЛП настоятельно требовала фото обратно. Но я не отдавал. В конце концов, после долгих «мук» (немоний) я решил так: или отдать или не отдавать. Я отдал. Я отрезал себе «пути к отступлению».

Теперь нет надежды у меня. Нет такого человека, которому можно сказать, как тяжело на душе у тебя, когда никто не пишет уже полмесяца, и ты бесцельно бегаешь на почту (карандашом сделана надпись: и не против никогда никому, а особенно).

Можно ли это сказать Борису. Поймёт ли он или скажет, что зря ты разнюнился. И действительно, что ты так разнюнился. Ой, тяжело, ой, душно и прочее. Эх, а ещё парень. Да, какой ты парень...

26/III-52.

Собрал здесь (сверху другими чернилами надписано: по-немногу уничтожаю 13.7.52 г.) целый «архив» личной переписки с ЛП.

С ней «почти» кончено. Из всего ясно: 2 месяца назад она меня «любила», но сейчас обнаружилось отрицательные и неполноценные мои качества и свойства и она «дала последний бой» на бумаге мне, конечно, признаться, очень трудный бой.

Пришлось «немного» пережить. Теперь я сожалею, что у меня такое восприимчивое сердце, которое всё принимает «близко к сердцу» и сильно переживает всё.

Непоследовательность действий, отсутствие влияния разума – всё это повело к провалу «компании». Тяжело всё это переживать, безумно тяжело.

Но из каких мы не выходили переплётов. Выйдешь и из этого, обогащенным жизненным опытом. Ведь, недаром совпали два разрыва: ЛП со мной и – Зойкой и мной. Причём, обе начали сами первые. Не случайно, а закономерно. Обе нашли, что я парень никудышный. Значит, этот вывод сделан правильно, т. к. и хорошая и отсталая девчонки высказали это мнение. След., я, вообще, недостойн девчат.

А как это противно: не иметь знакомых девчат, когда идёт весна, когда скоро запоют соловьи и т. д. и т. п. А у тебя на сердце «хлад и стужа» и «жить тяжело рыдая и скорбя – вернись малютка, мне так грустно без тебя» – то отзывается,

то по всему...

...Итак, я потерял ЛП навсегда.

Но что она хочет сказать последующими действиями и записками: пойти вместе (5 человек) в театр и запиской следующего содержания:

«Виктор. Тебе знакома эта цитата?: «Как хорошо, когда есть друг, как тяжело и одиноко среди чужих тебе людей», когда любимый друг далеко». Драйзер. ЛП.

Что? Неизвестно. Или она говорит, намекая на то, что её друг далеко и ей тяжело сейчас, или, что я, как друг, далеко от неё и не хочу помочь ей, не хочу поддержать её среди чужих. Понимай так и так. А среднего не может быть. По всему видно, что в ней кипит эта преобразующая работа (сила), что ей, недаром, прошли все эти послания, сближения частичные, все эти переживания, встречи, недомолвки, недосказки, загадочные взгляды и т. д.

Конечно, не могло всё это пройти, не оставив никакого следа. А след остался, по всей вероятности, очень глубокий (неглубокий?)...

3/IV-52 г.

В дни поражений всегда будешь обращаться к любимым, родным и знакомым образам прошлого.

Так вот и теперь, когда «дело ЛП» безнадежно, а «ЗС»

хитроумно предлагает познакомиться с её молодыми военными, я обращаюсь к «своему» БАСу. Может быть не к ней, а кому-нибудь другому, ну, всё равно.

Таким замечательным образом передо мной фигура БАС. Разве «Сашок» была плохой, нет. Ведь, я тогда не понимал того чувства, которое называют любовью. Теперь я немного его узнал. Да, теперь я понял, прочувствовал, что она чувствовала и переживала тогда. – Жаль, что нам, вероятно, не придётся встретиться, а то..... (карандашом добавлено: ничего не выйдет 30.3.53.).

Вот я теперь влюблённый. Это естественно: апрель, весна, снег тает, бегут ручьи и сердцу тоже хочется своей весны. Вот и пришла, а, может быть, уходит (или не приходила вообще) и моя весна. «И сам я себя не пойму». Разве это любовь? Ведь ты её хочешь построить на жалости, не отрицай, да на жалости.

Эх, Винька, Винька и как тебе не стыдно? Говорит: «Я влюблён». Ха-ха-ха. «Влюблён» и ха-хаха. Нет, может быть, ты увлечён просто.

ЗАЧЕМ ТАК РЕВНОВАТЬ К РЕБЯТАМ СВОЕЙ ГРУППЫ, К ДЕВЧАТАМ СВОЕЙ и других групп. Ведь ты знаешь, что она встречается с кем-то из мальчиков.

Это не запрещено ни для кого и никем. Ревность – что может быть хуже её? А ты ревнуешь необоснованно на каждом шагу. Это необходимо окончить.

Этим объясняется ряд «психических» моих выпадов. Это раз.

Во-вторых, зачем навязываться в ухажёры, когда она этого не хочет? К чему? Разъяснить и кончить.

Я бы сказал, что именно сейчас я переживаю порядочный кризис, мне нужна была бы поддержка, но ЛП не даёт её – она в этом отношении очень слаба. Как слаба силой воли, вернее не СВ, а то, что называют инстинктивным подхалимством, боязнью по отношению к почти равному (Ин. Ник.).

18/IV-52 г.

Снова я пишу дневник.

Много произошло после 25.7.52 г.

ЛП кинула мне: «Вы, как мёртвые». И вот я начинаю понимать, что это, почти, верно. Факты: 1. Встретился с «ЗС.» и не знал о чём говорить. Или у нас ничего общего нет, или «я мертвец». Это 1. факт. 2. Или с ЛП. О чём с ней говорить?

ВЕДЬ НЕЛЬЗЯ ЖЕ ВСЁ ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ О ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ – НУЖНО ЕЩЁ О ЧЁМ-ТО ГОВОРИТЬ. Но о чём? Вот я снова в тупике, в противоречии. Я думал, что кое-что знаю, кое-что могу рассказать хотя бы любимому человеку – а оказалось – это самообман. Если это верно, то что это значит? А это значит, что ты, читая книги должен их анализировать, тоже самое – в картинах и театре.

Это значит, что, нужно развивать всесторонне себя. А как? По какому пути идти? С чего начать? Всё это необходи-

мо. Но.....? Вопрос надо разрешить. На днях думаю узнать всё об этом. Обязательно узнаю, тогда и напишу.

Следующая запись сделана под влиянием поездки к матери в Каменец-Подольский и её упрёков, жалоб и претензий к отцу...

Мы так и ни к чему и не пришли. Единственное, что я достиг – это то, что она узнает, можно ли мне поселиться поближе где-нибудь к ней.

Да, вот теперь я остался один на один с жизнью: теперь даже не с кем посоветоваться. С Борисом поссорился в начале января, и сейчас не перебрасываюсь с ним ни словом, а с ЛП тоже не говорю. Вот и остался гол, как перст.

На этом заканчиваются записи, хотя осталось около 10 страниц пустых.

Кроме переписки с Ларисой, сохранилось письмо Гали. Она училась в МАИ, в другой группе.

Это уже было на последнем курсе...

2.03.57 г. ВИТЯ, ЗДРАВСТВУЙ!

Всё, что случилось сегодня, было очень страшно. Вернее, это мне кажется сейчас каким-то не реальным, как из сна, особенно, после того, как ты не пришел. Я понимаю, конечно, что тебя задержали. Не в этом сейчас дело.

Знаешь, я пришла сегодня домой и решила написать тебе.

Я решила продолжить наш разговор и сказать тебе

всё, что я не успела сказать, т. к., после того, как я получила возможность говорить тебе всё, а особенно – самое главное – тебе уже нужно было уходить.

Даже не знаю с чего начать – то ли издалека, то ли сразу же. Ты знаешь, у меня какое-то сейчас странное ощущение, что у нас с тобой ещё ничего не было, но вместе с тем, я тебя желаю, и ты мне чем-то дорог.

Если мы захотим, у нас ещё всё впереди. Я хочу этого. А ты? Тоже, наверное. Да? Только без всяких «может быть»!

У меня сейчас очень хорошо на душе и знаешь от чего? Прежде всего, от того, что ты меня любишь, а вторых от того, что я с тобой сейчас могу так вот, очень просто, говорить. Ведь, мы с тобой всегда изъяснялись на разных языках, абсолютно не понимали друг друга. Я бесилась, делала невероятные усилия исправить что-то, но только отдаляла тебя от себя. Ты думаешь, что я была в высшей степени к тебе равнодушна. Нет, совсем нет.

Я очень даже мучилась, но так как все мои попытки оказывались не удачны (просто я шла не по той дороге), то я и махнула на всё рукой. Поэтому мы с тобой и разошлись, как говорится.

Я всё это время много думала обо всём и уже не надеялась, что мы когда-либо встретимся, и что я смогу вернуть тебя. И вот сегодня...

Это так неожиданно, и вместе с тем, так хорошо. Ты знаешь, я сегодня прямо-таки счастлива, хотя впереди столько неизвестного.

И самая большая неизвестность – это ты. Да, да,

представь себе. И знаешь, что мне больше всего хочется? Увидеть тебя. Я не могу себе представить, что не увижу тебя целый месяц. Нет, ты не должен этого сделать. Если ты любишь, то ты меня понимаешь, и ты этого не сделаешь. Неужели ты не сможешь урвать какой-нибудь час. Ведь, это же так немного! Я бываю дома или в читалке, в крайнем случае, с утра, всё время, кроме вторника (во вторник до 12-и) и субботы. Или найди меня по расписанию.

Никаких возражений я слушать не желаю. Если захочешь, найдёшь, и увидишь Мне очень, очень хочется тебя увидеть.

Знаешь, когда я собиралась тебе написать, у меня было желание столько написать тебе! А теперь я чувствую, как это трудно.

Да, а всё-таки, на самое главное, я тебе так прямо и не ответила. Но тебе, думаю, и так всё ясно. Правда?

А потом, я уж лучше скажу тебе сама, когда увижу тебя. Хорошо? А я очень даже надеюсь на это. Мне это кажется просто не вероятным. Ну, хватит. И, в общем, пора заканчивать.

До свидания. Жду тебя, мой Витёк. (можно?).
ГАЛЯ.

Знаешь, я сейчас перечитала письмо, и ужасно расстроилась – мне так хотелось написать тебе что-то хорошее и тёплое, а вышло что-то странное. Да?

ГАЛЯ.

Ещё: Витя, сейчас только купила конверт – не

обижайся, что там поздравление с 8 марта. Других не было, а искать – некогда.

ГАЛЯ. (Это ещё в МАИ).

Часть 11

Практика

ПЕРВАЯ ПРАКТИКА В МОСКВЕ

После окончания первого курса мы должны были пройти первую производственную практику.

Мы должны поработать на рабочих местах: токарями, слесарями и т. д. Нас направили в г. Раменское на какой-то оборонный завод. Конечно, нас не допускали до выполнения заданий, но некоторые научились включать – выключать токарный станок, устанавливая на нём деталь, вытачивать какую-нибудь симметричную деталь.

Некоторые из нас поселились недалеко от завода, а некоторые ездили из Москвы с Казанского вокзала на электричке. Вот тогда я впервые обратил внимание, что от остановки Панки куда-то в сторону отходят пути, и на остановке стоят 4 вагона, изредка, когда мы ехали в Москву, они вместе с нами отправлялась в путь. Это нас удивляло, но не трогало (тогда я еще, естественно, не знал, что несколько лет подряд, спустя пять лет, я буду пользоваться этой электричкой, чтобы добираться к себе домой, в Дзержинку).

Где мы постоянно жили во время практики, я не помню.

Практика длилась один месяц.

ЛЕНИНГРАД 1952 год

В начале 1952-го года после первой сессии мы всей группой ездили в Ленинград.

Заканчивая первый семестр, несколько наших студентов и из других групп, договорились на зимние каникулы съездить на экскурсию в Ленинград, что мы и осуществили.

Ленинград 1952 год

На фотографии – часть группы на экскурсии

Время там проводили весело, как и полагается студентам

Ленинград 1952 год

Часть группы на экскурсии

Мы побывали в Эрмитаже, съездили в Александра-Невскую лавру, где побывали на всех трёх кладбищах, сфотографировались у памятника Чайковскому, были и у других знаменитых людей прошлого, в том числе и у Стасова.

В этой поездке я останавливался у Юлика и Нэли.

Позже я сюда приезжал в командировки несколько раз, останавливаясь на постой.

А ещё позже я останавливался в гостинице филиала ИПК Минсудпрома, проезжая мимо лавры.

А тогда, в 1952 году, приехав с группой сокурсников в Ленинград, я побывал в общежитии Авиационного Приборостроительного института, в котором раньше учился Юлик.

В Ленинграде, на завод нужно было приходиться – вовремя, не опаздывая. Жили мы то ли в школе, то ли в техникуме.

За время практики мы всей группой побывали в Петергофе, в Ориенбауме, в городе Пушкине, в лицее и т. д.

У меня сохранилось несколько фотографий того периода, т. к. я у бати взял аппарат, но, к сожалению, – никому его не давал (такой я в то время был скряга!).

Ленинград 1952 год

Мой двоюродный брат – Юлий Михайлович Дудко

с женой – Гелой

Юлик – сын Дяди Миши и Екатерины Фёдоровны, у которых я жил во Фрунзе. Когда Юлик женился на Геле, они стали жили в квартире её родителей в Ленинграде. Их квартира состояла из двух проходных комнат и размещалась в помещении лавры. Я запомнил, что потолок в жилом помещении лавры находился на высоте более 5 метров, а высота стены комнаты, выходящей в длинный коридор, соединявший несколько жилищ, достигала не больше 4 метров.

ВТОРАЯ ПРАКТИКА

Второй раз мы попали в Ленинград – на практику, как одна из лучших групп, после третьего курса, вместе с ещё одной группой. Там мы были два месяца летом во время белых ночей. У меня случайно сохранилась первая страничка дневника, который хотели вести в нашей группе. Вот он дословно:

21.06.56 г.

После вчерашнего театра с трудом продрали глаза.

Даже Нина на этот раз не предприняла никаких попыток разбудить нас и сама проспала вместе с нами до 7 ч. 25 м.

Потом начались обычные сборы и на ходу, и, весьма нетщательно пережевывая пищу, выкатились по направлению к

заводу.

Еле досидев в состоянии спячки с открытыми глазами до 11 ч., кинулись на лекцию о борьбе с преступностью.

За 15 м. до начала обеденного перерыва мы поспешно покинули свои рабочие места и отправились домой, т. к. нам предстояла экскурсия в Эрмитаж.

Пообедав, завалились спать, проклиная предстоящие мытарства и сожалея о затраченных на экскурсию 8 рублях, которые по выражению Регины можно было использовать более рационально, купив на них целых 2 банки хрена. С трудом поднявшись, мы все же потащились в Эрмитаж; проскакав галопом во главе с хромоногим экскурсоводом по всем залам и затем, слегка прошвырнувшись по магазинам, вернулись домой.

О, Господи! Неужели мы, наконец, ляжем спать вовремя? (На этом закачиваются записи в кусочке тетради случайно попавшей ко мне и сохранившейся до сих пор. Да, писатели из нас не получились, да и терпения не хватило, чтобы записи заносить в тетрадь ежедневно.)

Ленинград 1954 год

Часть группы на экскурсии Виктор – крайний слева

Ленинград 1954 год

**На экскурсии – справа – Галя Щупалеева и Виктор
Дудко**

Ленинград 1954 год

Ленинград 1954 год

ЛЕНИНГРАД 1954 год

Сохранилось письмо в конверте без адреса – Дудко Анатолию Евстафьевичу.

Бате от Виктора.

Здравствуй, батько!

Я жив, здоров, чего и тебе желаю. Всё ждал от тебя письма, да не дождался, и решил сам тебе написать. Сейчас учусь, занят по горло. Работаю над проектом.

Учёба продвигается медленно, но верно. Осталось ещё половина учиться. Как я живу, – 251 – расскажет Женин отец. Питаюсь неплохо. Правда, в марте месяце имел затруднение с деньгами, ибо пришлось платить за учёбу. Деньги за эти два месяца получил. Ты зря их посылаешь с уведомлением о вручении. По-моему этого делать не нужно.

Посылаю тебе фото я и Юлик в Ленинграде.

От дяди Миши получил письмо, в котором он пишет, что ты ему ничего не пишешь, и он послал тебе последнее письмо, если ты не ответишь, то он больше писать не будет. Ты ему напиши – он, ведь, твой старший брат. Надеюсь, у тебя теперь наладится переписка.

У меня к тебе есть две просьбы:

1. Деньги мне не высылай, а откладывай, а потом, когда я напишу, ты их вышлешь. Хорошо?

2. Прошу тебя прислать фотоаппарат. Я хочу немного пощелкать себя, друзей и свой проект. А летом я буду у тебя и верну.

Это честное слово комсомольца. Надеюсь, ты сможешь это сделать. Сделаешь?

Летом приеду почти на месяц. На этом курсе у нас практика. Она будет в Москве, или Ленинграде, или Куйбышеве. Где буду я, ещё неизвестно, но в одном из этих городов. Практика длится 7 недель.

Но, вот, о себе пока всё. Пиши о себе, о Жене. Привет ему. Привет всем сослуживцам и знакомым.

С приветом твой сын – Витя.

Р. С. Надеюсь, ты исполнишь просьбы?!

Пиши. Жду.

28/IV – 54 г.

Р. С. Брюки получил – они очень длинные. Ещё не носил.

Спасибо за них и за деньги.

Витя.

Можешь только писать мне по адресу: Москва, 80, п/я 1612

Вложен маленький листочек: (две строчки написаны рукой Юлика и две мной, вероятно, к фото).

Дяде Толе и родне от племянника Юлия, на долгую и добрую память.

От сына Вити на добрую память отцу.

Ленинград 1954 год

Виктор с двоюродным братом Юлием Дудко

28/111–54 г.

Ленинград I–II – 54 г.

Последняя практика

И последнюю – преддипломную практику мы проходили в Москве.

Преддипломную практику и диплом все делали на своих

будущих предприятиях, куда они были распределены. А наша десятка была как-то разбросана.

Я проходил практику и делал диплом в ИАТ (институте автоматики и телемеханики АН СССР) под руководством академика Бориса Николаевича Петрова.

В Академии он руководил отделением, а у нас в МАИ заведовал кафедрой ТАР – теории автоматического регулирования.

(Потом в газетах он назывался Главным автоматчиком, так как фамилии ученых по космосу не назывались нигде).

Надо сказать, что с руководителем преддипломной практики и моего диплома – Борисом Николаевичем Петровым у меня сложились добрые дружеские отношения. Он никогда не выказывал своей значимости как учёного. Скорее он был простым наставником, дающим дельные советы. Во время наших частых встреч, наши беседы выходили далеко за рамки официальных. Он рассказывал о своём детстве без рано умерших родителей. Вспоминал о родном городе – Смоленске. Рассказывал о своей юности, о семье, и почему-то меньше всего о своих научных работах и достижениях.

Любил шутить и частенько рассказывал смешные анекдоты. Он располагал к общению, и мне с ним было комфортно. Мне не хотелось его подвести, и поэтому я много сил вложил в свою дипломную работу.

Еще в институте я стал работать на вычислительных машинах – аналоговых. Придя на практику, я продолжил осва-

ивать новую технику – тем более она была и мощнее и намного интересней, чем в учебном институте.

Академик поручил меня двум молодым кандидатам, которые помогли мне освоить новую технику. Я смоделировал полет самолета в момент бомбометания в возмущенной атмосфере (спустя 3–5 лет я во французском журнале прочитал, что двое французов за подобную работу получили степень магистра).

Работа меня заинтересовала. Я попал на практику, когда в Москве организовывался ЦНИИКА, куда некоторые сотрудники хотели бы попасть.

Тем более, что поговаривали о возможном переходе туда директором или замом Б. Н. Петрова, которого многие любили (он уже был директором ИАТ, но из него не получился хороший руководитель – слишком мягким он был).

Когда я показал Б. Н. готовую работу, он предложил мне поступить в аспирантуру в его институт, но разъяснил, что я буду получать 1000 руб. и еще 1000 руб. в год на приобретение литературы, и жить в общежитии за городом до момента защиты диссертации (обычно, не обязательно нужно было защититься).

Я сказал, что подумаю. Потом я вежливо отказался от этого лестного предложения. (До чего же я был тогда лопух, если тебя берет в аспирантуру академик – это же такая редкая удача!!! И не воспользоваться??!!! Наверное, я уже давно был бы академиком!!!)

Значит – не судьба...

Здравствуй дорогой папа!

Я жив, здоров. Прохожу практику здесь в Москве. О работе ничего не слышно и ничего пока не известно. Большое спасибо за яблоки. Я их получил, и вчера закончил их есть. Они прекрасно сохранились. Папа! У меня к тебе просьба. Если ты можешь, то вышли аппарат с телеобъективом. Надо напоследок сфотографироваться здесь. Если ты это сможешь сделать, то сделай поскорее, пока ещё имеются листья на деревьях. Вот, пока и всё. Всё остальное по-прежнему.

Единственный недостаток – это нехватка денег. Но ничего не поделаешь. Приходиться экономить и на еде.

Как ты поживаешь, как со здоровьем? Как с пенсией? Как живет Женя? Он уже ходит в школу. Интересно в какую?

Вот, пока и всё. Пиши. Буду ждать от тебя письмо и, если сможешь, то выполни мою просьбу.

С приветом, крепко, крепко целую твой Витя.

Передавай привет Жене и пожелание отлично учиться.

Витя.

20/IV – 56 г.

Часть 12

Распределение

1956 г

Ещё на третьем курсе нас, 29 ребят и одну женщину (жену нашего старосты Бориса Филина – Галину) пригласили в деканат и предложили работать в одной закрытой организации, название которой не огласили.

Все мы этому обрадовались, потом собрались и отметили это дело, хотя ещё не знали, где будем работать.

На четвёртом курсе нас уже оставили только 25 человек.

Затем, осталось только 15 человек – все отличники, кроме одного.

В конце 4-го курса нас уменьшили.

А на пятом курсе нас осталось уже десять человек – все отличники.

А – Гришанина – круглого отличника с начала нашей учебы, решили оставить в институте на какой-то кафедре.

Потом было распределение, на котором председатель нам огласил только зарплату 1200 руб. и ежемесячно 50 % премия, и каждый получает сразу квартиру (может быть, комнату?), а всё остальное в листе распределения от нас предсе-

датель закрыл рукой, чтобы мы не знали, куда поедем. Мы только прочитали, что климат близкий к Московскому.

Шумно отметили это дело. Нам ничего не рассказали, но, как всегда, мы узнали, куда захотели нас забрать – в министерство атомной промышленности.

Дело в том, что в 1950 году И. В. Сталину доложили, что американцы не боятся соперничества с нами в области освоения атома, так как у нас слабо развито приборостроение.

Вероятно, он дал указание, исправить это отставание, и, как следствие, появилось постановление об открытии или расширении приема на факультеты приборостроения или институтов приборостроительного профиля, а также ряда льгот для студентов. Была повышена стипендия, которая выдавалась всем студентам, сдавшим экзамены с тройками. Так что, мы получали стипендию повышенную и с тройками.

Только две группы из девяти на нашем курсе не относились к прибористам – они были оборудовцами.

Ректор нашего института почти весь семестр добивался, чтобы и им давали повышенную стипендию (т. е. приравнивали ко всем остальным группам факультета), но, к сожалению, этого ему не удалось сделать. (Кроме того, это было связано, вероятно, с дополнительным финансированием).

Но и программа обучения была разная: у нас, т. е. у всех прибористов, она была усилена как по математике, так и по специальным предметам. Преподаватели математики хва-

стались, что нам дается почти курс университета.

При распределении указывалась и зарплата – 1200 руб. и ежемесячная премия в 50 % от зарплаты.

У остальных же зарплата инженера колебалась от 800 до 1000 руб. Так что мы радовались возможности получать большую зарплату (но мы тогда не знали, что продолжительность жизни при этом, нам отводилась примерно до 40 лет, так как всё тогда делалось почти вручную с излучающим материалом).

Много лет спустя мы проезжали рядом с местом предлагаемой работы – г. Златоустом на Урале (или Миассом). И, хотя мы этого не знали, наверное, все равно поехали бы на новую работу. (Какая наивность – ничто не дается в этой жизни бесплатно: за все надо платить!!!).

Из-за такого засекреченного распределения, на преддипломную практику нас не послали на предприятие, на котором впоследствии будем работать, как это было у всех остальных студентов.

Я был направлен на преддипломную практику и написания диплома в ИАТ (институт автоматики и телемеханики) АН СССР, а руководителем практики назначили нашего зав. кафедрой – академика Б. Н. Петрова. Во время практики ИАТ лихорадило: организовывался ЦНИИКА, куда многие хотели попасть, и с которым позже НИХТИ вёл ряд работ.

Письмо в Брест Адамково ул. Добрая дом 1 кв 1.

Москва, 80-Д, Ленинградское шоссе 161 кор. 2, ком 43
Бате от Виктора.

Здравствуй дорогой папа!

Получил твое письмо, но ничего не понял. Так было написано, что я понял всего несколько слов.

Получил от тебя посылку с яблоками. Большое спасибо тебе от меня и всех наших ребят. Ты меня извини, что не поздравил тебя на праздники. У меня не было свободного времени, а основное – денег.

Поэтому я решил поздравить всех в уме – это и легко, и дешево.

Сейчас очень занят. Работаю над проектом. Целыми днями черчу и у меня покраснели глаза. Питаюсь в последнее время весьма посредственно. У меня особых новостей не имеется. У нас только из 15 человек, в почтовом ящике 590, осталось всего 5 человек, в том числе и я. Что там будет – я ещё не знаю.

Вот, в основном, и все, что у меня нового.

Буду ждать от тебя ответа. Как твое здоровье? Как поживает Женя? Ходит ли он в школу и какую?

Передавай привет всем знакомым и А. Л.

С приветом, крепко – крепко целую.

Твой сын – Витя

20/X1–56 г.

72 дня осталось до начала защиты дипломов.

Письмо в Брест Адамково Добрая дом 1 кв. 1.

Москва, 80-Д, Ленинградское шоссе 161 корп. 2, ком 43
Бате от Вити.

Здравствуй дорогой папа!

Извини, что долго не мог написать ответ на твое письмо. На днях хотел вызвать тебя по телефону по вопросу о распределении, но так и не собрался – дел по горло. Считаю сейчас проект и днем и ночью. Ведь до экзаменов осталось всего месяц с небольшим.

После экзаменов у нас будут лагеря. Всего каникул 20–25 дней. Буду у тебя приблизительно в начале или середине августа. Вообще, точно не знаю. У нас после лагерей будут гос. экзамены. Кончаем мы в конце февраля. Работать направляют в НИИ (научно-исследовательский институт) закрытого типа. Видеться будем лишь во время моего отпуска. Вот это, в основном, все мои новости по учебной части.

В остальном, всё осталось по-старому.

Трудно было с деньгами в феврале – марте, ибо пришлось последний раз платить за учебу. Сейчас пока всё в порядке. Здоровье пока неплохое. Питаюсь неплохо. Последний год в Москве – хотелось бы походить по ней, пофотографировать, побывать в театрах, но, увы, это сейчас невозможно делать.

Нет стимула. Да, 20 марта ходил в Кремль. Осмотрел соборы, в общем, всю внутренность сего создания архитектуры.

Жаль, не было аппарата!?! Какие бы вышли снимки! Погода была чудесной. Пробыл там 7 часов. Мне хотелось, папа, чтобы ты прислал, если это возможно, на эти полгода фотоаппарат и обязательно с телеобъективом. Это можно организовать в малой

посылочке. Ведь мы будем в лагерях.

Можно будет сняться в форме. Да и память о Москве надо оставить. Ведь, ещё может быть, удастся пройти в Кремль и всё хорошо снять. Если это можно сделать, то пришли, а я его привезу обратно летом, когда приеду отдыхать.

Вот, и все пока. Напиши, как ты живешь? Что делаешь? Как здоровье твое? Как чувствует себя Женя? Подрос, наверное. Скоро в школу пойдет.

Наверное, уже может читать и писать? Передавай ему мой горячий привет.

Работа, на которую направят меня и ряд товарищей, по всей вероятности, будет очень интересной и самой современной. Большого нам не сказали, да, и впоследствии я тоже не смогу уже говорить о ней. Направляют нас в почтовый ящик 590. Климат, сказали, уральский. Речка есть. Лес – тоже. Вот и всё. Я решил согласиться с этой работой. Распределение официальное у нас будет 9 апреля.

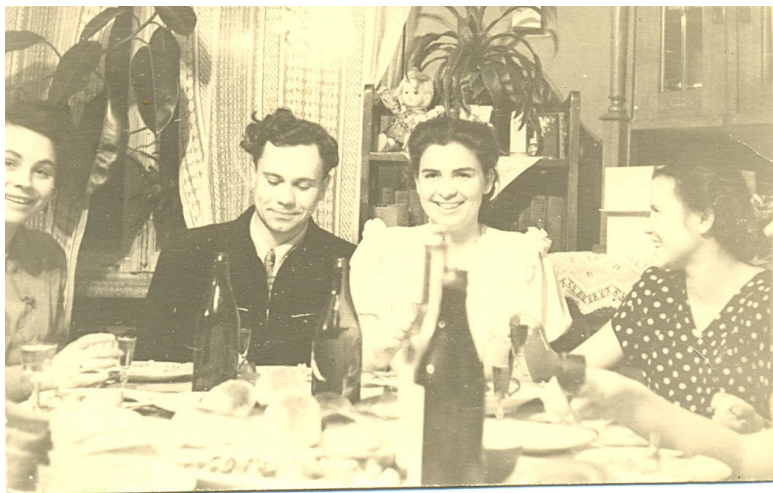
Вот, пока и всё. Пиши, буду ждать ответа.

С приветом, крепко, крепко целую.

Твой сын – Витя.

31/11–56 г.

(В 1980 году, проезжая из Челябинска по Уральским горам, мы проехали рядом с Миассом, где предполагалась моя работа, а ведь, это Челябинск 16 – и я бы до этих лет не дождал бы!!!)

Свадьба Бори Филина и Галочки Щупалеевой

На третьем курсе в нашей группе произошло чрезвычайное событие.

Борис Филин и Галочка Щупалеева сочетались законным браком.

Свадьба Бориса Филина и Галочки Щупалеевой

На свадьбе у Бориса и Галочки Филиной

На их свадьбу из группы ездило несколько человек. Естественно – всю группу пригласить было не по карману. К тому же свадьба состоялась в комнате Галочкиной семьи, в коммуналке. Комната была большая, под стать семье. У Галки было несколько братьев и сестёр, из них часть уже – женатые и замужние.

Мебель часть вынесли, часть сдвинули в глубь комнаты, чтобы остановить место для столов.

И, хотя для танцев места практически не оставалось, все гости были довольны.

Что значит – для студента – попасть за праздничный, накрытый сытной и вкусной едой стол.

Мама и сёстры Галочки постарались на славу. Здесь уж было не до танцев...

Часть 13

Военные лагеря

Солдат – Виктор Дудко

Во время учебы летом мы дважды были в военных лагерях. Первый раз после второго курса.

Нам объявили, что такого-то числа, с небольшим количеством вещей к 10 часам вечера явиться в институт.

Мы все (вторые курсы факультетов) пришли почти без опоздания. Военная кафедра предупредила нас о том, чтобы мы не брали ничего в дорогу и не пили спиртного.

Нас собрали в 23 часа в институте. Причём, были все ребята со всех факультетов и с первых курсов. Нам не говорили, куда нас отвезут. Недалеко от института проходит Рижская железная дорога (рядом с метро «Войковская»), да и вблизи института проходит линия ж/д.

Наш взвод

Ждали почти до 12 ночи, когда подошли автобусы и довели нас до какой-то станции внутри города. Там нас ожидало несколько товарных вагонов – теплушек, в которые мы все и уместились, прекрасно расположившись на полу вагонов, готовясь к долгому путешествию.

К 24 часам мы погрузились. Для офицеров – классного вагона, кажется, не подали. Хотя нам запретили брать с собой спиртное, некоторые принесли бутылки, кажется, вина, а водки почти не было. Правда, некоторые явились уже «на веселе».

Было весело, шумно, но драк не было. Разместились на соломе, улеглись спать. Наконец, мы поехали. Под мерный стук колес все заснули.

Рано утром нас будят: стоим на каком-то полустанке или разъезде. Кругом поля, нигде никаких строений. Заспанные вываливаемся из вагонов, еле протирая глаза. Встречают нас военные. Строят по факультетам. Звучит команда: «Построится повзводно!»

Дальше команда: «Все тяжёлые и другие вещи сдать на машину!» Конечно, нашлись такие, кто не хотел сдавать свои чемоданы или вещмешки. Некоторые ребята решили нести вещи сами, причём, иногда, довольно большие, не доверяя их старшине.

«Ребята! До лагеря 25 км, и мы сейчас совершим марш-бросок на 25 км. 40 минут бежим, 5 минут отдыхаем. Через два часа отдыхаем 15 минут. Бегом, марш!».

И вот мы, не выспавшиеся мальчишки, побежали. Заспанные, разношёрстно одетые, в самой разнообразной обуви, с вещами и без них. После первого привала понемногу появились отстающие, особенно те, у которых в руках были свои вещи, которые они в конце пути были готовы просто выбросить совсем. Все это напомнило фильм, который вышел много лет спустя – Максим Перепелица.

Так, растянувшись длинной цепочкой, по пыльной дороге мы бежали эти 25 км.

Наконец, вдали показались строения и мы дотащились

до старинной церквушки, где нас уже ждал бравый старшина. Встали в очередь на получение обмундирования. Внутри церкви нам выдали «быушную» форму, которая была старой и, конечно, не по росту, что особенно наглядно было видно на нашем Лопушихине, гимнастерка на нём была маленькая, рукава доходили почти только до локтя, а, ведь, у него рост был где-то под два метра.

На ноги нам дали кому сапоги, кому ботинки и обмотки. После переодевания, мы спустились вниз, где нас распределили по палаткам. Нас в группе было 8 ребят, и мы составили одно отделение. Как мы разместились в палатке, я уже не помню. Кажется, мы договорились спать у края по очереди. Палатка была брезентовая и касаться полотна её не рекомендовалось, так как во время дождя в этом месте она начинала пропускать воду.

Жили мы дружно и никаких конфликтов у нас не было. Находились мы у озера, которое называлось Плещеево, как нам рассказали: на нем Петр I впервые построил ботик – первый русский военный корабль – это было рождение русского военного флота.

Впоследствии, весь флот сторел, а до нашего времени остались лишь останки единственного ботика.

Ещё озеро славилось своей особой селёдкой, которая поставлялась только к столу царя, а в наше время к столу Первого секретаря ЦК КПСС. У озера стоял старинный город Переяславль-Залесский, в котором мы ни разу не побыва-

ли за время нахождения в лагерях. Интересно и то, что через город проходит железная дорога, идущая с Ярославского вокзала и далее ведущая в город Ярославль. Но нас везли по другой дороге и, хотя до города Переяславля-Залесского от Москвы всего 100 или 150 км, нас же везли 5–6 часов.

Сама часть располагалась на окраине Переяславля-Залесского (исторического места). Основой пребывания в лагерях была строевая подготовка, которой руководил подполковник (у нас на кафедре был только высший офицерский состав) – строевик.

Он решил из нас сделать отличных строевиков и стал гонять нас по 2–3 часа на стадионе нашей части.

Среди офицеров особенно зверствовал один подполковник, ответственный за строевую подготовку. Он учил нас правильно ходить в строю: в ногу строевым шагом и с песнями. Однажды, он построил всех нас на стадиончике и стал гонять нас по кругу, готовя нас к торжественному маршу перед начальством части.

Сначала мы выполняли все его команды, а затем нам это надоело ходить – то строевым шагом, то простым, и мы стали левой ногой притоптывать – получился звук «шлёп – пусто – шлёп». Это делали все взводы. «Прекратить!!!» А у нас не получается прекратить. Тогда он велел пройти отдельно каждому взводу. Топот был у всех. Красный от крика и злой, подполковник заставил ходить по отделениям, а потом и отдельной шеренгой – топот сохранился и в этих случаях. Даже

одиначный солдат – топот, хотя и слабый, сохранился. Даже, когда пели песню в строю, топот сохранялся! Подполковник в этот день гонял нас довольно долго, но своего не добился даже тем, что пригрозил, что все не пойдут ужинать. Ничего не получилось!

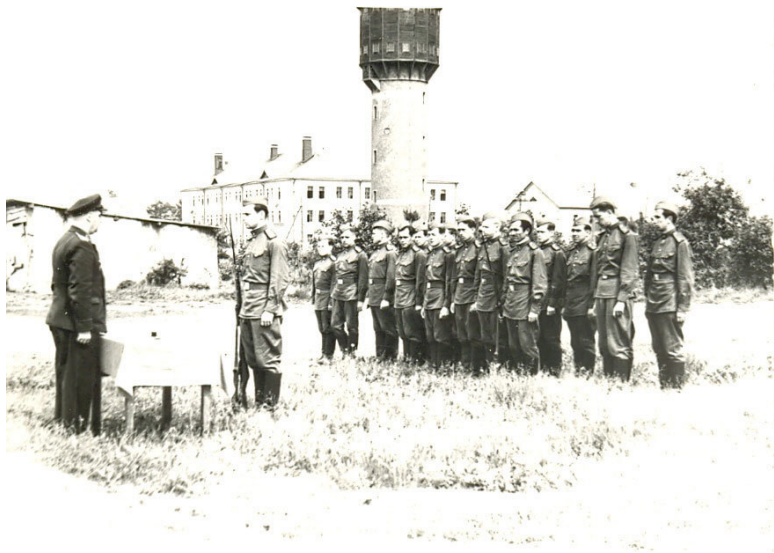
Притоптывание слышалось, даже, если мы пели строевую песню. Он гонял нас довольно долго, мы уже опаздывали в столовую, но он упорно хотел добиться своего – но молодые студенты уже нарочно не хотели уступить и продолжали притоптывать одной ногой. Подполковник сдался, а мы поняли, что масса – это сила, которую наказаниями не запугаешь. А потом на виду и смерть не страшна.

В первый день еда в столовой почти вся сохранилась. На второй – тоже. А на третий день – всё смели подчистую. А впоследствии, любая еда никогда не оставалась, а многие столы даже просили добавки. Так как Лопухин был ростом больше 2 метров, ему полагалась двойная норма, которую он, конечно, всегда поглощал.

Здесь я в первый и единственный раз стоял на посту. Кажется с 24 часов до 2-х ночи. Страшно хотелось спать, но я все-таки не заснул. По дороге, которая была где-то сверху, изредка проезжали машины, выхватывая фарами кусочек дороги. Было темно и немножечко страшно, хотя у меня в руках была настоящая винтовка, но были ли в ней патроны – я не помню.

Саша Смирнов напомнил мне эпизод с поиском пропав-

шего. Ночью нас всех подняли по тревоге: пропал наш товарищ. Его надо найти, а он не подавал условного сигнала. А мы целую ночь его искали: но и досталось ему на орехи, когда утром он появился в столовой. (Я этого не помню, но Саша напомнил.).

Приём присяги

К концу лагерей нас построили и в присутствии начальства части и наших офицеров мы поочередно в торжественной обстановке приняли присягу (перед строем прочитали текст присяги и расписались в ведомости). Однако, впослед-

ствии её нам не зачли! (Это, вероятно, хорошо, так как нас можно было взять в армию в любой момент!)

Было у нас и еще одно мероприятие. Мы перед строем с винтовкой в руке и ещё раз торжественно принимали присягу, хотя нигде это не было зафиксировано, но имеется фото этого момента.

ПОСЛЕДНИЕ ЛАГЕРЯ

Последний раз мы ездили в лагеря после 4-го курса. Это было в 1956 году Кажется только наш факультет послали в действующую часть.

Она стояла непосредственно под Калининым, в верховье на берегу Волги. Со стороны летного поля берег был обрывистым, метров 30–50 резко вниз к реке. Говорили, что в этом месте снимали часть фильма про Чапаева, когда он переплывал реку Белая, погибая на ней. Несколько раз мы ходили на реку купаться, конечно, без спрос В принципе, нас должны были учить обслуживать оборудование самолетов, но кто отважится пустить необученных мальчишек к боевым самолетам. Поэтому старшина из местных, строил колонну и отводил нас в небольшую рощицу, где была травка и редкие березы, и отдавал приказ: отдыхать и никуда не разбредаться, а сам уходил по своим делам. Мы же в течение нескольких часов были предоставлены сами себе. Кто спал, благо от реки всегда дул ветерок, отгонявший комаров, кто читал

книжку, кто травил анекдоты, которые быстро иссякли, кто играл в карты (правда, это было довольно редко почему-то). И никому не приходило в голову уйти в «самоволку», благо город был недалеко, вниз по течению всего несколько км..

Я у палатки

Наша группа: Борисов, Дудко, 2р-Иваньков,..., Васильев, Зр-Лопушихин, Филин, ... (двое – не наши) – в лагерях под Калиныным. На отдыхе – лычки лётные.

На аэродроме базировались ИЛ-28 – истребители-бомбардировщики. В самолет садились: летчик, штурман и в хвосте стрелок-радист. Летали они днем и несколько раз были ночные полеты, когда и мы вынуждены были коротать время вместе со всеми. Самолеты, по тем временам, были уже устаревшей конструкции. У них было два реактивных двигателя. Некоторые ребята договаривались и летали на месте стрелка-радиста, иногда вместе с ним, иногда самостоя-

тельно. Некоторых из них укачивало и они выбирались из самолета бледные и, иногда, облеваннные.

Как и в первый раз, в первый день в столовой на столе осталась вся еда, но уже на третий день все съедалось подчистую, и, очень часто, мы стали просить добавки. За столом сидело обычно десять человек, а у нашего отделения (стола) нас было девять, так как Гере с его почти двухметровым ростом по армейским правилам положено было двойная норма. Когда мы входили в солдатскую столовую, на столах уже стояло две кастрюли (или другой посуды), с первым блюдом и со вторым. Дежурный раскладывал их по мискам, а мы, стараясь, перегнать друг друга, быстро опорожняли посуду, чтобы получить второе блюдо, а, иногда, и добавку.

Столовых в части было две: одна для технического состава, другая – для летного состава, в которой пища была разнообразней и намного вкусней.

В эту столовую нам запрещалось появляться, хотя в ней был буфет, в котором были вкусные вещи (и мясо, и курица жареная, и сметана, и сливочное масло и т. д.), и, особенно, для курящих – сигареты.

Я в ней был один раз с каким-то поручением, мне досталась белая булочка с летного стола и еще что-то. Летчиков кормили очень даже неплохо.

Часть 14
Защита

На фотографиях – я (Виктор Дудко) – со значком «МАИ» и поднимаю тост за окончание института с отличием!

Письмо из Москвы в Брест.

Бате от Виктора.

Здравствуй дорогой папа!

Извини, что так долго не писал: был очень занят первым проектом, а, когда сдал его, снова сейчас занят вторым проектом. Черчу дни и ночи. Сейчас выбрал время в момент передышки и пишу тебе. Живу по-прежнему. Деньги получил как первые, так и вторые. Питаюсь сравнительно неплохо.

Очень тебя прошу прислать костюм посылкой, если это можно, а то никуда нельзя выходить в коричневом костюме – он же летний. Так, что если сумеешь, то вышли его мне.

Напиши, как твои дела в отношении службы.

Как здоровье твое и Жени. Как погода? У нас здесь очень холодно было одно время. Сейчас всего 20 мороза.

У нас в комнате батарея отказала, так что у нас температура 0–50! Спим под 2 одеялами и пальто. Ну, ничего. У нас впереди трудные экзамены. Сейчас кончу проект, и будет уже 1-ое число нового года. А ещё нужно, кроме того, сдать 7 зачетов. Так что я кручусь, как белка в колесе.

Ну, вот пока и всё. Пиши, буду ждать. Передавай привет Жени.

Крепко, крепко целую, твой сын – Виктор.

18/XII – 55 г.

Письмо в Брест из Москвы.

Бате от Виктора.

Дорогой папа, здравствуй!

Письмо твое получил и сейчас отвечаю на него. Поздравляю тебя, Женю и А. Л. с наступающим праздником 1-го мая и желаю здоровья и счастья всем вам.

Живу я по-прежнему. Трудно с деньгами и только-то осталось не больше года, как кончиться учеба и уже в это время я буду на работе. Где, как и над чем буду знать только на месте работы.

С 18 у меня начнутся экзамены и с 14 июля будут лагеря (военные), потом гос экзамен по ним.

Буду у тебя числа 16–14 августа. Практика у нас начинается 25 августа. С 1-го марта и по 1 апреля будет отпуск и потом работа.

Вот, и всё, что я знаю. Ну, кончаю. Пиши я жду.

С приветом крепко – крепко целую.

Твой сын – Витя.

27/IV – 56 г.

Письмо в Брест Адамкова ул. Добрая дом 1 кв 1.

Москва, 80-Д, Ленинградское шоссе 161 кор 2, ком 43

Бате от Виктора.

Здравствуй дорогой папа!

Прежде всего, поздравляю тебя с наступающим праздником – Новым годом и желаю тебе всего наилучшего в жизни и хорошего здоровья.

Посылаю тебе в подарок свою фотокарточку.

Письмо твоё получил. Ты пишешь о яблоках. Но здесь их цена невысокая 15 руб. за 1 кг. Правда, яблоки, которые ты посылал, значительно лучше и крупнее, чем здесь у нас.

Я так занят сейчас, что даже не могу выбраться в кино, а ты меня в чем-то обвиняешь. Сейчас у меня не ладится с проектом и я целые дни с утра и до ночи провожу в институте автоматики, где я делаю диплом.

Сейчас у нас не очень холодно. Пока я здоров.

Питаюсь сравнительно неплохо. Вот, пока и всё.

Пиши. Буду ждать. Поздравь от моего имени Женю и А. Л. Скажи Жене, чтобы он учился лучше. Ведь, когда-то в первом классе я учился отлично.

С приветом крепко – крепко целую.

Твой сын – Витя.

28/XII – 56 г.

Москва

Бате от Виктора.

Здравствуй дорогой папа!

Получил твое письмо, но ничего не понял. Так было написано, что я понял всего несколько слов.

Получил от тебя посылку с яблоками. Большое спасибо тебе от меня и всех наших ребят. Ты меня

извини, что не поздравил тебя на праздники. У меня не было свободного времени, а основное – денег.

Поэтому я решил поздравить всех в уме – это и легко, и дешево.

Сейчас очень занят. Работаю над проектом.

Целыми днями черчу и у меня покраснели глаза.

Питаюсь в последнее время весьма посредственно. У меня особых новостей не имеется. У нас из 15 человек – в почтовом ящике 590 осталось всего 5 человек, в том числе и я. Что там будет, я ещё не знаю.

Вот, в основном, и все, что у меня нового.

Буду ждать от тебя ответа. Как твое здоровье? Как поживает Женя? Ходит ли он в школу и какую?

Передавай привет всем знакомым и А. Л.

С приветом, крепко – крепко целую.

Твой сын – Витя

20/X1–56 г.

Письмо в Брест Адамково ул. Добрая дом 1 кв 1.

Москва, 80-Д, Ленинградское шоссе 161 кор 2, ком 43

Бате из Москвы.

Здравствуй дорогой папа!

Твое письмо получил и, вырвав несколько свободных минут, черкаю ответ. Не знаю, кто тебе сказал, что я приеду в конце января, но это твой вымысел.

Я сейчас готовлюсь к защите, которая состоится 22 февраля 1957 года здесь в МАИ. Дипломы мы получим не раньше 5 марта, так что приехать в январе я не могу. Вот, пока и всё.

Живу я паршиво, особенно сейчас. Немного прихворнул ангиной. Сейчас чувствую себя неплохо, но сильно раздражён этим проектом, который сидит у меня в «печёнках».

Он мне страшно надоел, времени отнимает много и ничего хорошего не приносит. В последнее время питаюсь плохо, даже отвратительно – ем всего один раз в сутки – 10 руб. и всё. Ведь надо экономить деньги на проезд, ибо денег у меня сейчас уже нет, а к концу проекта и совсем не будет ничего. Конечно, ибо нет больше времени и надо работать. Передохнуть некогда.

Жене постараюсь привезти то, что он просит, но не ручаюсь за то, что это будет выполнено.

Пиши, буду ждать ответа. С приветом крепко целую. Привет Жене от меня.

2.02. – 57 г. ВИКТОР.

ЗАЩИТА

В феврале защитил диплом на отлично (кажется, 9-го числа).

(В числе 9 отличников курса, из 9 групп курса.)

На защиту мы все представляли дипломный проект, который должен был включать в себя несколько обязательных частей: научную, технологическую, экономическую, противопожарную и другие части.

Кроме того, учащийся должен был представить на ватман-

ских листах ряд чертежей, которые развешивались в аудитории перед членами экзаменационной комиссии.

Председателем комиссии был мой руководитель проекта Б. Н. Петров.

Члены комиссии задавали массу разнообразных вопросов. По окончании доклада и ответов на вопросы комиссия собиралась и обсуждала проект учащегося (конечно, оставшись в аудитории без студентов), выставляла отметку, которую доводили до всех только по окончании защиты. В моей дипломной работе мне удалось показать, что для самолёта, летящего в возмущенной атмосфере, лучше всего перед бомбометанием включить (или не включать!) автопилот.

Система атмосфера – самолёт – автопилот хорошо демаскирует все внешние возмущения и точность бомбометания существенно повышается.

(Это было для меня большим достижением. Работу я выполнял на аналоговых вычислительных машинах, которые были в ИАТе).

Хотя я не беспокоился за научную часть диплома, выполненную в Институте автоматики, некоторое беспокойство вызывали другие части диплома, так как они в какой-то мере повторяли ранее выполненные дипломы (нам их выдавали в деканате, чтобы мы не выдумывали что-то неприемлемое).

В целом, защита проходила на достаточно высоком уровне, а для меня ещё и довольно спокойно и быстро. Я защитился – на отлично, и потом, спустя некоторое время, по-

лучил «красный диплом», вместе с ещё девятью студентами нашего факультета.

Круглым отличником за все время учёбы был Гришанин, которого впоследствии оставили в институте на кафедре (он стал преподавателем института, защитил кандидатскую диссертацию). А все остальные отличники имели по несколько хороших отметок за всё время обучения, что не умоляет их достоинства.

Я не знаю, как другие отличники, но лично мне удалось впоследствии защитить диссертацию и получить звание доцента, поработать заведующим кафедрой.

Считаю, что знания, полученные в институте, заложили в моих мозгах основательную информационную базу и дали мне путёвку в науку, не раз помогали в работе, о чем я всемерно благодарен преподавателям МАИ. Я мечтал об этом институте ещё со школьной скамьи и счастлив, что поступил и окончил его, несмотря на многие трудности...

ДИПЛОМ

С ОТЛИЧИЕМ

и № 101285

Настоящий диплом выдан Дудко
Виктору Анатольевичу
в том, что он 1951 году
поступил в Московский
ордена Ленина авиационный
институт им. С. Орджоникидзе
и в 1957 году окончил полный курс
названного института
по специальности авиационные
приборы и автоматы

Решением Государственной экзаменационной
комиссии от 8 февраля 1957 г.
Дудко В. А.

присвоена квалификация
инженера-электромеханика
Председатель Государственной
экзаменационной комиссии Шульц

М. П.

Ректор (Виктор) Севостьянов
Секретарь Севостьянов
Город Москва, 15 III-1957 г.

Регистрационный № 5339

Московская тип. им. В. М. Молотова Гознака. 1954.

**ВИКТОР ЗАКОНЧИЛ УЧЁБУ В МАИ И В НАЧАЛЕ
МАРТА ПОЛУЧИЛ КРАСНЫЙ ДИПЛОМ!!!**

Часть 15
СЫН

Сын Андрей

С согласия Виктора эту часть Главы записываю – Я (ИРАИДА)

Когда наши дети были маленькие, однажды, они открыли нижний ящик серванта, где хранились фотографии и играя, некоторую часть их порвали.

Что-то удалось склеить, что-то нет. Фотография Андрея пострадала тоже...

1957 год в жизни Виктора Дудко был знаменателен, кроме защиты диплома ещё и рождением сына.

Письмо в Москву «СССР. МОСКВА 80 – Д
Ленинградское шоссе 161 корпус 2 кв. 36 ДУДКО
Виктору Анатольевичу»
(Орфография сохранена).

Из Польши – «ПОЛЬША обл. ВРОСЛАВСКИ
район ЕЛЕНА ГУРА пос. ПЕХОВИЦЕ ГУЖИНЕЦ
№ 23

ПОХВАЛА АННА».

31.05.57 г.

ПРИВЕТ С ПОЛЦИ

В первых строках моего маленького письма, разреши написать несколько слов. Я пока жива, твоё письмо получила, за которое тебя сердечно благодарю.

Твоё письмо принесло мне много радости, и не сподевая я вже не думала, что получу письмо, думала, что ты вже забыл. Витенька, я ожидала на тебя попрощаца, но не дождалас, я сидела на комната туристов, доехала хорошо, но муж был в страху, что я вже не приеду больше до него. Ходил везде до людей и говорил, что она наверное не приедет, что он будет делать. Но я приехала, а он какой был, такой и ест. Он тоже был в моей родине в Киеве и Запоро жу и тепер приехал, и говорит, что моя родина очень хорошая, и очень хорошие люди.

Витенька! Написал письмо ты очень хорошо, он казал мне читат для него и он носил читат до людей, говорил это какой-то твой знакомый.

Витенька, дорогой и золотой, то что я говорила, то так ест, я очень плохо себя чувствую, что скушаю, всё вырву, и в додатку ещё застудилас, имела гриппу, и лежу в дому в кровати от 5 мая больная, а горячка 40 и 41 градусов, и была вже смертельна. Сегодня имею 38 и 2 гр. горячки и пишу письмо до тебя, а мужа нету в городе, я сама.

Знаеш что если бы я лежала, а я когда была без чутя говорила что попало то не работала, а тепер горячка меньшая то я работаю немного.

А кушать не кушаю только компот пю с яблук и то вырву всё. Очень худая, даже и жить не хочеца, а тебя всегда вспоминаю днём и ночу когда проснусь. И всегда ждала, скучала очень за тобой и просила бога чтобы ты не забыл меня.

Дорогой брат ты для меня, хотела бы видеть тебя ещё хоть раз. На другой год я приеду до Киева в гости, привезу подарок для тебя хороший. Я чтобы могла то полителаб до тебя и в родные края где земля моя. Тепер, Витенька пиши как ты себя чувствуешь, где работаешь с Ким живешь, какая вас погода и т. д.

Витя, мой муж хочет, когда я выздоровею, чтобы я сделала аборт, но я не хочу, потому что здоровья я не имею, так говорю, но не знаю, как всё будит, будит мальчик очень хорошенький. Витя, ты мне извени, что я плохо пишу потому что я по руску не говорю и не пишу, а вже 18 лет тому как говорила и писала. Милый мой Витичка, я тебя никогда не забуду пока жить буду свою душу, но судьба такая, судьба большую роль играет, судьбы далеко не уйдёш.

Первого что знаю тебя.

Пока всё писат перестаю и тебя крепко при крепко целую без конца. АННА + ВИТЯ. Жду ответа кладус до кровати бо горячка 39. Если вмру, то забуду закроемся той глаза, тогда не увижу тебя плохо чувствую. Фото я тебе пришлю как выздоровею. Бо нужно сделать потому что одна сама я не имею нужно сделать была дома и позабирали всё. А ты, если сможеш, то пришли свою навес рост очень тебя прошу будет память для сы... и меня.

Целую и жму руку. Прощай.

АННА.

Анна в письме пишет, что ждала Виктора, когда сидела в

комнате туристов, перед отъездом в Польшу, но он не пришел. Значит, действительно, уезжала она из Бреста...

Следующее письмо Анны было датировано
3.05.59 г.

На конверте адрес:

СССР г МОСКВА

ГЛАВ ПОЧТА МОТ

До востребования

Дудко Виктору А.

Еленя Гура обл. 13 почта Пеховице

Гужинец № 23 Похвала Анна

Привет с Польши

В первы строках моего маленького письма хочу тебе сообщить что письмо твое получила закоторое тебе очень благодарю, но не серчай что так долго не овечала потому что неймела времени ответить и сама была немного больна а маленький мой сынок Андрей очень красивый и умный беленький похожий до тибя совсем.

Когда уродился имел 4 к 850 г. Очень большой но и я лежала больная шивали миня лежала месяц больная. Тепер моя сестра была у меня когда я отибя письмо получила она даже читала сестра была запорожя с ребенком я тоже приеду но не сейчас только когда будит Андрек большой в 8 месяцу или 9 месяцу. Это на уборце в полю покупаю кое-что повезти там для родных хочу себе купить в Киве шубу для сибя 800 р. Или

Тысячу сто р. И синопку своему шубку 450 р. И гитару когда он вырастит будит имеет 5 лет то буду учит грать на акардионе и гитаре. Это мой найдроший сын. Если я приеду в Киев то я тебе напишу телеграмму. А сынкова как только сделаю фото-карточкуто пришлю для тебя на память твоего родного сына.

Витя вот бывает так в жизни отец в росии а сын граждан польский. Ночами нужно не спать часто но сын растет как на дрождах. Здоровье мое хорошее работы много тепер имею нутрии такие зверики внас стоить одна нутра 800 р. 700 р. Тепер 4 овечки 1 корова 1 теленко и нутры 30 штук 20 кур собаку отрули (вероятно – отравили) мне и кота суседу сзавести. Шерсть сама пряду и делаю коф точки шерстяные вяжу носки и т. д. а то детям пошить и себе немного людям, пряду, работы много.

Дочка моя ест в школе балетовой в Варшаве.

Погода у нас снег тае еще вмения в саду. Снег лежит где негде. Витя я отибя имею большую память но ты напиши что тебе нужно и что бы было памятью для тебя от миня, бо уминя памятью это не забываемой я за свою память нехочу уральских золотых гор это для меня всем на свете андрей.

Пока всё целую тебя и сын 10000 раз без конца
Анна Андрей. Жду ответа.

Витя мой дорогой случайна встреча стобой. Я забыть тебя в жизни не забуду. Приеду до Киева 14 дней.

На конверте, на печати дата – в ПОЛЬШЕ –

10.08.59, в Москве -23.08.59.

Письмо переписываю сюда так, как оно было написано, с теми же ошибками в словах и знаках препинания. Надо сказать, что написано оно грамотнее, чем первое письмо...

ЗДРАВСТАУЙ ДОРОГОЙ,
и МНОГ УВАЖАЕМЫЙ ВИТЯ,

Письмо я твоё получила за которое сердечно благодарю, что себе ещё вспомнил, нашу встречу которая была два года тому. Витя я тебе на память не оставила ничего но ты мне оставил память.

Эта память для меня очень и очень дорогая. Я здоровая и не плохая, а многие говорят что я симпатичная и красивенькая.

Андрей мой не похожий до меня похожий до тебя, голубые глаза чубик беленький очень хорошенький поёт танцует и первое его слово папа, а потом дай Анна. Очень и очень его люблю. Он меня обнимае, целует, спать со мной так я его научила очень умный мальчик. Я пришлю тебе фото-карточку Андрейка, а сейчас неимею нужно сделать.

Фотография, присланная Анной, где она «с нутрия-ми»

Витя тыпиши более простей и смело потому что твоих писем никто ничтает окромы меня, потому что я много не могу додумаца. Мой ты любимый и дароже всево на свете это ты Витя и Андрей.

Я всё время думала, что стобою случилось что ты не пишиш писем. Не одну ноч не спала, а всё думала и видела тебя перед собою, мне не верилос что бы ты меня забыл, я знала что ты и за пять лет вспомниш меня и сына.

Что-то в моей душе чувствовало что ты не забудиш. В глазах моих стоял ты нераз, а вособености когда

я была больная когда родила сына я имела горячку я звала тебя на помощь кричала Витя помоги, и когда я была здорова мне спрашивали кого я имею Витю что всё время звала. Витя хотя ты женился но краше от меня никто тебя не будить любит в жизни.

Может быть мы больше не встретимся и ты будишь хотеть меня забыть но не сможешь. Потому что ты первая любовь моя в жизни, первый Русский человек которого я узнала два года тому. А поэтому так случилось через войну проклятую. Это письмо которое я получила от любимого Русского человека для меня очень много счастья даже здорово сделала, мне очень скучно за своими людьми и землёй. Но что же судьба такая, занесла меня так далеко, а ещё дальше была я в жизни не думала что я узнаю хотя одного человека Русскую душу.

Витя очень тебя люблю хотя тебе на бумашке скажу, не забывай о нас хоть и женился. Витя ты пишешь встретиться должны это только раз то я уже лучше.....

и т. д. Витя не понимаю что ты пишешь. А я потом с 1 го 5 ое октября, декабря и т. д. Договоримся? А я тебе в сентябре ноябре и январе и т. д., на это всё я ничего не понимаю и не догадываюсь напиши то проще. В прошлом году была в Киеве Полтаве а в этом году не была. В прошлом году была моя сестра в Полтве. Поэтому письма ещё от тебя не получи вышлю фото – к сыночку и себя но и ты забудь свою. Работы я имею немного.

Вот высылаю тебе две маленькие очень фотокарточки ходовля моих нутрии на шубы возле моего дому а Андрей мне не дает писат забирает карандаш, чтобы ты его видел тебе хотелосьбися жит 200 лет, пришли сыночку конфет, валянку и теплый кожух.

Вот я ему недаю писат по писме а он плачет и кричит папа а вже два раза достал по заднице от меня мешает мне работать а нужно делать.

Целует тебя твой сын Андрей В. и целую тебя крепко при крепко случайно в жизни встретила.

Анна. Писат кончаю жду ответу снетерпением, Витя сколько ты имееш лет я вже забыла. Погода у нас сейчас падают дожди я хожу до лесу по грибы, грушек очень много внас в саду сливек чувствуюс хорошо вету неделю ты мне снился. Мы были стоби разом и ты был моим мужем хотя во сне я и ты.

Конец пиши скорей.

Следующее письмо – 8.09.59.

Здравствуй любимый Витя.

Письмо я твоё получила на которое ответила, и пишу другое письмо высылаю тебе свое фото-карточку с сыном Андреем. Я с Андреем вышла на фотокарточке не хорошо рука у меня не ест такая как он на фото-кар, но солнце упало както и так вышло.

Андрей вышел такой как ты совсем до тебя похожий я его очень люблю вот высылаю тебе его и посмотри на сибя и нанего это как один и тот сам. Я тебя вижу всегда днём и ночу сплю с Андреем. А сибя если сделаю фото-

кар, то тебе вышлю сама себя на вес рост руки вмята тонкие и нету так как на фото-кар.

Работать нужно много а вособенности стирать я неймею прачки на электричество которая стирает беле все нужно в руках. Андрей это для меня наилучший ребенок это для меня все насвете.

Только сколько ночей не спалось и дней нянчилось, но только в Андрейки правая ручка ест больная имел на руке чирку адну я вытиснула потом имел втом месту 13 штук, а на этим месту тепер красная пляма и ему чешица он ее драпает это такое сверху как бутобы луска с муки а под нею красное это лишай и везде ежду по докторам плачу денги чтобы вилечит и никак не могу это вже онимеет 1 год 7 месяцев и неможна вылечит он беднинкой мучицся должен я вже так ежду чтобы муж незнал и плачу денги один раз пойти до доктора 100 рублей нужно имеет. А леки покупала американске и гавно помогают.

Еслибы можна было вылечит дак былобы не жал но низнаю или вообще сдес вилечут.

Пока все досвидание целую тибя разом сынем крепко при крепко.

Андрей Анна. Пиши ответ.

На конверте в штампеле – 14.10.59 г.

ЗДРАВСТВУЙ МОЙ ЛЮБИМЫЙ

Витя очен и очен скучно мне без тибя хотябы написал одно письмо до мене, ты забыл вже миня совсем и не хочеш знать. Я тибя немогу забыт.

Андрей вже большой и умный только ручка ему очень болить что сойдет то и обратно. Я знаю что тебе тяжело письмо написат комне мне легче ребенка воспитывать как тебе написать, но это твоя кров незабывай о Андрейку. Сынок говорить по полску некоторые слова. Ты пишиш чтобы мы могли встретица еще когда в жизни абы хотя раз. Я хотела совсем приехать, но писала письмо домой, что я хочу приехать, а брат написал что мать хату продала, и чтобы я не приезжала и я неймею кому и где ехать.

Должна здес умерет начужей земле но подданства невзяла польского мне вже жить нехочица. Вот живу только чтобы год два дети подросли, чтобы сних никто неиздевался а все найхужей маленького Андрека жал это наименший пишу письмо и невижу строчек как пишу за слезамы. Муж мой всегда говорит что он хочет полячку а не руску но я ему говорю чтобы шол от миня то нехочет полячка не такая дурная так работат как я. Смотрить на меня противно что я не полячка судьба моя такая, и ещё знат и тибя вжизни. Я вислала фотокарточку свою и Андрейка ответу не получила отибя.

Пока все целует ебя твуй сын Андрей и Анна.

Жду ответа от тебя. Сынок говорит чтобы папа прислал ботинки и пальто шапку потому что ботинки ему порвалис а папа жалеет и шапки ходит в платичках дома твой сын.

Наша дочка Стэлла 1.06.80 года, (ей было тогда 20 лет), когда узнала, что в Польше есть её сводный брат – Андрей, написала письмо по адресу, который всегда

значился на письмах Анны.

ЗДРВСТВУЙ, Андрей!

В нашем доме хранятся старые письма. Среди них письма твоей мамы. Написаны они двадцать лет назад. Есть фотография. На ней твоя мама и ты совсем маленький.

Из этих писем получается, что ты наш брат.

Очень хочется с тобой познакомиться. Напиши нам письмо.

Меня зовут Стэлла. Мне скоро будет 20 лет. Я работаю фельдшером на «скорой помощи».

Мой брат Олег учится в 9 классе. Ждём твоего письма!

ДУДКО СТЭЛЛА.

Наш адрес: г. Москва и-566 127566...

ДУДКО СТЭЛЛЕ ВИКТОРОВНЕ.

Письмо вернулось обратно. На конверте было написано на польском языке: «Поэтому адресу адресат не проживает»...

Продолжает ИРАИДА...

Где-то осенью 1957 года Анна родила сына Андрея. Присылала она – Виктору фотографии – свою и сынишки. Очень симпатичный – светленький. Когда родился наш Олежек, он тоже был светленьким, и только позже волосы потемнели. Чем – то эти два малыша на фотографиях были похожи...

1957 год

После получения диплома, он ехал в поезде. Я сужу по письмам. Защитился он в феврале, в марте, перед началом работы он съездил в Каменец-Подольский к матери и оттуда – в Брест, к отцу. А письмо Анны датировано маем. Всё сходится.

Вполне вероятно, что история правдива.

Да и о чём это я? Сына – не выдумаешь...

В купе с Виктором ехала молодая женщина – Анна. Разговорились. Она рассказала свою историю. Я точно уже не помню подробности, так как до сегодняшнего дня не записывала об этом событии нигде.

Я предполагаю, что ехали они с Украины в Брест. Виктор от матери к отцу, а Анна – в Брест, чтобы оттуда поездом добираться домой.

Анна попала во время войны в Польшу, среди детей, вывезенных немцами за границу. После войны, уже повзрослев, вышла замуж. Воспитанная в Польше, русский язык, практически знала очень плохо. Тосковала о родной Украине. Уговорила мужа отпустить её – съездить на Родину. Нашла маму, брата и сестру. А теперь возвращалась домой, к мужу. Настроение было паршивое, так как она понимала, что уезжает в Польшу, практически, навсегда, и, глядя в окошко ва-

гона, она прощалась с мелькавшими за окном пейзажами, убегавшими от неё и от прошлого и от будущего.

В вагоне поезда Киев – Брест

1957 год

А здесь ещё – такой молоденький, не по годам повзрослевший, симпатичный молодой человек.

Мне кажется, что Анной руководило ещё и чувство, что она прощается не только со своей исторической Родиной, но в лице Виктора, от неё ускользает надежда остаться в России, любить в России. И, в этой, не такой уж и долгой поездке, Виктор явился для неё тоненькой последней ниточкой, постепенно сокращающейся, по мере того, как поезд продвигался к Бресту...

Я не знаю подробностей. Почему в купе они оказались вдвоём? Выпивали они что-нибудь или нет? Но, что случилось, того уже не исправить.

Ночь была запоминающейся и богатой последствиями.

Анна была не права в том, что ниточка, связывавшая её с родиной, оборвалась навсегда... Родился сын, родина которого – дорога от Украины в Белоруссию. Мать – Анна (по рождению – украинка или русская? по воспитанию – полячка), отец – Виктор (полукровка: по матери – русский, по отцу – украинец).

На мой вопрос – почему Виктор оборвал переписку с Анной, он ответил, что малыша признал муж Анны... И для

мальчика будет лучше, если он не будет знать о своём настоящем прошлом, а муж Анна будет для него настоящим отцом...

И, немаловажной второй причиной было то, что Виктор работал на предприятии закрытого типа и боялся, что могут всплыть его связи с женщиной, живущей за границей. На карту была поставлена угроза его дальнейшей работе и карьере.

С тех пор фотографии Анны и сына Андрея лежали в числе наших семейных фотографий, хранившихся в нижнем ящике серванта.

Но, однажды, наши малыши, вытащили пачки фотографий, рассыпали их по полу и некоторые разорвали. Меня удивило, что из множества фотографий, они разорвали снимки Анны и её сынишки, и фотографию моей первой любви – Бориса из моего прошлого... Кто руководил их шаловливыми ручонками?

Письма здесь мы привели. И фотографию Андрея – тоже. Должна быть где-то среди старых снимков сохранилась и фотография Анны...

Когда наши дети выросли большими, однажды мы поведали им эту историю. Старшая – Стэлла, написала по адресу, указанному на письмах Анны, письмо. Но пришло из Польши уведомление, что такие по данному адресу не проживают.

Так и неизвестно, какое провидение сохранило тайну рождения сына Анны. Может быть, это и к лучшему, но только – для кого?

Уступаю очередь – дальше опять вспоминать о прошлом – ВИКТОРУ.

Сейчас у меня мелькнула мысль – а, может быть обратиться в передачу «ЖДИ МЕНЯ»? Ведь написала же Анна в письме, что приезжала к ней сестра из-Запорожья. И она сама ездила на родину.

Может быть однажды она собрала детей и уехала с ними из Польши в Россию, в Запорожье. Но тогда и искать сводного брата наших детей – Андрея сегодня нужно уже где-то на Украине.

А нужно ли это делать? Отца-то его, Виктора уже в живых нет...

Часть 16

В поисках работы

*Эта часть главы я посвящаю моему самому
верному и надёжному другу – АЛЕКСАНДРУ
ВАСИЛЬЕВИЧУ СМИРНОВУ*

СМИРНОВ И Я В ДУБНЕ НА БЕРЕГУ ВОЛГИ (60-е годы)

Говорят, дружба не исчисляется годами, но проверяется

временем. Так вот, с Сашей мы дружим больше 60 лет. Я благодарен СУДЬБЕ, за то, что она подарила мне такого верного друга.

ВСПОМИНАЕТ ВИКТОР

Всё начиналось так.....

Защищался я 9 февраля 1957 года. Завершить обучение мы должны до 1-го марта, а с 1-го апреля должны приступить к работе на предприятиях в соответствии с распределением.

За месяц март мы должны с предприятия получить подъемные. Нашу десятку вызвали в деканат, и объявили, что от нас отказалось заявившее нас предприятие.

Кто-то выяснил, что нас заказали атомщики.

Мы не знали, где находится министерство, но кто-то подсказал, и мы все поехали на Новокузнецкую.

Вызвали представителя Управления кадров, который объяснил, что предприятие не успело сдать в эксплуатацию дом, в котором нам хотели предоставить по комнате. И, не извинившись, удалился, сообщив, что они в нас (отличниках) не нуждаются.

Так мы оказались не у дел.

В деканате нам сообщили, что половина ребят направлена в министерство авиационной, а половина (в том числе я, Смирнов и Колосов) в оборонную промышленность и нам туда надо подъехать и решить свои проблемы, хорошо бы,

если бы вы с кем-то договорились (нам предлагалось свободное распределение, что тогда не практиковалось и даже осуждалось).

До 1-го апреля мы еще могли жить в общежитии.

(Дальше последовательность может быть нарушена, так как не все точно запомнилось).

Разочарованные вернулись мы в институт.

Потом мы поехали в министерство, на площадь Маяковского. Министерство оборонной промышленности находилось в здании напротив метро Маяковского, и занимало целый квартал, т. е. находилось на углу площади Маяковского и улицы Горького. В здании находились кинотеатр Москва и на 1-й Брестской архитектурное управление.

Мы втроем поехали в министерство в управление кадров, где к нам вышла женщина и сказала, что нам предоставляется «свободное» распределение и мы сами должны искать кому мы, отличники, нужны. В их числе оказались Саша Смирнов, Колосов, я и ещё двое.

К такому повороту событий мы не были готовы. Тогда получить свободное распределение в условиях планового распределения нельзя было, а, если кто и хотел его получить, считалось огромной удачей. А для нас оно обернулось трагедией.

Я встретился со своим руководителем дипломного проекта – тогда членом корреспондентом АН СССР Б. Н. Петровым, который предлагал раньше мне поступить в аспиранту-

ру при ИАТе. Не воспользоваться таким прекрасным предложением академика, которое может выпасть раз в жизни – чудовищно!

Об этом я уже писал. Предложение Б. Н. Петрова тогда сводилось к тому, что учась в аспирантуре – жить я буду в Подмосковье в общежитии и ездить на работу электричкой. Зарплата у меня до защиты диссертации – 1000 руб. и ещё 1000 руб. мне будет положено в год на приобретение литературы.

Я почему-то на этот шаг не решился, особенно, после блестящих предложений п/я 590. Тогда он мне предложил работу в Подлипках, где он работал Главным Автоматчиком, чего я тогда, естественно, не знал. И опять – общежитие.

И опять я по недалёковидности и по незнанию, что такое – "ПОДЛИПКИ, отказался...

Мы возвратились в Москву и пошли в министерство. Это было время реформ Н. С. Хрущева с объединением райкомов, министерств и т. д. Объединялись два министерства, а тут мы неприкаянные. Нам сказали, что, если мы найдем место и оттуда будет запрос, то нас туда и направят. Но мы-то не были к этому готовы: нужно время и знакомства.

Этого у нас не было. Тогда я обратился опять за помощью к академику. Борис Николаевич обещал помочь. И, через несколько дней, он сообщил мне, что он договорился в организации Подлипки и мне нужно туда подъехать в отдел кад-

ров. (Тогда еще не было достаточно известно, что это фирма Королева – мы, по крайней мере, в тот момент этого не знали).

Приехав в институт, я предложил Саше Смирнову и Колосову, поехать в Подлипки. Им предложение понравилось и мы, раструбив всем о таком предложении, шумно отметили его.

И только на другой день мы собрались и поехали в Подлипки. Ехали мы с Ярославского вокзала. В переполненной электричке, без билетов, повиснув на поручнях. (Тогда ходили старые электрички, у которых двери не закрывались автоматически, и ступени спускались почти до полотна железной дороги, а входные двери были утоплены внутрь вагона).

Как сейчас помню, после остановки Лосиноостровская поезд проходил туннель и кого-то зацепило за бетонную стену туннеля.

Прибыв на станцию, мы стали спрашивать, куда пройти и многие не знали, что нам нужно.

Наконец мы увидели табличку крупными буквами: ОТДЕЛ КАДРОВ. Мы немного подождали, пока нас примет начальник отдела кадров.

Выслушав меня, он сказал, что уже были от Бориса Николаевича. Мы удивились. Я сказал, что я делал диплом под руководством академика и я его попросил помочь. Кадровик сказал, что все надо делать вовремя и не трепаться понапрасну. Он сжалился над нами и предложил посмотреть общежития, которые освободятся только летом.

Мы пошли по улице Карла Либкнехта мимо дома директора завода (где впоследствии стал жить Боря Филин, о чем я узнал много позже), вдоль улицы, которая много лет спустя перешла в проспект Космонавтов. Позже выстроили многоэтажные дома, в одном из них – во втором доме, получил квартиру на 7-ом этаже Толя Князев с семьей. А тогда здесь стояли одноэтажные домики.

Мы зашли в один. Это было общежитие. Обшарпанные стены, неказистые двери, неудобный дух, где нам предстояло прожить несколько лет. Нам не понравилось. Мы не вернулись к кадровику. Только Колосов потом попробовал устроиться на фирму. Так закончился наш поход за работой по благу (знакомству, по протекции, которую не использовали). Так мы с Сашей не попали в фирму Королёва, тогда нам неизвестного!!!

Мы вновь поехали в министерство. Там дали направление на Красногорский оптикомеханический завод. Мы приехали на завод, но там нам не обрадовались: им нужны были специалисты по оптике. Общежитие нам не обещали. Работа – в цехах. Мы, конечно, не согласились и попросили написать на путевке, что завод от нас, отличников, отказывается. Но какой кадровик так напишет: в следующий раз министерство не направит ни одного молодого специалиста даже, если это очень будет нужно (это мы поняли гораздо позже). Они написали, что предоставить общежитие не имеют возможности и мы, мол, отказались снимать жилье в частном секторе. Так

или, примерно, так закончилось наше первое «свободное» распределение с помощью министерства.

(Хотелось отметить, что этот же эпизод в воспоминания Саши Смирнова в ПРОЗА.РУ описан совсем по-другому, что говорит о том, что двое одно и тоже событие могут запомнить и потом вспоминать по-разному. Поскольку мы всегда, вернувшись в общежитие МАИ – обсуждали вопросы трудоустройства, то одна сокурсница предложила нам со Смирновым помощь в устройстве на работу.

Нам дали адрес далеко от Москвы. Мы поехали по указанному адресу. От ВДНХ два раза в день ходил автобус в город Красноармейск. Шел он туда довольно долго. По пути нам показали вход в подземный завод (ничего не скроешь от населения!). Когда мы приехали (почти конечная остановка), нас приняли в отделе кадров и предложили: мне работу в КБ, а Саше работу на местном аэродроме – ответственным за все оборудование самолета-мишени: беспилотный самолет взлетал с аэродрома, пролетал над определённой территорией страны, затем летел вдоль Волги, пока его не сбивали с земли.

Но мы же только кончили институт и еще не знали все приборы и оборудование самолета. Мы подумали и отказались. Много позже, когда мы ездили на дачу с Ярославского вокзала, видели как от Софрино отходил электропоезд в Красноармейск (он тоже ходил от Ярославского вокзала, и здесь сворачивал на одну колею). Так закончилась еще одна

попытка устроиться на работу.

Время шло, а у нас не было ни работы, ни зарплаты, да из общежития нас попросили. Уже несколько месяцев мы болтались без дела.

Опять мы пошли в министерство и попросили направить нас на работу. Мы были согласны на всё.

В это время по предложению Н. С. Хрущёва началось объединение министерств и работники Управления кадров сами не знали, где они будут работать, а тут ещё два выпускника болтаются. Да, это был прикол: никому мы не нужны!

В конце концов, у нас с Сашей кончилось терпение, деньги, нас выселили из общежития и мы, наконец, сдались и согласились выехать по предложенному варианту Управления кадров в Ковров.

Чтобы сплавить нас побыстрее и заняться своим трудоустройством, нам даже дали подъемные из кассы министерства. Мы на них купили билеты и выехали с Сашей в Ковров.

Когда мы заявили на завод, там удивились – они никого не заявляли. С нами поговорили и опять – жить негде: самим снимать, зарплата маленькая, работа неинтересная – технологами. Мы стали роптать. На путевках нам написали: в таких специалистах не нуждаемся (что нам и надо было!).

И опять мы в Москве! Круг замкнулся. Кончался май месяц. Министерства объединялись, а мы тут болтаемся и самим кадровикам мешаем. И отправили нас в министерство сельскохозяйственного машиностроения, вероятно, для

подъема сельского хозяйства, расположенного на Миусской площади, недалеко от нашего райкома партии и комсомола.

Мы приехали на Новослабодскую и мимо общежития ЦК, справа от него находился Менделеевский институт, по скверу дошли до большого многоэтажного мрачного здания. Вошли через главный вход и оказались в большом холле. Справа от входа стоял столик и за ним сидел вахтер (или милиционер). Нас направили к нему. Мы объяснили, зачем мы здесь оказались. Он сказал, что это Управление спецхимии и проходить в него можно только по пропускам.

Мы позвонили в Управление кадров и нас приняли, поскольку из МОПа им позвонили. Нам предложили съездить в Люберцы, и, если нас там примут, то они выпишут нам путевки.

Так мы с Сашей первый раз поехали в Люберцы в поселок Дзержинского. От Казанского вокзала мы электричкой доехали до Люберец, нашли автобус до поселка и приехали на площадь. Сойдя с автобуса, вдоль обшарпанной и сильно разрушенной стены, дошли до ворот с часовым, и спросили, где отдел кадров. Нам показали на дверь рядом с воротами. Мы зашли и только там увидели табличку "Отдел кадров". Там куда-то позвонили и сказали, что сейчас придет сопровождающий и нас отведут к замдиректора, который с нами побеседует.

Наконец, сопровождающая пришла и провела мимо ворот ко входу в четырехэтажное здание на второй этаж, где нас

принял замдиректора по науке Леонид Алексеевич Смирнов.

Он расспросил нас о том, кто мы, откуда, как учились и, услышав, что я работал на вычислительных, правда, моделирующих, т. е. аналоговых, машинах обрадовался: он давно мечтал приобрести ЭВМ для предприятия. Он позвонил или сходил (сейчас не помню) к директору, и, вероятно, получив добро, сказал, что предприятие может нас принять, поселив нас в общежитии. Мы согласились (а иного выбора у нас и не было!).

Он позвонил в министерство и отослал нас за путевками. Мы поехали в Москву за направлениями, обрадованные тем, что будем находиться рядом с Москвой, к которой мы уже привыкли. Получив направления и приехав на предприятие, мы опять прошли тот же путь, только в конце нас заставили заполнить анкеты для допуска, хотя мы сказали, что в институте мы уже имели допуск. Нам сказали, что допуск надо ждать месяц. Мы спросили, а можно мы съездим в это время домой, нам разрешили, посоветовав устроиться в общежитии.

Мы это сделали. Поскольку это был год Всемирного фестиваля молодежи и в Москву пускать не будут, нам выдали справки, что с июля месяца мы должны прибыть на работу в город Люберцы (правда, она нам не пригодилась!).

Надо отметить, что в период подготовки диплома по подсказке мамы, у которой я был осенью, я познакомился с мо-

ими родственниками – дядей Костей и его женой тетей Лией Слабковскими, которые жили недалеко от института.

Я к ним приехал в Тушино. Дядя Костя бывший военный летчик сейчас летал на гражданских самолетах, а затем работал диспетчером сначала на военном аэродроме (есть фильм про летчиков, где он снят в диспетчерской, как он сказал, – это в Луховицах), а потом и на гражданском аэродроме.

Он злоупотреблял спиртным. Тетя Лия была маленькой (миниатюрной) карманной женщиной.

Всегда хорошо и со вкусом одевалась. Она работала начальником отдела кадров 3-го медицинского стоматологического института (об этом я узнал гораздо позже, а в первые приезды я не обратил на это никакого внимания). У них был сын Борис, учившийся в то время в 10-ом классе. Приняли они меня хорошо, тем более, что я был бедным студентом, а затем – таким же бедным выпускником ВУЗа.

Когда, после защиты диплома, я был уже без денег, и без жилья, и в очередной раз был у них, тетя Лия предложила мне переночевать. Разразился грандиозный скандал: меня выгнали из дома и предложили больше не приходить.

На следующий день мы встречались с их сыном – Борисом: он очень извинялся, но я решил больше туда ни ногой. (Я тогда не догадывался, что причиной был я сам: дядя приревновал меня к тетке. А у меня не только в мыслях ничего такого не было, но и не мог я, провинциальный юноша, воспитанный в строгих правилах семейного общежития и

иерархии, даже обратить внимание на тетю, как на обыкновенную женщину).

Итак, мы с Сашей поехали по домам, а в начале июля месяца появились в поселке, поселились в общежитии, которое находилось прямо против ворот и проходной (где впоследствии находилась наша медсанчасть).

Вышли мы на работу 6 июля 1957 года, дату, которую мы отмечали потом ежегодно как дату окончания наших мытарств и дату начала работы.

Хотелось отметить, что приказ о приеме на работу по правилам нужно было оформить с момента подачи всех документов, но кадровики нам этого не сделали! И мы потеряли месяц стажа!

Зато, мы получили второй раз подъемные, а наш работодатель «потерял» огромную сумму в две тысячи рублей!!! без которой наша оборонка "не смогла бы" двигаться семимильными шагами вперед к новым достижениям.

Добавляет – Александр Смирнов...

Прочитав эту часть воспоминаний Виктора, я как бы окунулся в атмосферу тех незабываемых лет, получив приличный заряд адреналина. Некоторые события и детали запомнились мне несколько по-иному, но интерпретация Виктора более детальная и, наверное, ближе к истине. Издалека события кажутся не очень драматичными, но переживаний нам досталось немало. Что интересно, несмотря на непростую сложившуюся ситуацию, длившуюся в течение нескольких

месяцев, я не помню, чтобы у нас с Виктором возникали какие-либо разногласия в процессе поиска выхода из неё. И в конце концов наши поиски привели к вполне приемлемому варианту трудоустройства, хотя кто знает, как бы сложилась наша судьба в случае иного развития событий. Мне доставляет большое удовлетворение, что судьба свела меня с Виктором и Ираидой, наши тесные дружеские отношения в течение очень многих лет только укрепились и стали близки к родственным.

Александр Смирнов

Часть 17

Молодой специалист

ОПАСНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

Поселили нас с Сашей в общежитии напротив проходной. В нём жили и рабочие. Вечерами они обычно играли в карты, а мы иногда ходили на танцы в Дом Культуры.

Однажды вечером, когда делать было нечего, мы присоединились к ребятам. Они играли в очко на деньги. Ставки были небольшими – от 10 коп до 1 рубля. Перед этим мы с Сашей получили подъёмные, по окладу (по 800 руб.).

До этого на последних курсах в институте мы научились играть в преферанс, причём – вместе почти не встречались. А этот раз нас захватил азарт, а, может быть, ребята играли кооперативно против нас, а мы против них и друг друга.

До этого в очко мы никогда не играли. Конечно, мы продули почти все подъёмные. А ребята потом хвалились приобретениями на выигранные деньги, в том числе и наручными часами.

Саша сказал, что со мной вместе играть не будет.

Вскоре я уехал в командировку. По возвращении – Саша похвалился мне: он почти всё вернул, но больше играть в эту

игру не будет.

Через несколько дней ребята пригласили меня поиграть. Я согласился. Я стал играть спокойно без азарта, а ребята завелись, решив обыграть интеллигентов: меня и ещё кого-то.

Но мне всё время везло, да к тому же, я запоминал расклад карт, как, наверно, и Саша. Поэтому к утру в моих карманах была куча смятых рубликов и троек. Мне даже стало жалко ребят, и к концу игры я специально немного проигрался.

Но всё равно я почти все свои, проигранные раньше, подъёмные отыграл. Прямо от игорного стола через проходную, раньше времени, я пришёл в лабораторию, высыпал и сосчитал свой выигрыш.

И принял решение больше никогда не играть в очко на деньги.

Своё решение я не нарушил, хотя потом раз в месяц, иногда чаще, мы с САШЕЙ играли в преферанс, позже я почти бросил играть.

Хотя два памятных случая потом было. Один в Киеве на пляже – мы с Сашей стали играть с чужими людьми. (Нас могли просто убить, такие случаи уже были).

А второй – в командировку в Ташкент мы поехали поездом, и у нас было трое суток, в течение которых можно было сыграть в преферанс с пассажирами. Что мы частично и сделали. (Правда, нас потом ругали в бухгалтерии: почему не летели самолётом!)

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Однажды, будучи в командировке, я встретился с бывшим старожилом наших мест. Он рассказал, что вокруг монастыря вплоть до Люберец были кругом сплошные леса и болота.

Где-то в конце 20-х годов в монастыре открыли колонию беспризорников, для которых соорудили мастерские, где впоследствии стали собирать первый отечественный фотоаппарат «ФЭД» (Феликс Эдмундович Дзержинский), чьё имя потом получил и посёлок вокруг монастыря.

Производство фотоаппаратов впоследствии передали на завод в Красногорск, но перед этим решено было построить сюда железную дорогу. И колонисты её построили. О строительстве этой дороги есть первый звуковой фильм «Путёвка в жизнь». Одну станцию по имени отряда назвали «Мальчишки». Потом эта дорога пригодилась для нашего предприятия и ряда других, возникших рядом с дорогой. Колонисты или коммунары выросли, повзрослели. Некоторые из них остались здесь жить, женились, заимели детей, и сохранили дух своей коммуны, помогая, и поддерживая друг друга.

**На фотографии – Спасо-Преображенский собор
Никола-Угрешского монастыря (до реставрации).
retrofoto.ru**

В первые дни войны, чтобы не привлекать самолёты противника, решено было взорвать верх колокольни. На ней в

то время размещались часы, одна из двух точных копий часов, расположенных на Спасской башне Кремля. Куда они пропали после демонтажа, неизвестно.

Оба монастырских пруда покрыли плотами, на которых в качестве камуфляжа построили макеты домов. Сделано это было для того, чтобы ночью не было отблесков от воды, а днём для дезинформации.

На фотографии – Спасо-Преображенский собор Николо-Угрешского монастыря 1987 год (до реставрации).

Конст@нтин posted a photo:

Именно таким мы, на протяжении долгих лет, видели этот собор до его реставрации – разрушенным после войны.

Весной 1942 года к берегу около посёлка прибило льдину с замёрзшим красноармейцем. Его похоронили на старом кладбище, расположенном за стенами предприятия, по другую сторону ж/д платформы. А позже произвели перезахоронение, перенеся прах этого неизвестного солдата в центр города.

В память об этом случае директор предприятия поставил памятник «Неизвестному солдату» в виде скорбящего мальчика.

На этот памятник был объявлен конкурс. Победил – «скорбящий мальчик». Макет был выполнен сравнительно не большого размера. Но, когда стали отливать его в полную величину, произошел казус.

Так как мальчик был голый, а все части тела увеличивали пропорционально физических размеров человеческого тела, выполненного в макете В глаза бросалась увеличенная в натуральную величину «интимная» часть. Но задуман был не Апполон, поэтому пришлось искать какой-то выход...

Как и когда организовалось предприятие по выпуску порохов, я узнал позже. Во время войны на нём работали «зеки», многие из которых были из числа ИТР. Это была обыч-

новенная Бериевская шарашка.

Но это – отдельная самостоятельная тема...

Уже в «наше» время (имею в виду – с момента нашего с Сашей приезда в посёлок Дзержинского), за монастырской стеной, слева от ворот долгое время располагался базар, а у стены стояли магазинчики, в том числе хозяйственный, в котором иногда бывали дефицитные вещи и мебель: шкафы, стенки, кровати, диваны и т. д.

Справа от входа был загородкой сад, и потом там расположили цех озеленения, в котором осенью я всегда покупал цветы и дарил их Ираиде в день нашей свадьбы.

Малый пруд обмелел, и почти высох.

Со временем монастырскую стену отреставрировали, и покрасили. В народе её стали называть кремлёвской стеной. Мимо этой стены шла дорога к проходной предприятия. Справа, вдоль дороги посадили голубые ели, которые теперь стали большими, а обновлённая стена ещё больше напоминает кремлёвский вид.

Из общежития, которое находилось около проходной предприятия, нас переселили в другое, расположенное на площади в бывших монастырских подворьях. Почему-то ему дали прозвище – «ЧУДИЛЬНИК». Общежитие состояло из нескольких комнат.

Нас с Сашей поселили вместе с Ваню Салогяном и Надаром Гелашвили... В других комнатах проживали – Нерсес

Диетян, Ратмир Гайнанов и многие другие молодые специалисты. Жили мы дружно.

Когда к кому-нибудь приезжали родственники, дружно помогали их обустроить и помогали, чем могли. Ко мне не раз приезжали – мама, младший братишка – Женя и чаще других – Батя – мой отец.

В моей трудовой книжке появилась первая запись:

ПРЕДПРИЯТИЕ П/Я 14

1. Общий стаж до поступления не имеется
2. 1957 VII 6 Принят в лабораторию № 13 инженером

МОЛОДЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ

Я начал работать в НИХТИ 06 июля 1957 года. Мы с Сашей Смирновым пришли в лабораторию № 13, которой заведовал бывший зэк «шарашки» – Хритинин Федор Михайлович.

Когда мы пришли, он не знал, куда нас пристроить, хотя лаборатория отвечала за приборы и оборудование разного рода контроля. Мне поручили разработку уровнемера сыпучих.

Надо было в бункере (иногда, металлическом), определять уровни: верхний и нижний, чтобы – либо отключать либо включать подачу каких-то сыпучих гранул.

Задача оказалась не из лёгких. Как определить: заполнился ли бункер, или он уже пуст. Мне пришлось ознакомиться с проблемой заполнения башен элеваторов, а также с заполнением некоторых других систем. Я узнал, что даже обыкновенная пыль на дороге при определённых условиях может быть взрывоопасной. А любые сыпучие обязательно при транспортировке в транспортёре будут образовывать пыль. Если любая пыль может быть взрывоопасной, то в технологической цепочке изготовления порохов тем более, так как может вызвать цепную реакцию взрывов, в том числе и изготавливаемого изделия.

Определение уровней в бункере различными методами не давало устойчивых и относительно правильных результатов, чтобы можно было построить автоматику открытия или закрытия заслонок для поступления или опорожнения бункера.

Мы остановились на радиационном методе, когда с помощью beta-луча просвечивается бункер, и, если на пути луча встречается заполненное пространство, то интенсивность излучения одна, а нет – другая. Мы приобрели установку с Co-60, и стали проводить опыты в лаборатории, направляя луч на имитатор бункера, расположенного у дощатой стены, отделяющей одну комнату барака от другой, в которой работали люди. Непосредственно у стены с той стороны работала молоденькая лаборантка (ставшая потом женой Никитникова).

Сам Никитников работал на нашей установке.

Он первым попробовал раскрыть нашу установку, чтобы посмотреть, что же там внутри есть (любопытство не порок, а большое свинство...), а мы ему в этом не препятствовали. Мы обнаружили небольшой контейнер, в котором находилась крупица, как мы предполагаем Со-60. Нас не смутила свинцовая защита (а ведь, я закончил МАИ). Мы всё вернули обратно.

Работники из второй комнаты стали жаловаться на плохое самочувствие, пока кто-то не пожаловался в технику безопасности. Была комиссия, нас всех, кто работал, и тех, кто непосредственно находился за стенкой, отправили в медсанчасть Минатома, где у нас проверили кровь.

Ничего опасного они не заметили, а у меня данные были прекрасные (некоторое время спустя, Сологян попросил меня сдать кровь за него для поступления в Минатом).

Так закончился первый этап моей работы в лаборатории у Хритинина.

Часть 18

Мама Вера и Марта (Рита)

ВСПОМИНАЕТ ВИКТОР

Как-то так получилось, что на каникулы я приезжал к маме в Каменец – Подольский, но письма почему-то писал ей крайне редко. Когда начал работать, она несколько раз приезжала ко мне в общежитие, в Дзержинку.

У мамы был гражданский, правильнее сказать – командировочный муж – Иван Алексеевич. Он, конечно, удобно устроился. За квартиру платить не надо. В Каменец-Подольский он приезжал на заработки. Работа его была связана со строительством.

Кончился договор и он уезжал домой. Потом приезжал снова.

Маме было трудно дома одной справляться с печкой, которую нужно было топить углем, и воду нужно было принести с улицы из колонки, и помой выносить в дворовый деревянный туалет. А главное – нужны были и дополнительные деньги к зарплате учителя для того, чтобы – закупать уголь и дрова на зиму, да и одежду обновить... Поэтому она решила на то, чтобы сдавать одну комнату квартиранткам.

Обычно у неё зимой жили какие-нибудь две иногородние девочки – студентки, которые кроме платы ещё и немного помогали по хозяйству.

Писала письма мне и сестрёнка – Рита.

Рита училась в Черновцах, в университете и получала Ленинскую стипендию, где и встретила свою вторую «половинку».

Долго готовились к свадьбе. Наконец – поженились. Жить ушли на частную квартиру. Стипендии не хватало. Поэтому понятно, что все обращения в письмах ко мне носили «потребительский» характер. Помогал, чем мог, хотя сам ещё до конца – «не оперился».

За пять лет учебы я получал стипендию, и отец до конца учебы регулярно высылал мне деньги. Хотя он долго сам был без работы. А на его иждивении был Женя.

С его матерью отец разошелся...

В письмах отражено всё их житьё-бытьё в эти – первые годы моей работы в Дзержинке.

Чтобы не пересказывать своими словами то, что сохранили наши письма, просто приведу их здесь. Они тоже, как и вообще все письма того времени, дышат двадцатым веком, и его настроениями.

Письма мама и Рита писали мне – в Дзержинку и в Пензу, куда я ездил в командировки на стажировку по освоению новой ЭВМ – УРАЛ-1. Завод выпускал эти машины, и одна из них была занаряжена нашему предприятию.

В пачке писем первым оказалось письмо от Екатерины Фёдоровны ДУДКО из Фрунзе. Это – жена моего дяди Миши (брата отца). В их семье я жил, когда отец служил в Германии. Во Фрунзе я окончил школу после чего поступил в Москве, в МАИ.

г. Москва. 80 – Д. Ленинградское шоссе 161,
корпус 2. Комната 43. Дудко В. А. Обратный адрес:
Фрунзе 2, Киргизия. Ул. Мичурина 131. Дудко Екатерине
Фёдоровне.

8.01.57 г. ЗДРАВСТВУЙ, ДОРОГОЙ ВИТЕНЬКА!

Получила от тебя открыточку 6.01.57 г. Спасибо за память обо мне. Поздравляю тебя, дорогой – с новым 1957-ым годом, и поздравляю с успешным окончанием пятилетней учёбы в институте.

Хочу, чтобы новый год не был похож на старый, желаю здоровья., счастья, успехов в повседневных делах, долголетней жизни и успеха в будущей работе.

Где будешь работать?

Жизнь моя протекает однообразно. Школа идом. Думаю переходить на пенсию по старости. Работать больше не могу, устаю и часто болею. Думаю в марте 1957 г. поехать в Ленинград к Юле.

Они очень хотят, чтобы я приехала. Ты, видно, знаешь, что у Юли сын Мишенька. Они писали, что ты был у них и особо понравился Геле.

Домашние – Толя и Нэля живут скверно. Нэля очень

самостоятельная, а Анатолий без характера.

Есть у них сын, а мой внук – Володик, хороший мальчугашка, только жаль, что у него паршивые родители. Вся нескладная жизнь детей изматывает меня, и выбивает из колеи нормальной жизни. Поеду к Юле, посоветуюсь, как быть – возможно, продадим дом и я уеду из Фрунзе навсегда.

Дорогой Витенька, хотелось бы отметить твоё успешное окончание учёбы, но сейчас не могу. Помогаю Анатолию. Продадим дом, и в честь памяти дяди Миши вышлю и тебе немного денег. За дом сейчас дают 80 тысяч рублей, но пока не думаю продавать. Надо посоветоваться с Юлей. Может быть, ещё увидимся с тобой. Думаю из Ленинграда проехать к твоему папе в Брест.

Все родные живут по-старому. Живут, и размножаются. Передают все тебе сердечный привет.

Ну, а как ты живёшь? Как проводишь время?

Где будешь работать? Кем? Переписываешься ли с папой, сестричкой, мамой? Как они живут? Как их здоровье? Твоя сестричка, а моя племянница присылала мне письмецо, но в таком горе затерялось письмо, ну, следовательно, и адрес утерян. Ответить ей не могла.

Витенька, всё то, что пишу тебе, оставь при себе. Будешь писать мне, об этом не упоминай. Делюсь с тобой, потому что горько на душе от такой красивой жизни.

Вот коротенько о всём. Передают привет и большой Анатолий и Нэля. Хочется получить от тебя фото – как

ты сейчас выглядишь, мой красавчик.

Крепко целую тебя.

Твоя тётя КАТЯ.

Р. С. Адрес Боровика Владлена Васильевича: –
«Днепропетровская область. Г. Пятихатки, п/о 1, дом 2,
кв. 27. Первомайский переулок.

Пиши мне – Мичурина 131.

Писем от тёти Кати больше не было. Она действительно, продала дом во Фрунзе. Деньги разделила между сыновьями – Юликом и Анатолием.

Юлик купил на эти деньги дачу под Ленинградом. Анатолий с семьёй уехали в Воронеж, где жили родители Нэли. Кажется, они купили себе квартиру.

Мама – Екатерина Фёдоровна переехала с ними.

Но вскоре она перебралась к старшему сыну – Юлику, в Ленинград, где прожила оставшуюся жизнь, и там похоронена.

А теперь – письма моей мамы.

Иван Алексеевич, моя мама – Вера Николаевна Дудко и Сестра – Марта (Рита)

1.07.57 г. ДОРОГОЙ ВИТЕНЬКА!

Сегодня, в час дня приехала в Железноводск.

Доехала благополучно. Но измучилась. Мест нет. Эту ночь буду спать в кабинете врача.

Хорошо, что ты купил мне еду в дорогу. На станциях ничего не было.

Витенька! Как ты доехал? Я видела дурной сон. Боюсь, не заболел ли ты? Желаю тебе устроиться хорошо. Будь здоров. Крепко целую.

Твоя МАМА.

Адрес: г. Железноводск. Санаторий № 5 имени Кирова.

Корпус № 1. МНЕ.

Письмо из Каменец-Подольского. Ул. Шевченко 61. от Марты.

23.07.57 г. ЗДРАВСТВУЙ, ВИКТОР!

Ты так и не выполнил своего обещания – написать письма мне и маме. Мама так беспокоилась о тебе, спрашивает, пишешь ли ты?

Ты пишешь, но не нам. Бывает ещё похуже.

Мама ещё на курорте, придет первого. Я уже не дождусь этого числа, мне так неважно без неё. Живём мы с Иван Алексеевичем вдвоём. Хозяйничаем.

Я получила ещё на практике свою летнюю стипендию

510 рублей (правда, много?), привезла домой. 350 рублей. Из них маме выслала 200 рублей. Ей, ведь, было не на что приехать, а кто может помочь нам в этом? Счастье, что нам дали стипендию, а то бы зубы на полку. Но маме я всё равно достала бы денег и выслала. Много долгов, денег не хватает, дотянем с И. А. и его пенсией до маминого приезда, а там что... Но не будем жить будущим.

Нужно заплатить за квартиру, а за молоко и думать нечего. А мама приедет, так, хоть легче будет. У меня нет туфель кроме выходных, что делать осенью, не знаю. Это чепуха, мне не привыкать к тому, что нет и не за что купить. Хорошо, что мама подлечиться.

Сижу дома всё время. Сварила варенья, а сахар стоит 15–17 рублей кг. Но мама хоть зимой вспомнит меня. Вот, если бы оно удалось, то я бы была счастлива. Очень скучно, никого нет, а, главное, нет мамы около меня.

Никто не пишет. Вот скоро должно прийти письмо от Николая. И только письмами и ожиданиями буду жить.

Все, кого встречаю, говорят, что я худая, но это не страшно, лишь бы была здорова, а поправлюсь осенью, когда поедем на работу, в колхоз.

Виктор, пиши о себе и своей работе, если можешь, и чаще, а то скоро мама приедет, а ты не пишешь. Брось эту привычку, пиши обо всём, даже плохом, а то твоё молчание ещё больше волнует родных.

Желаю хорошо провести время и посмотреть на фестиваль. Видел ли ты Свету? Думаю, что да, но на всякий случай адрес её – «ул. Чернышевского 22/1, кв.

73. ПАЦУЛО».

Будь счастлив и здоров. Привет Свете и твоим соседям.

Целую. РИТА.

Привет от И. А. А мне никогда не повидать Москву и что-либо другое.

4.08.57 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ДОРОГОЙ БРАТИШКА!

Письмо твоё получили. Большое спасибо за внимание.

Виктор! Ты входи в новую жизнь, и очень хорошо, что ты решил заниматься физкультурой (конечно, если тебе можно). Пиши о себе побольше. А то мы очень мало знаем о тебе.

Почему, Витя, ты решил порвать со Светой? Эх. Витя! Ты пишешь – грустить и унывать не нужно. Дорогой братишка! Как же не грустить?

Сейчас мне лучше, ибо мама приехала, а то было жутко.

И. А. на работе, а я весь день одна и одна. А с одиночеством не очень приятно соглашаться. Ты очень прав, братик мой, что о моей грусти никому не нужно, и жить я только начинаю. Постараюсь твоё высказывание в хорошем смысле слова как-то применить в своей жизни. О результатах буду сообщать тебе в письмах. И пишешь ты, что очень длинны твои письма. А вот мало мы из них узнаём о твоей жизни. А, главное, дорогой, лучше питаться. Это главное. А затем

будешь потихонечку и понемножечку расплачиваться со своими долгами.

Я очень рада тому. Что ты видел немного фестиваль. Что ещё ты видел? Твою просьбу, братишка, исполню. Высылаю фото, где нас пятеро. Но ты знаешь, оно не удачно, и к тому же фотограф разорвал её. Ты извини меня за это. Но пусть это будет для тебя памятью об одном дне, проведённом в Черновицах.

Понравилось оно тебе? Понравился ли тебе Коля? Какое впечатление о ней у тебя? Напиши. Ведь ты мне ни слова об этом не сказал. Буду ждать ответа.

Витенька! Мама приехала 31-го, она похудела и очень сильно ослабла от всех этих процедур. Она быстро устаёт. И. А. работает понемногу, но скоро это кончится. Пиши скорее о себе.

Витёк! Может, прислать тебе яблоч? Если да, то отвечай на это побыстрее.

Привет от мамы, И. А., девочек. Жду ответа.

Узнай, есть ли у Вас мужская обувь 40–41 размера, в цене 100–120 рублей.

КРЕПКО ЦЕЛУЮ – ТВОЯ СЕСТРА.

Письмо в Дзержинку из Черновиц. Ул. Островского 4/24 от Риты.

4.10.57 г. ДОРОГОЙ, ВИТЁК!

Даже уже и сейчас ты не отвечаешь на наши письма. Почему? Напиши. Свету я видела один раз, и то мельком, а на следующий день я уехала. Она слишком долго гостила. И мне с ней не пришлось поговорить.

Она сказала, что была у тебя всего один раз, а потом вы ездили на дачу. А больше ничего.

Витёк! Что ты сейчас думаешь делать? Возможно, что ты уже встречаешься с какой-нибудь девушкой? Так ты напиши. И, вообще, пиши мне поскорее, и почаще. Что ты делаешь? Как с работой? Пиши всё, всё.

Теперь немного о себе. Я очень скучала, пока не было мамы. С приездом мамы стало лучше. Но я простудилась и две недели ходила с ячменём. А потом приехал Коля. Мама, И. А., Коля и я ходили на пляж и все катались на лодке целый час, а потом мама и И. А. ушли и мы ещё катались целый час.

Очень жалко, что ты не побывал там. Ведь это очень прекрасно. Я была там всего один раз. Потом мы в воскресенье ходили с ним на базар и купили фрукты и послали тебе посылку. Получил ли ты её? Может быть, тебе ещё нужно прислать? Так ты черкни пару слов.

Потом я поехала в Черновицы и снова устраивалась в общежитие. Живу я сейчас в проходной комнате. Нас шесть человек. Три девочки с нашего курса и три с третьего. Сейчас уже третий день занятия. Идёт лекция по методике преподавания, а я сижу и пишу тебе письмо.

У меня пока никаких изменений нет. Обо всём другом ты знаешь. И я думаю, что мы и дальше будем писать систематически друг другу письма и обо всём. Хорошо?

Ты пиши мне сразу, как получишь письмо, а то отложишь в долгий ящик и не ответишь сразу.

Привет твоим товарищам.

Привет от Коли и девочек. Крепко целую.

РИТА.

Пиши. Жду.

Письмо в Пензу из Каменец – Подольского.

12.10.57 г.

ДОРОГОЙ ВИТЕНЬКА!

Я очень виновата перед тобой. Никак не могла собраться ответить тебе, хотя каждый день и ночь мысленно беседую с тобой.

На курорте я подлечилась, но после курорта недели две чувствовала плохо, т. к. произошло обострение. А потом закрутилась с работой, огородами и т. д. Перед началом учебного года приезжал Коля, пожил у нас с неделю. Просил разрешения жениться на Рите. Я предложила подождать до весны. Как они решат, не знаю. Часы он купил на летнюю стипендию.

Что теперь готовить ему? В общем, свадьба на носу, а денег у меня, как всегда, нет. Кларина свадьба должна быть на Октябрьскую, но отложили, заболел отец жениха. Они рассчитывали на 50 гостей. А что мы будем делать?

Рита очень худая, Коля живёт только на стипендию, она, видимо, переживает, что у него нет ботинок и т. д., хотя и сама не очень сыта и обута.

У меня с пенсией ничего не получилось. Наше ГОРОНО сделало всё, но справка, которую прислал М. Е. из Фрунзе о работе в Садовом, оказалась не

правильно оформлена. Е. Ф. прислала подтверждение, и нужно ещё одно лицо. Не везёт, а, возможно, к 1 января прекратят выплату за выслугу.

Живём мы по старому.

Витенька, как твоё здоровье? Как питаешься? Сколько платишь за квартиру?

Как чувствуешь себя в качестве молодого специалиста? Куда тебе прислать орехи? Напиши.

КРЕПКО, КРЕПКО ЦЕЛУЮ – ТВОЯ МАМА.

Тебе за всё спасибо. Привет от И. А. и девочек.

Письмо в г. Пензу. Ул. Фрунзе 11. Кв. 4. Кашициной А. Г. (для Дудко В. А.) Обратный адрес – Черновцы 4/24 Дудко М. А.

21.10.57 г. ЗДРАВСТВУЙ, ДОРОГОЙ БРАТИШКА!

Наконец-то я получила от тебя письмо. Благодарю. Ты пишешь, что времени много, но, однако очень редко пишешь всем. Пиши чаще.

Я, Витя, на тебя не обижаюсь за то письмо.

Ибо мы слали тебе посылку, как все люди шлют. Купили самые твёрдые груши, но почему они так дошли плохо к тебе, я не знаю. Я очень хотела сделать тебе приятное, дорогой. Постараюсь в скором времени исправить свою оплошность.

Ты спрашиваешь меня о том, как я живу. Немного о моей жизни ты знаешь из того, что сам видел. А так живём мы большей частью, чаще бывает ещё хуже, реже – лучше.

Виктор, вообще приходится трудно. Мирюсь со всем. На занятия хожу регулярно, ибо за три дня пропущенных без причин – выбываешь механически. А это вещь неприятная во всех отношениях. Здоровье пока моё хорошее. У нас здесь свирепствует вирусный грипп. Меня пока он миновал, но нельзя зарекаться. А вообще, вид у меня ещё хуже, чем ты когда видел меня. Похудела, подурнела, а главное, у меня цвет лица ещё такой плохой.

С Колей у нас всё по-старому. Живём понемногу. Вместе делим всё. Ты, ведь, о нём знаешь всё очень хорошо. Он сирота, никто ему не помогает, а прожить на одну стипендию очень трудно.

Ты не обижайся, Витя, но тебе легче жилось, да и стипендия больше была. А что у нас? Стипендия маленькая, а, ведь, ещё нужно одеваться. Ты себе можешь представить, как это трудно. Вот мы уже месяц ищем обувь, но её не достать. Когда получили стипендию, то не было совсем обуви, а вчера были ботинки по 300 рублей. Это дорого. Ты знаешь, мне об этом совсем некому написать. Мама и так помогает всем, чем может. И я обращаюсь к тебе. Мне даже не очень удобно писать тебе об этом, но придётся.

Послушай эту печальную повесть о нас. Ни у меня, ни у него нет обуви. Помнишь те туфли, которые купила мне тётя в 9-ом классе. Так они совсем у меня разорвались. Ни чинить, ни красить никто их у меня не берёт, да и нести стыдно. Развалились... Хожу почти босая. Модельные туфли не могу же я носить каждый

день.

А у Коли ещё хуже положение. У него одни туфли, да и те просят кушать. Ты знаешь, как мне обидно. Что делать? Что? Посоветуй. У меня от дум так начинается болеть голова, что умираю. У меня ещё лучше положение, т. к. у меня хоть есть кому помочь (это не обязательно, чтобы помогали, но живу надеждами). Вот, что делать? Совсем порвалась у меня кофта. А, чтобы купить кофту, нужно заплатить на базаре 300–350 рублей. Видишь, как много нужно средств.

Что же делать? Виктор, послушай мой план и отвечай скорее.

Я думаю, что сделать это можно так. Мы пришлём тебе 150 рублей Коле на ботинки или туфли. Он носит 40-ой размер. Если можешь, купи чёрные или коричневые туфли. Если нет таких, то до 200 рублей, и только не дороже и не на микропористой подошве. За его туфли мы расплатимся с тобой. Я знаю, что у тебя есть вкус. А уж мне, я надеюсь, ты купишь сам. Правда, в первую очередь – ему, а потом мне, коричневые или светло-коричневые, размер № 35, на среднем каблучке. Я думаю, что ты это сделаешь. Отвечай сразу мне. Говорят, что обувь есть в Пензе и Москве и много.

Ты знаешь, здесь очень трудно с сахаром. По 15 руб. кг. И то, очень трудно достать.

Вот так я живу. Пиши мне сразу. Об изменениях в своей жизни я ещё не думаю, вернее, я не могу тебе сразу написать. Напишу, когда получу ответ от тебя.

Привет тебе от Коли, Розы, Светы и девочек.

Крепко, крепко целую тебя,
РИТА.

Пиши, жду. Писать буду на адрес хозяйки и в Москву – на Октябрьские. Напиши, есть ли кофточка шерстяные у вас, и сколько стоят?

Пенза 6. Ул. Фрунзе 11. Кв. 43 Кашициной
А. Г. (Для Дудко В. А.). Обратный адрес 6 г. Черновцы.
Ул. Островского 4/24. Дудко М. А.

12. 11. 57 г. ДОРОГОЙ, ВИТЯ!

Ты по-своему обыкновению ничего не пишешь. Даже не поздравил меня с праздником. Почему?

Витя! Как ты провёл праздники? Был ли ты в Москве? Ты сам о себе слишком мало пишешь мне. За всё время я получила от тебя всего лишь одно письмо, а на ответ на моё письмо я ещё до сих пор не получила, и, возможно, не получу.

Ты знаешь, мне порой очень нужно поговорить с тобой. Ты теперь слишком далеко от меня, а ко всему ещё очень редко пишешь. Я думаю, что у тебя теперь есть больше времени, чем раньше, когда ты учился, но ты даже реже стал писать. Ты бы писал маме чаще, а то она очень о тебе беспокоится.

Витя! Как ты живёшь? Как обстоят у тебя дела на личном фронте? Наблюдается ли сдвиг?

Обо всём пиши, да и поскорей.

Мы живём по-старому. Почти всё время вместе, ведь, к тому же мы и учимся на одном факультете.

Я думаю, что ты спросишь о моей жизни поподробнее в следующем письме.

Ты знаешь, Витёк мой, мы с ним уже по настоящему дружим целый год, хотя знали друг друга до этого два года.

Думаю, что мама тебе уже кое-что писала о нас. Нужно что-то решать нам с ним. Хотя, я знаю, что, если мы будем вместе, то нам будет очень-очень трудно, т. к. мы сами не богаты, а у него нет таких родственников. Я, как только получу от тебя ответ, то напишу тебе подробно обо всём. Ты знаешь, ведь, я не знаю, получаешь ли ты мои письма. Сразу отвечу тебе. Договорились.

Праздники все мы были тут. Ты знаешь, Витёк, что Клара Скавровская на Октябрьские вышла замуж, за того парня, с которым дружила. Надеюсь, это тебе будет новостью.

Мне хочется о многом написать тебе, но это сделаю я сразу же по получении письма.

Желаю тебе всего наилучшего.

Привет тебе от Коли. Крепко целую. РИТА.

Пиши скорее и всё-всё. Жду.

Письмо в Пензу из Черновиц.

17.11.57 г. ДОРОГОЙ БРАТИШКА!

Спасибо тебе за посылку, а особенно за обувь.

Туфли мне и Коле немного велики, но это не беда.

Спасибо большое. Сейчас послали тебе посылку с фруктами, на до востребования. А деньги за Колины

туфли будем высылать тебе в рассрочку. Согласен?

Пиши побольше о себе. И отвечай сразу. У нас с Колей всё потарому. А как твои дела? Прости, что написала мало, спешу отправить письмо, чтобы оно пришло одновременно с посылкой.

Пиши. Привет от Коли. Целую.

РИТА.

Надеюсь, на этот раз посылка дойдёт благополучно.

Пишет тебе ли отец?

Ты как-то писал, что высылаешь фотографию, но сам не выслал. Может, сейчас вышлешь? Мне бы хотелось, чтобы ты поскорее ответил! Постарайся сразу ответить.

У меня всё по-старому. Пишет мама. Сейчас мы ходим на практику в школу по методике. Как иногда хочется, чтобы уже кончить учиться.

Дорогой Витёк! Пиши скорей и почаще. Я буду отвечать тебе. Что интересует тебя? Отвечай на мои вопросы этого письма. Пиши маме почаще.

Привет от Коли. Привет от девочек. Целую крепко. Жду ответа.

Твоя РИТА.

Письмо в Дзержинку, Заводской тупик из Черновцов.

31.12.57 г. ДОРОГОЙ МОЙ ВИТЁК!

Поздравляю тебя с новым годом, желаю тебе успехов в работе и большого, большого счастья. А также желаю, чтобы в скором времени у тебя было столько детей, как на этом конверте.

Витёк мой! Отчего же ты не ответил на мои письма?

Что плохого я сделала тебе, милый? Я, Витёк, не знаю даже куда писать тебе, где ты сейчас живёшь? Я так истосковалась по тебе, но увы... Ты даже письма мне не написал.

У меня всё по-старому. Хожу уже на лекции.

Сдала три зачёта. Остались один зачёт и один экзамен. А там каникулы. Вот и все мои новости.

Пиши скорей, дорогой.

Привет от Коли и девочек.

Целую крепко, крепко.

Твоя РИТА.

Жду письма, да поскорей.

1958 год

Письмо в Пензу из Каменец-Подольска.

10.05.58 г. ДОРОГОЙ ВИТЕНЬКА!

Прости, что задержалась с ответом. Твоё письмо порадовало меня. Я его получила накануне 1-го мая. В тот день я получила письмо и от Риты.

Была очень, очень тронута вашим вниманием.

У меня только и радости – это вы – мои дети.

Это твоё письмо написано в бодрых тонах, и я пока спокойна за тебя, береги себя. Следи за здоровьем, добросовестно относись к своим обязанностям по работе, и всё будет хорошо.

Витенька! На 10-ое мая приезжали Рита с Колей.

Всё обсудили. Свадьба будет 30-го августа или 1-го сентября, как только Коля вернётся из лагерей.

Другого срока выбрать нельзя. В половине июля они кончают и едут на две недели в Ленинград на практику, а после практики сразу Коля едет на месяц в лагерь. Весь сентябрь будет у них отпуск.

Вот так мы решили. Теперь это уже окончательно. Устраивает ли тебя этот срок? Не задерживайся с ответом, пиши, жду.

Написала приглашение в Минск, Ермалюкам, ответа ещё нет.

Витенька! Вчера поступил от тебя перевод на 2000 рублей на мой счёт, в сберкассе. Спасибо, родной, за внимание ко мне и сестрёнке. Деньги пришли вовремя. Теперь постепенно буду покупать необходимое к свадьбе. До свадьбы, кажется, далеко, но эти три месяца пролетят быстро.

Рита очень худая, её вид пугает меня, ей бы лечиться... Как сложится их жизнь? Как хочется видеть вас счастливыми.

Вот такие у нас новости, планы.

Пиши о своих планах. На свадьбе ты, конечно, должен быть.

В отношении моей обуви даже не обременяй себя, а вот о свадебном подарке надо подумать, хотя ты уже сделал огромный подарок и мне уже неудобно вводить тебя в новые расходы, но раз ты настаиваешь и располагаешь средствами, надо хорошо подумать.

А пока следи за собой. Хотя, конечно, свадьба сестры

бывает раз в жизни.

У меня, Витенька, несчастье...

Умерла мама на 87-ом году жизни. Из Тоцкого прислали телеграмму, приглашали на похороны.

Конечно, я не поехала по многим причинам.

На душе тяжело. Виню себя в том, что редко писала ей, а, главное, столько лет собиралась повидаться с ней и никак не могла выбрать время. Конечно, я столько не проживу. Разумеется, живой о живом думает.

Ну, кончаю. Не обижайся на моё письмо. Жду с нетерпением ответа. Крепко целую тебя, мой сыночка.

Твоя МАМА.

Письмо в Пензу из Черновиц.

12.05.58 г. ДОРОГОЙ МОЙ ВИТЁК!

Как ты поживаешь? Что нового у тебя? Последнее твоё письмо я не очень поняла. Ты иногда так напишешь, что трудноато бывает разобрать.

Как ты встретил праздник? Хорошо ли тебе было?

А теперь немного о своей жизни. Живу я по старому. Май встречала ничего. Но перед маем заболела. Была температура высокая из-за нарыва в гортани. Глотать было очень больно. На демонстрацию из-за этого не ходила, была дома, а потом взяла и поехала домой. Врач прописал мне принимать глюкозу и хорошо питаться. Стараюсь это выполнять, но не всегда удаётся. Особенно, уколы. Нужно будет купить на базаре мёд и попробовать его употреблять. Правда, я уже поправилась и вешу 48,5 кг. Думаю дотянуть до 50, но

это уже после экзаменов.

Сначала у нас было 5 экзаменов, но один, по иностранному языку сняли, и стало 4. Кончаем 23 июня, а там на практику в Ленинград, Но беда в том, что поедет лишь половина курса, а мне бы так хотелось увидеть Ленинград, но поживём, увидим.

Дома всё по-старому. Видела Свету, она не изменилась. Кончает уже в этом году. А мама всё по прежнему трудится, жаль, что не было тебя. А когда прихожу в парк резиденцию, то останавливаюсь около того места, где мы фотографировались. Помнишь ли ты? Сейчас там красиво. Рядом цветут магнолии. Вот так я живу.

Отвечай мне скорее. Я буду тебе чаще писать.

Жду ответа.

Привет большой от Коли и девочек. Крепко целую тебя.

РИТА. Высылаю тебе наше фото.

Письмо в Пензу из Черновиц.

17.06. 58 г. ДОРОГОЙ МОЙ ВИТЁК!

Как твои успехи, дела? Как твоё здоровье?

Как ты сдал экзамены? Я думала, что ты уже закончил сдавать экзамены, но увы, ты ещё учишься. Это хорошо. Пиши о себе всё мне. Я ещё успею получить письмо тут.

Витёк! У меня таких новостей нет. Сдаём экзамены. Коля и я сдали два экзамена уже. Оба получили по ним отлично. Осталось ещё два экзамена.

Думаем их сдать хорошо. Но повышенную. мы не будем получать, т. к. по курсовым работам получили четыре. Сейчас мы оба с ним, как «с креста снятые». Похудели. Ничего не поделаешь. Нужно сдавать экзамены хорошо, а это стоит здоровья. Да, причём много уносит. Я, Витёк, так устаю, что ничего не могу делать. Мечтаю хорошо отдохнуть.

В парке, в резиденции, где был ты, сейчас хорошо. Помнишь? Ведь, ты в это время приезжал к нам сюда.

Витёк! Мы поедem в Ленинград на 10 дней 2–3 июля, ибо деньги нам дадут 2-го, а большей верности – 3-го. Едем через Львов. В сутки дают 5 рублей. Очень не разгуляешься.

Тебе большое спасибо за письмо. Я теперь буду знать, как добраться к тётке Кате. Что я собираюсь купить себе, не могу сказать. Не думала об этом.

Да, к тому же, не знаю, как буду просить у неё деньги. А сейчас не знаю, нужно ли мне что. Я тебе напишу, когда мне нужно будет. Ведь ты написал, чтобы я не стеснялась. Ах, Витёк! Мне бы хотелось увидеть тебя. Но мы так далеко друг от друга, что это трудно сделать. Думаю, что мы скоро встретимся. Спасибо тебе за всё, что ты делаешь для меня.

Привет от Коли и девочек. Крепко целуем.
РИТА.

Ты как-то рассердился на меня, когда я просила написать мне, есть ли у вас там обувь. У нас нет ничего. Я себе купила тряпочные танкетки, но они уже рвутся.

Я думала тебя спросить, а если есть, то прислать денег. Ну, ничего, как-то обойдется и это.

Пиши мне скорей. Я ещё успею получить твоё письмо здесь до 2-го.

3-го поедем.

Письмо в Пензу из Каменец-Подольского.

21.06. 58 г. ЗДРАВСТВУЙ, ДОРОГОЙ ВИТЕНЬКА!

Прости меня, дорогой сыночка, за долгое молчание. Всё ждала ответа от Риты, намекала ей, и толком ничего не узнала. Ты понимаешь, конечно, о чём я говорю. Мне очень неловко перед тобой.

И. А. тоже ругает меня за это. Больше этого не будет. Буду писать чаще. А как хочется знать о тебе.

Как твоё здоровье? Как самочувствие? Как успехи в работе? И вообще, что нового у тебя?

Куда тебе писать в Пензу или в Люберцы?

У нас всё пока по-старому. И. А. работает десятником. Я сейчас в отпуску по школе. Но домашней работы прибавилось. Кручусь с утра до вечера, как белка в колесе. Об отдыхе не приходится думать в это лето. Зато, в прошлом году удалось побывать на курорте.

Рита, видимо, числа 1–2-го отправится на практику, в Ленинград, где они пробудут до 14-го июля. После её возвращения из Ленинграда, начнём готовиться к свадьбе.

Она написала, что ты написал ей, как добраться до Екатерины Фёдоровны.

Теперь, Витенька, о подарке. Всё, что ты подаришь, будет хорошо и ценно. Смотри и располагай. Исходи из своих возможностей, а вкус и смекалка у тебя есть. Хорошо купить бархатную скатерть. Но её даже в Москве трудно, говорят, достать, а тебе, возможно удастся. Или красивое покрывало и две накидки на подушки. А, впрочем, как хочешь сам. У них с Колей ничего нет и всё будет хорошо. Не сердись на меня, Витенька, за бестолковое письмо. От волнений у меня голова стала плохо соображать.

А как у тебя с отпуском? Теперь уже известно?

Как бы там ни было, а на свадьбе ты обязательно должен быть.

Ну, пока всё. Крепко целуем тебя. Будь здоров и счастлив.

Твоя МАМА.

Привет от И. А. и девочек.

27.06 58 г.

Письмо в Пензу из Каменец-Подольского.

ДОРОГОЙ ВИТЕНЬКА!

Что у тебя нового, мой родной? Как здоровье, самочувствие, успехи в работе и вообще?

Вчера проводила Риту в Черновицы. Приезжала лишь на один день. Она и Коля сдали всё на 5, но повышенной стипендии им не будет. Итак, Рита пятикурсница. Ещё год, и получит путёвку в жизнь.

3 июля они всем курсом поедут в Ленинград, где

будут до 17 июля. 20–21 июля Рита будет дома, а Коля поедет в лагерь, после лагеря гос экзамен по военному делу, лишь после него приедет из Черновиц в Каменец. Тогда будет свадьба. Это будет или в конце августа, или в начале сентября, в зависимости от конца экзаменов. А как удобнее для тебя? Когда ты будешь в отпуске?

Екат. Фёдор. Прислала письмо. Обещает тоже приехать на свадьбу. Пишет, что Анат. Евст. Был в Ленинграде, и они договорились вместе ехать на свадьбу, если я не возражаю против него. Я не знаю, что на это ответить. Как ты думаешь, Витенька? А, может быть, это не серьёзно? Рите он отказал в поездке, когда она была в Бресте. Он заявил мне, что не на что и не с чем ехать. А теперь говорит другое.

А после того, как он был в Москве и видел тебя, то написал Рите ругательное письмо. В нём он писал, что ты очень худой, так как копишь деньги для её свадьбы. Она об этом письме сказала только вчера.

Витенька, я своим материнским сердцем чувствую, что тебе тяжело, но ты скрывал это в письмах ради сестры. Конечно, это благородно, но здоровье прежде всего. Я даже не знаю, сколько ты получаешь. Стесняюсь спросить об этом. Правда, за Ритой и Колей это не пропадёт. Они договорились, что, как будут работать, то будут понемногу с тобой рассчитываться. Ты мне ничего не писал о его приезде в Москву.

Витенька, я всё пишу по старому адресу, а, возможно, ты уже в Люберцах? Очень прошу тебя, коротенько, но ответь мне на это письмо.

Будь здоров. Привет от И. А. и девочек.
КРЕПКО ЦЕЛЮЮ ТЕБЯ – ТВОЯ МАМА.

Письмо в Пензу из Черновцов.

28.06.58 г. ДОРОГОЙ, МОЙ ВИТЁК!

Сегодня сдали все экзамены. И теперь мы пятикурсники. Оба сдали мы экзамены на отлично. Но повышенной не будем получать, т. к. у нас по курсовым работам хорошо.

Теперь даже нет мне что-нибудь делать. А как ты? Что у тебя нового? Пиши. Я о себе не пишу больше, ибо написала тебе письмо, а сегодня вспомнила, не на тот адрес. Ты пойд и забери. Я написала: Пенза, 12. До востребования. Ты пойд и забери. Уже, наверное, не успеет прийти.

Едем в Ленинград 3-го июля, заказали билеты уже.

Вот все мои новости. Я тебе ещё напишу письмо.

Если хочешь, то напиши мне письмо в Ленинград на Главпочту. Надеюсь, что я её найду. Я постараюсь зайти к тёте Кате. О твоих заботах обо мне я не забуду. В том письме я тебе описала всё. Ты возьми его и всё узнаешь.

Я хочу тебя спросить. Может быть, мне заехать в Москву, если ты будешь там, взяв билет через Москву и Киев? Посоветуй мне, пожалуйста.

Наша практика кончается 16–17-го. Посоветуй.

Привет от Коли. Привет от девочек.

Крепко, крепко целую тебя.

Твоя РИТА.

Зайди и возьми письмо. Написано: Пенза 12.

Моя ошибка, прости...

В Пензу из Каменец-Подольского.

6.07.58 г. ЗДРАВСТВУЙ, ДОРОГОЙ ВИТЕНЬКА!

Получила вчера от тебя письмо. Спасибо, родной, за внимание. Витенька, ты пишешь, что, возможно, приедешь не один. Я буду рада принять вас, но всё же напиши конкретно – с кем ты предполагаешь приехать: с женой, невестой, подругой, товарищем? Это я должна знать. Ты, я думаю, понимаешь почему.

В отношении того, как вы отдохнёте, трудно сказать. Примерно наши условия и возможности ты знаешь, но всё, что от меня зависит, я постараюсь сделать. Вот только плохо то, что я уже буду работать, но что-нибудь придумаем. Думаю, будет не плохо. Тем более, что будут отдыхать и Рита с Колей весь сентябрь. Так что, Витенька, обязательно приезжайте. Обязательно.

Витенька, с ответом не задерживайся. Не заставляй меня мучиться в догадках. Дома всё по-старому. Я хлопочу по дому, И. А. работает на строительстве. Рита уехала, как тебе известно, в Ленинград.

Погода у нас тоже неважная. Часто идут дожди, но погода, как известно, изменяется. Надеемся, что сентябрь будет солнечный.

Витенька, прошу тебя, береги себя. Лучше питайся. Пока кончаю коротенькое своё письмецо.

Крепко целую тебя. Всего доброго, сыночка.

Твоя МАМА.

Привет от И. А. и знакомых.

С нетерпением жду ответа.

Письмо в Пензу и из Каменец-Подольского.

29.07.58 г. ЗДРАВСТВУЙ, МОЙ ВИТЁК!

Прости, что долго не отвечала, родной. Я так закружилась, что не хватило времени. А тебе большое спасибо за всё. Мне очень понравился Ленинград, правда, жаль, что мы были там мало (11 дней), а, ведь, за это время не увидишь ничего основного, а там есть что посмотреть. Уставали ужасно, но успели немного увидеть.

Была у Юлия. Видела его и Гелу. А в воскресенье приехала с дачи и тётя Катя. А потом увидела и ещё одну свою тётю – жену дяди Сергея.

Видишь, Витёк, не видела никого. А, вдруг, столько увидела своих родных. Вспоминали тебя, родной.

Витёк, мы ходили к Юлику с Колей. Я не знаю, какое впечатление произвёл на них он. С Юлием они не разговаривали много. Не видела я только их детей, так как не было времени съездить к ним на дачу.

Спасибо тебе за деньги. Я купила себе платье белое и босоножки белые. А Коле – костюм за 700 рублей. Вообще, деньги бежали очень быстро.

Дорогой Витёк! Сейчас я дома. Отдыхаю. Из Ленинграда выехала на день раньше. Так достали билеты. Коля сейчас в Лагерях, а после них будет сдавать гос. экзамен по военному делу, а там мы поженимся. И справим маленькую свадьбу. Нужно отметить этот день. Думаем, это будет в конце августа, а,

если экзамены задержаться, то в самом начале сентября. Относительно этого, мы ещё напишем тебе письмо.

А как поживаешь ты? Что у тебя нового? Когда ты пойдёшь в отпуск?

Пиши обо всём и скорей. Я тебе пишу на Москву это письмо, а, может быть, ты находишься сейчас в Пензе? Пиши о себе побольше. Ждём от тебя письма.

Мама вечно занята, даже во время отпуска.

Привет тебе от И. А., Коли, Иры.

Крепко целуем тебя.

Твои МАМА и СЕСТРА.

Письмо в Пензу из Каменец-Подольского.

13.08.58 г. ДОРОГОЙ ВИТЕНЬКА!

Спешу ответить тебе на твоё письмо. Свадьбу мы назначили на 6 сентября. Это, кажется, тебя устраивает. Очень и очень хочется, чтобы ты приехал. Я уверена, что, если у тебя получится, ты будешь.

Средства, конечно, нужны, но сколько же можно тянуть с тебя?

Приготовление у нас идёт туго. Пока лишь, побелили комнаты и начали красить полы.

Продуктов ещё не запасли. Сейчас начало учебного года, реорганизация школы, я очень, очень занята по школе и очень трудно. Волнуюсь, как оно получится. Это очень будет кстати, если ты кой-чего из продуктов и вин привезёшь. У нас в магазинах, кроме риса, ничего нет, и я тебе сообщу по телефону, но вполне полагаюсь и на тебя.

У нас дома всё по-старому. Рита дома, Коля до конца августа будет в лагере.

Рита написала тебе письмо в Москву, получил ли ты его?

Очень тороплюсь.

Будь здоров, Витенька, береги себя. Плохо, что ты потерял в весе. Боюсь, что ты успокаиваешь меня. Хочется видеть тебя.

Крепко, крепко целую тебя, Витенька.

Твоя МАМА.

Привет от И. А., Риты и знакомых.

ДОРОГОЙ МОЙ ВИТЁК!

Спасибо за письмо, которое принесло нам весточку о тебе. Правда, из него не очень ясно поймёшь о твоей жизни, хотя кое-что понять можно. Дорогой мой, спасибо за поздравление «без которого жить можно». Но, ведь все поздравляют друг друга с праздником. Так принято. И не будем исключением из людей.

О себе, Витёк, пиши больше и чаще, а мне сейчас особенно нужна поддержка и совет, а ты как раз на это мастер. А теперь, мой дорогой, опишу своё житьё-бытьё. После твоего отъезда и мы скоро поехали на учёбу. Жили в разных комнатах. Я на третьем, а Коля на втором этаже. Кстати, я живу в прошлогодней комнате и почти сплю на старом месте.

Надеюсь, ты не забыл, что я жила в 24 комнате. Через полмесяца комендант смилостивился над нами и дал

маленькую комнатку. И мы только пожили два дня, как он сказал, чтобы мы переселялись на старые свои места. Ничего не поделаешь, ведь, это не в наших силах. Будем жить так... Платить 200 рублей за квартиру у нас нет средств. Братишка. Занятия наши идут понемногу.

Витёк! К дипломной мы не приступали, хотя работать нужно (это только тебе). Коля не играет в преферанс. Не с кем. А фотографии твои мы вышлем, когда будем дома. Думаем на праздники поехать домой. Купили Коле пальто за 500 рублей и наши финансы запели романсы.

Витя, получил ли ты нашу посылочку? Прости, что ящик плохой. Негде достать в магазине нельзя, а на базаре маленький стоит 10 рублей, да ещё найди его. Это наш подарок тебе к праздникам.

Хоть будешь вспоминать нас чаще.

Витёк мой! Кофточку мне ещё не купили. Когда она будет, неизвестно.

А как продвигается выполнение твоих обещаний? А фото ты нам сделал? И маме пиши почаще. Хоть пару слов.

Витёк мой! Как мне хочется увидеть тебя и поговорить. В письме этого не напишешь. Ты не знаешь, родной, что будешь дядей. Нравится ли это? Мне не очень, т. к. припадает под Гос. экзамены. Посоветуй, что делать. Это проходит у меня плохо. Нужно много витаминов, ибо я очень слабая. Меня это приглушило сообщение, а к тому же у меня хронический аппендицит. Наверное, будет операция.

А я так боюсь болеть. Посоветуй, что делать? Мне страшно просто. Буду ждать ответа. Это только тебе. В следующий раз напишу о себе ещё.

А ты поскорей отвечай на все мои вопросы.

Крепко целуем тебя. КОЛЯ И РИТА.

Высылаю часть фотокарточек.

Письмо в Дзержинку из Каменец-Подольского.

19.11. 58 г. ДОРОГОЙ ВИТЕНЬКА!

Прости за долгое, долгое молчание. Были неприятности по дому с И. А. Его сняли с работы за аварии. Он не виноват.

Потом заболела. И вот уже вторую неделю болею. Завтра пойду на работу. Как ты поживаешь, мой сыночка? Что нового в твоей личной жизни? Так всё хочется знать! Я твоё письмо читала и перечитывала. Потом затеряла твой адрес. И вот, неожиданно, нашла. Такая стала, без памяти. Пиши, дорогой Витенька, хоть несколько строчек.

На Октябрьские праздники были Коля и Рита.

Живут они дружно. Но не везёт им. Рита забеременела. Это хорошо, но роды совпадают со вторым Гос. экзаменом. Во вторник у неё обострился хронический аппендицит. Нужна обязательно операция.

Представь, наша худенькая, болезненная Рита, за 7 месяцев должна сделать операцию, перенести роды, сдать экзамены, написать и защитить дипломную работу.

Аборт врач не рекомендует. Может потом не быть ребёнка, а они хотят детей. В общем, сегодня, они должны дать мне ответ с окончательным решением. Я не нахожу себе места.

Маленькие дети – маленькое горе, большие дети – большое горе. Чем ей помочь? Не могу ничего придумать.

Вот какие у нас новости. А в остальном всё идёт по старому.

Квартирантов не имеем, И. А. не работает. Целый месяц не ходил в техникум. На этой неделе снова пошёл. Топлива так и не запасли. Установили мне газ плиту.

Витенька, пиши мне. Я такая одинокая. А ты береги себя, лучше питайся.

Ты, наверное, знаешь, что Юля лежит в больнице. Екатерина Фёдоровна с ним.

Ермалюки молчат. Ну, всего хорошего.

Крепко целую тебя.

Твоя МАМА.

Привет от И. А. и знакомых.

Часть 19

О жизни бати и жени

Наша переписка с Батей была приведена в соответствующих частях моих воспоминаний. Здесь её продолжение уже в период начала моей работы в НИХТИ.

Виктору от Бати.

6.07.57 г.

ЗДРАВСТВУЙ!

(Этот день был первым днём моей работы).

Почему ты так долго не сообщаем, где и как ты устроился с работой и квартирой? Устраивает ли тебя работа? Как живёшь и твоё здоровье?

Шура и Женя поехали в Тулу и числа 10–12 будут в посёлке Фрезер у её (А.Л.) дяди, это у того, адрес которого я тебе сообщал: – «Пос. Фрезер, Ленинградская железная дорога. Профессорский тупик № 18. Хомяков». Если ты в Москве, то прошу тебя познакомиться Женю с Москвой. Он хотел с тобой увидеться. Я же сижу дома. Хозяйничаю.

Если тебя нет в Москве, то пусть товарищи по комнате сообщат твой адрес. Целую.

ПАПА

Брест – братишка Женя, Батя и сестра Марта (Рита)

Письмо в Брест Адамково ул. Добрая дом 1 кв 1.
г. Люберцы пос. Дзержинский Заводской тупик 1 кв 5
Бате от Виктора.

Здравствуй дорогой папа!

Пишу тебе первое письмо в первый день своей работы. Наконец, я устроился, и на некоторое время успокоюсь. В последние дни и месяцы у меня даже прервалась связь со всеми вами. И вот я прихожу в себя. Работаю на новом месте. Оклад маленький. Долгов у меня за эти 4 месяца огромные.

Но думаю теперь я постепенно в течении двух лет рассчитаюсь со всеми. И тогда заживу более или менее хорошо.

Живу в общежитии. Комната небольшая, а людей 4 человека. Работа не очень хорошая, но с этим приходится мириться.

Ездили мы в Ковров, но нас там не приняли хорошо: предложили самим снимать угол за 150 руб. до конца года, а потом уже, наверное, дали бы общежитие.

Ну, мы не согласились, вот и очутились здесь в этом месте.

От Москвы нас отделяет 3 руб. 35 копеек и 50 минут езды, а всего 28–30 км. Всё здесь есть, а чего нет, за тем можно съездить или в Люберцы или в Москву. Вот пока и всё о себе. Сам я здоров и жив, раз пишу. Погода у нас плохая: дождь идёт все время и сравнительно прохладно поэтому позагорать не пришлось. Сейчас вот отдыхаю и пишу всем письма. А дней через 5–8 буду ждать ответов на свои письма.

Как твоё здоровьё? Как ты живешь? Как здоровье Жени? Ты говорил, что он болен опять. Как он кончил школу? Сейчас он, наверное, рад отдыху.

В общем пиши обо всем, буду ждать от тебя письма. Передавай привет Жене от меня. Пусть он побольше бегает. Привет от меня Александре Лаврентьевне.

Привет соседям.

С приветом крепко – крепко целую.

Твой сын – Витя. 6 /VII – 57 г.

(Это первый день моей работы!!!)

Мой адрес телеграфный:

Люберцы поселок Дзержинский Заводской тупик 1
Дудко.

почтовый: г. Люберцы Московской обл. пос.
Дзержинский
Заводской тупик 1 кв. 5. Мне.

С этого времени ЖЕНЯ НАЧИНАЕТ В БАТИНЫХ ПИСЬМАХ ДЕЛАТЬ ПРИПИСКИ, А ПОТОМ ПИСАТЬ И САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА.

Письмо в Дзержинку.

Виктору от Бати.

10.09.57 г.

ВИТЯ, ЗДРАВСТВУЙ!

Письмо твоё получил, хотя и очень долго ждал. Однако, что меня интересовало, на то я не получил ответа, и у меня нет ясности о твоём положении в жизни и работе. Материальная обеспеченность, как ты живёшь материально. И ещё, что купил первое, на первую твою трудовую зарплату?

Женя мне говорил, что ты был в чужом костюме. А где же твой? Как ты обеспечен на зиму?

Как долго будешь жить в общежитии? Если я заеду случайно к тебе, то можно ли будет пробыть у тебя несколько дней?

Ты, конечно, не думай, что я спрашиваю у тебя в части экономии, из корыстных целей, нет. Ты был в

чужом костюме, то в чём дело? Не обворовали ли тебя, или всё продал, то как думаешь покупать?

Я считал, что ты посылку не получил, т. к. не было от тебя никакого известия. Тогда же посылали.

Сижу дома, смотрю за садом, и кормлю поросёнка. Вот моё занятие. К осени здоровье сильно ухудшается. Но я ж хожу, работаю по дому.

Посылали посылку и в Тулу. Дошла только половина яблок. Это меня и беспокоит немного.

Посылку яблок вышлю, но не раньше 16–17 числа. Ты же знаешь, что я не получаю «зарплаты», а Шура получает в указанные числа. После урагана немного осталось, но ещё вышлю тебе и Е. Ф. с Юлием, но туда легче. Передам с Марией, соседкой. Она ездит туда проводником.

Женя мне с восторгом говорил, что Витя не обогнал одного дядю (вероятно, это были соревнования на стадионе в посёлке, а дядя – Венгерский будущий зам. директора), а то был бы первым. Я, конечно, надеялся на то, что ты уделишь немного внимания, и покажешь ему хоть немного Москву.

В школу он пошёл с удовольствием, и приносит пятёрки и четвёрки. Зато ему не понравилось в пионерском лагере. Он же после приезда из Москвы поехал в пионерлагерь, в 15 км. от нас. За 22 дня был я у него 4 раза.

Дальнейшую твою учёбу одобряю. Нужно думать о поступлении в партию.

ЦЕЛУЮ – ТВОЙ БАТЬКА АНАТОЛИЙ.

Пиши. Буду ждать ответа. Привет товарищам твоим по квартире.

Привет от А. Л. и Жени, а также от соседей. Письмо по адресу: – «Г. Пенза. Ул. Фрунзе № 11. Кв. № 43 Кашициной А. Т. (Для Дудко В. А.)

Обратный адрес: – «Г. Брест. Адамково. Ул. Добрая № 1. Кв. 1.

Дудко Евгению».

Виктору от Бати и Жени.

19.10.57 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ВИТЯ!

Мы живём хорошо. Я учусь хорошо. Как у тебя? Папа поедет не известно когда. У нас хорошая погода Я перешел во второй класс «Б». У нас карантин.

Скоро я поеду в детский санаторий – «ЧЕНКИ», в Гомеле. Когда приехать примерно к тебе, сообщи. Если я приеду один, встретишь ли ты меня? Будь за меня спокоен. Передай привет от меня Саше Смирнову. Вот пока и всё. Целую тебя.

ЖЕНЯ.

Р. S. Папа ездил в лес и убил 2 куропатки, и привёз живой рыбы.

Письмо продолжает БАТЯ.

ВИТЯ, ЗДРАВСТВУЙ!

Почти все новости описал Женя. Мне остаётся только то сообщить, что я всё-таки приеду и не потому,

что мне «очень необходимо», а потому, что я всё-таки собираюсь побыть у Высокого начальства по вопросу выхода на пенсию. Ты же пишешь:

– «Если тебе очень необходимо». Это что значит?

Конечно, если бы у меня было где остановиться, то я не беспокоил бы тебя, тем более, что это может отразиться на твоём бюджете. А мне всё таки очень необходимо выйти на пенсию с тем, чтобы в мыслях, а тем более, в письмах не было таких предупреждений.

Вчера получил письмо из КГБ гор. Ташкента, в котором они пишут, что независимо от того, состоял ли или не состоял на воинском учёте, когда служил в ГПУ, стаж этой службы засчитывается в службу в Армии. Теперь подожду ещё несколько дней ответ от брата из Ташкента.

Возможно, приеду до 1-го, или несколько позже.

25-го везу Женю в детский санаторий «ЧЕНКИ», в городе Гомеле, на 2 месяца. Дали путёвку бесплатную, может быть, хоть немного поправится. Дома на 450 рублей жить тяжеловато втроём. Возможно, выйду на пенсию, то и ему будет лучше.

Здоровье моё с наступлением осени стало значительно лучше.

Дома занимаюсь с Женей, огородами, да ещё и поросёнком, хотим к новому году иметь своё сало и мясо.

Вот и всё, привет от А. Л. и соседей. Целую.
ПАПА АНАТОЛИЙ.

Брест. Адамково. Добрая 1 Дудко.

Письмо в Пензу по адресу: – Г. Пенза – 6. Ул. Фрунзе 11.
Кв. 43. Кашициной А. Т. (для Дудко В. А.) из Бреста.

Виктору от Бати.

21.11.57 г.

ВИТЯ, ЗДРАВСТВУЙ!

Ты меня извини за обиду, однако, я твоё выражение понял, как предупреждение. Причин к тому, что я стал раздражительный очень много; домашние некоторые неурядицы, твоё тяжелое положение, и я не могу ничем тебе помочь, да ещё имел приехать к тебе, самая же главная, это то, что я не могу никак добиться пенсию. Поездка моя в Москву связана с пенсией. Я имел сходить в Центр Фин управления. Если ничего не выйдет, дойти в ЦК или к Ворошилову, или к Министру обороны. К кому быстрее удастся. С Ташкента получил ещё один документ, но я просил брата Андрея попытаться получить более веские для меня документы, но он уже больше месяца молчит. Вчера ещё послал ему письмо, напомнил.

Что он напишет, возможно в начале декабря приеду в Москву.

Шура предлагает ехать, когда забьём поросёнка, чтобы со своим салом ехать в Столицу. Но это будет в январе следующего года.

Во всяком случае, ответ брата решит вопрос времени поездки к тебе.

Вот такие мои дела. Женя в Гомеле, в детском

санатории – «ЧЕНКИ». Пишет, что набрал вес 1 кг.600 гр. Там же и учится. Отметки – пятёрки.

Здоровье моё не плохое, но желательно, чтобы оно было лучшим.

У нас хорошая осень, были дожди дня 3–4, а остальное время сухо. Только сегодня 2 гр. мороза, снега нет.

Привет от Жени. А.Л, соседей. Крепко целую.
Твой ПАПА АНАТОЛИЙ.

Письмо в Брест Адамково ул. Добрая дом 1 кв 1.
г. Люберцы Московской обл. Дзержинский
п/о Кооперативный проезд 2 кв 4
Бате от Виктора.

Здравствуй дорогой папа!

Как все-таки редко мы пишем друг другу маленькие письма. Ты что-то стал очень раздражительным и обидчивым, хотя особенно не на что обижаться. Я понимаю как тебе сейчас тяжело. Да, и словом делу не поможешь. А сейчас уже надо жить, и стараться жить как можно лучше. Я ждал, что ты приедешь в Москву. Но до сих пор ты не приехал.

Я приехал из Пензы 3 декабря и теперь здесь.

Скоро, наверное, поеду в командировку в Пензу снова. Это будет числа 10–15 января или позже.

Живу я по-прежнему: не очень хорошо, но и не плохо. Здоровье у меня не важное. Всё время болят уши. Работа, как тебе известно, мне не нравится и я думаю рано или поздно уйти отсюда. Да к тому же

платят здесь не важно, а на повышение зарплаты в ближайшее время надеется не приходится (в течении 4–5 лет).

Как обстоит дело со здоровьем? Чем ты сейчас занимаешься?

Приехал ли Женя из Гомеля? Как его здоровье? Поправился ли он там? Как его дела в школе?

По-прежнему ли он учиться на 5? Хочет ли он заниматься музыкой? Если к этому стремление и не будет мешать учёбе, пусть занимается именно сейчас.

Здесь думают, что Женя – это мой сын и весь посёлок в этом уверен. Но это не важно.

Сейчас я переехал в другую комнату и в другое место. Это рядом с автобусной остановкой. В комнате нас 4: Саша, я и ещё два инженера с нашей лаборатории грузин и армянин. В комнате весело, имеется приёмник и магнитофон, принадлежащие Ване. Живу в пристройке монастыря. Жилищу 350 лет. Сейчас у нас оттепель. Сыро и не холодно.

Написал Юлию письмо, но он почему-то не ответил на него.

Письмо это придет к 1-му поэтому – Поздравляю вас всех с наступающим Новым Годом желаю всем здоровья счастья, успехов в работе и учёбе. Думаю, что в Новом году будет жить намного легче и лучше.

Привет А. Л. от меня.

Думаю, что летом можно будет послать на месяц Женю ко мне. Он отдохнет, и посмотрит Москву.

Пиши, буду ждать ответа.

Привет и поздравления от меня соседям.

Крепко – крепко целую.

Твой сын – Виктор.

24.11. – 57 г.

Новый адрес на конверте.

Письмо в Дзержинку из Бреста.

Виктору от Бати.

28.12.57 г.

ВИТЯ, ЗДРАВСТВУЙ!

Поздравляю тебя с Новым 1958 годом, желаю успеха в учёбе, физкультуре, а, главное, в твоей работе. Ты же ездил осваивать новую работу, и как успехи на новом поприще?

На моё письмо ты не ответил. Однако, я решил тебя поздравить с Новым Годом. Мы живём по-старому. Вчера приехал Женя из санатория. Всприбавил 3 г., а здоровье не завидное. Сегодня пошел в школу, и вечером скажет об успехах.

Погода у нас переменная, то была – 15, а потом +3, то снег идёт или дождь, а такая погода плохо отражается на моём здоровье. Вот уже месяц хожу на процедуры. Всё же немного помогает, несколько уменьшаются боли.

В Москву всё же думаю ехать, вот подлечусь, и справлюсь с домашними делами, и тогда поеду.

Мало надежды, однако, есть некоторые небольшие надежды.

Привет от Жени и А. Л. и соседей.

Крепко целую.
ПАПА АНАТОЛИЙ.

В письме приписка Жениной рукой.

Витя, здравствуй!

Как ты живёшь? Мы живём хорошо. Я учусь хорошо.
Витя, я в каникулы к тебе приеду летом.

Витя, поздравляю тебя с Новым 1 9 5 8–ым Годом!
ЖЕНЯ.

Письма 1 9 5 8 года

Письмо в Брест из Пензы, 6, до востребования
Бате от Виктора.

27/1–58 г.

Здравствуй дорогой папа!

Твои открытки получил. Мне не ясно, почему ты просто не приезжал. Я тебя бы встретил в любой день и в любое время. А сейчас я не могу тебя встретить, ибо надолго уехал в Пензу. Но я буду каждый месяц приезжать в Москву дня на 2–3. Так что ты можешь приехать в один из таки приездов. Ближайший день, когда я приеду в Москву, будет 21 февраля, часто 4 дня. А уеду 24. А потом снова через месяц. Так что можешь выбирать, когда приехать.

Сюда я только недавно приехал. Будем здесь работать. Жизнь здесь очень плохая во всех отношениях. Как не хочется здесь быть. Вот в основном

все мои новости. Пиши как у тебя дома? Чем занимаешься? Как там поживает Женя? Жаль этим летом я не буду в Москве, а то можно было его взять ко мне. Как он себя чувствует после санатория? Как занимается? Пусть напишет пару строчек, но пока конверт пусть не подписывает!

Пиши. Буду ждать ответа. Передавай привет А. Л.!

Привет от меня соседям. С приветом крепко – крепко целую.

Твой – ВИТЯ.

P. S. Мой адрес: Пенза 6-ое почтовое отделение до востребования мне.

Витя.

Однажды мой отец приезжал в Москву по вопросу оформления военной пенсии. Я в это время был в командировке в Пензе. Поэтому Батю устроили в общежитие мои друзья – Саша Смирнов и Ваню Салогян.

Письмо в Брест из Пензы, 6, до востребования
Бате от Виктора.
23.04.58 г.

Здравствуй дорогой папа!

Очень рад за тебя: так во время и так хорошо всё получилось. Надеюсь, что сейчас ты пенсию уже получаешь. Думаю, что поехав домой, ты, конечно, привёз Жене какой-нибудь подарок. Как ты сейчас поживаешь? Как здоровье? Всё время, наверное,

работаешь в саду. Как живет Женя? Как его здоровье?

Учеба всё – также, надеюсь, идёт хорошо и даже отлично? Как, вообще, твое самочувствие, после столь долгого, трудного и кропотливого и изматывающего все нервы, труда в Москве. Ты мне обо всем черкнул так кратко, что многого я и не знаю.

Большое спасибо за заботу обо мне. Деньги я Саше верну в посёлке, так что об этом не беспокойся.

Пользуюсь случаем: поздравляю вас всех с наступающим праздником 1-ое мая и пожелать всем здоровья и успехов в жизни. А Жене учиться ещё лучше.

Живу здесь по-старому. Собираюсь скоро домой. Поеду в Москву 26. Буду в Москве, наверное, до 5 мая. Вот пока и всё.

Пиши, буду ждать ответа Привет А. Л. Привет от меня соседям.

Женю можно поцеловать за меня. С приветом, крепко – крепко целую.

Твой сын – Витя.

23/IV – 58 г.

Письмо в Дзержинку из Бреста.

Виктору от Бати.

23.07.58 г.

ВИТЯ, ЗДРАВСТВУЙ!

За последнее время я что-то, действительно стал мало писать письма, не ответил тебе и дяде Пете во Фрунзе. Я даже не могу оправдать своё долгое

молчание. Может быть, прошел острый момент в необходимости писать письма, а они в своё время поддерживали морально в той борьбе, которую я вёл в течении 2,5 лет за своё, хотя и скудное существование. Ты же знаешь, что не напрасно затрачено время. Я вышел на самую малую пенсию – 570 рублей в месяц, и теперь могу жить, хоть и не так, как надо.

Ты просил подробно описать, как был решен мой вопрос? Я прошу тебя на этом не настаивать, а приедешь, у меня сохранились кое-какие записи тех дней, прочтёшь, да и расскажу.

Коротко, это так. Дозвонился я до генерала после твоего отъезда, тот не был даже знаком с моим делом, и просил меня подождать у телефона, и через 10–15 минут сказал, что завтра, т. е. 2-го апреля будет рассмотрено моё дело на заседании комиссии. Я прибыл туда, получил пропуска и нашел место, где заседает комиссия. Передо мной разобрали три дела и всем отказали. Моё дело – последним докладывал полковник Тимашев, после доклада заявил, что можно рассмотреть вне моего присутствия. Генерал Векшин, это который мне отказал, подтверждает так же. Однако, генерал Лобода, председатель комиссии, распорядился пригласить меня. И вот, посыпались вопросы, а комиссия – 9 человек. Отвечал на все.

Тимашев хочет уточнить, что, может быть, за счёт войны, или неправильного подсчёта выслуги, можно что-нибудь натянуть. Но это отпадает. Тимашев и Векшин – два оппонента, и сильных – выступают

против. Они просят фото времён службы в ГПУ в форме, это то, что я вас просил с Ритой прислать. Дело клонится к отказу, к чему я и приготовился. Но Лобода потребовал от Векшина приказы и сам ознакомился с ними. Потом кое-что уточнил, а потом спрашивает, сколько мне лет. Я ответил, что 4.04. будет 50. Потом он говорит, что т. Дудко службу в ГПУ засчитываем службой в армии.

Это меня ошеломило. Я переспросил, не веря сказанному. Он повторил, после чего, я вышел, позабыв даже поблагодарить (растерялся).

На следующий день я взял у Саши 200 рублей и выехал в город что-нибудь купить Жене, и взять билет. Билет взял. Купил Жене от тебя туфли, тубетейку, игрушки, носки, себе две рубашки по 64 рубля. И зашел к Векшину попросить денег в счёт пенсии. Однако, он мне отказал, но дал на дорогу 200 рублей, и это хорошо.

Здесь он, как бы оправдываясь, заявил, что это второй случай зачёта службы в ГПУ за службу в армии, за всё время существования комиссии.

Я поехал домой, правда, 4-го Ваню и Саша приняли участие в дне моего рождения. Мы выпили один литр водки, 1 бутылку шампанского и пиво.

Им большое спасибо за моральную поддержку. На тебя, я, конечно, не сержусь, да и за что?

Передавай привет всем ребятам, девушкам и особенно, машинистке. Работникам сберкассы – Вале, Сашиной девушке и ему, безусловно, Ваню, Надару.

Пусть они извинят меня за стеснение их, когда я был

там.

Женя закончил год с отличием, отдыхал месяц в пионерлагере, теперь дома катается на велосипеде – Орлёнок, который получил в подарок за учёбу.

Ты спрашиваешь насчёт урожая. Яблок будет много, т. е. есть их много. К твоему приезду созреют, груши и сливы есть, а вишня вся опала, набрали её кг. – 4 и всё. Весь огород вымок. Шли 20 дней проливные дожди, даже одна яблоня желтеет.

Вот такие домашние дела. Пиши, когда тебя ждать в отпуск? А то я держу один окорок к твоему приезду.

Рите написал письмо, что бы едуци, в Ленинград, забежала ко мне на пару дней, но она не заехала, и ничего не ответила. В подарок ей к свадьбе, я считаю, нужно купить: одеяло верблюжье, шерстяное, китайское, красивое, 280–300 рублей. Помнишь, я тебе показывал? Ещё хороший материал на платье, хорошие туфли, если бы было, то пары две белья хорошего. Вернее, она сама должна тебе написать, в чём больше нуждается.

Я хорошо поправился внешне. Но беспокоит радикулит, а не так давно – приступ сердца. Долго не хотелось идти в поликлинику, и вот сейчас лечусь, признают склероз сердца.

Витя, если будет время, то попрошу купить мне бельё, которое помогает при радикулите и ревматизме. Адрес магазина прилагаю. Вот и всё. Жду письма, да и самого тебя. Приезжай, Целуем.

ПАПА АНАТОЛИЙ И БРАТ ЖЕНЯ.

Витя! Я прочитал в Огоньке № 21 за май с/года сообщается, что в магазине № 113 по улице Горького продаётся лечебное бельё трикотажное из хлоринового волокна. Если нет в этом магазине, то спроси, где оно есть?

Соседу дочь купила, и привезла. Это, конечно, если есть.

Твой ПАПА АНАТОЛИЙ.

В письме приписка Жениной рукой.

Витя! Купи мне брюки длинные, размер 34, – стоимостью до 100 рублей.

ЖЕНЯ.

Письмо по адресу: – «Московская область. Г. Люберцы. Пос. Дзержинского. Заводской тупик № 1. Кв.5.

Дудко Виктору Анатольевичу» из Бреста.

Виктору от Бати.

15.08.58 г.

ВИТЯ, ЗДРАВСТВУЙ!

Получил твоё письмо. За что благодарю. Ты, наверное, уже получил моё письмо, посланное в Москву.

Я на тебя не сержусь, и не собирался сердиться, не за что. Ко мне заезжай обязательно. Мы с Женей, наверное, соберём посылку яблок и пошлём в Москву, тебе. Слать будем в понедельник или вторник. Если бы знать, когда ты получишь отпуск, то можно было бы послать его – Женю к тебе, чтобы показать ему Москву.

Это связано с тем, чтобы его встретить в Москве, а с ним можно было бы послать и чемодан яблок для Вас. Это уже зависит от тебя. Если сможешь сделать, то можно было бы послать его.

Что купить Рите, я уже написал. Будешь ехать, то телеграфируй.

Адрес дяди Серёжи: – «Г. Фрунзе. Ул. Логвиненко 23 – А»

Будь здоров. Буду ждать. Привет от всех. Целую
ПАПА.

Мы отошли к городу, не удивляйся новому адресу.
Привет.

ЖЕНЯ. ПАПА.

ПИСЬМО в Дзержинку из Бреста. В Бресте новый адрес:
«Г. Брест. Адамково. Ул. Медовая 3. Дудко А. Е.»

Виктору от Бати

16.08. 58 г.

ВИТЯ, ЗДРАВСТВУЙ!

Твоё письмо мы получили, за что благодарим, но с ответом задержались, потому, надеялись, что ты получил уже наше письмо, высланное в Москву.

Женя хотел бы поехать к тебе, чтобы посмотреть Москву, если у тебя будет свободное время или отпуск, а потом вместе с ним приехать к нам.

Яблок у нас очень много и на рынке цена от 1 руб. до 5 рублей за кг.

А мы падалью кормим хрю-хрю. Во всяком случае,

на посылку наберём хороших, правда, червивых очень много.

Живём мы по-старому. Я вожусь с садом.

Женя гуляет и кормит своих кролят. Получишь отпуск, заедешь ко мне, а потом на свадьбу.

Если можно ехать Жене, то напиши, и ты обязательно встретишь его.

Адрес дяди Серёжи – Фрунзе. Ул. Логвиненко 23 – А.

Вот и всё. Будь здоров. Целуем.

ПАПА АНАТОЛИЙ И ЖЕНЯ.

Привет от всех и соседей. Пиши. Будем ждать ответ.

ПАПА.

Женя написал:

18-ое, с тем, что раньше дойдёт, не удивляйтесь.

ПАПА.

В письме приписано Жениной рукой.

ВИТЯ, ЗДРАВСТВУЙ! Мы живём хорошо. Я хочу приехать к тебе в Москву. У нас есть кролики. Их 6. Одна старая и 5 молодых.

Твой БРАТ ЖЕНЯ.

Письмо в Брест Адамково ул. Медовая дом 3 кв 1.

г. Люберцы, Моск. обл., п. Дзержинского Кооперативный проезд 2 кв 4

Бате от Виктора.

ЗДРАВСТВУЙ, ДОРОГОЙ ПАПА!

Пишу тебе небольшое письмо. После твоего отъезда никаких перемен в моей жизни не произошло. Не знаю, чего и писать. Ты все в основном знаешь. Работа двигается вперед, стычки иногда бывают.

Сейчас нас часто посылают на свежий воздух проветриться – роют канавы за счет рабочего времени и оцениваем каждый кусок земли. Кусок земли весом в 3–4 кг обходиться государству в 3–4 руб. Здоровье мое хорошее, питаюсь хорошо. В основном зарплата идет только на питание. Занимаюсь языком и политикой.

Как ты сейчас живешь? Как твоё здоровье?

Как поживает Женя? Я думаю к Новому году сообразить подарок – конструктор. Как ты смотришь на это дело. Чем ты сейчас занимаешься? Вот пока и всё. Мне сейчас никто не пишет. Поэтому я так долго молчал. Пиши мне сразу. Как учится Женя.

Передавай ему привет и скажи, что если он отлично кончит учебу, то я возьму его сюда на лето. Ну кончаю. Передавай привет А. Л. а также соседям.

Вот, пока и всё.

С приветом, крепко – крепко целую. Пиши. Жду.

Твой сын – Витя. 6.12. – 58 г.

Письмо в Дзержинку из Бреста.

Виктору от Бати.

8.12. 58 г.

ВИТЯ, ЗДРАВСТВУЙ!

Письма от тебя, конечно, нечего ждать, ты, может быть, вышлешь ответ?

Как только приехал тогда, так и повалила меня сильнейшая ангина, провалялся три дня, а потом поправился. Вчера был сильнейший приступ или сердечный или грудная жаба. Это уже 4-ый и очень неприятный. Женя и тот испугался. Но ничего, всё прошло.

Ездил ли Саша в отпуск к мамаше и сестре в Вятку или нет?

Зима вступила в свои права, лежит снег и Женя требует коньки – норвежки с ботинками. В учёбе подтягивается.

Е. Ф. сообщила, что Юлию немного лучше, он лежит в больнице. Привет всем ребятам. Ваню, наверное, уже получил квартиру.

Привет от Жени и соседей. С приветом. Целую.
ПАПА АНАТОЛИЙ.

Будешь у Лии, привет ей и семье её.

Письмо в Дзержинку из Бреста.

Виктору от Жени и Бати.

29.12.58 г.

ВИТЯ, ЗДРАВСТВУЙ!

Поздравляю тебя с Новым Годом! Желаю счастья. Бандероль пришла. Дела у меня хорошие. Думаю выиграть Волгу. За конструктор спасибо самое большое.

Отметки во 2-ой четверти:

Письмо – 5

Арифметика – 5

Чтение, ещё не знаю, что будет. Вот и всё.

ЖЕНЯ.

Письмо дописывал БАТЯ.

ВИТЯ!

Поздравляю ещё раз с Новым Годом, передай мои поздравления всем товарищам по комнате и знакомым. Конструктор не нужен был, т. к. он будет отрывать его от учёбы, но факт совершён.

Ты видишь, как он хочет выиграть Волгу и ехать к тебе на ней.

Живём мы не плохо, но и не хорошо. Будь здоров и счастлив.

Целуем.

ПАПА АНАТОЛИЙ.

Послесловие

В этом месте приостанавливаем рассказ о жизни Вити Дудко, так как в 1958 году в поле зрения Виктора появилась – Я – ИРАИДА...

И в последующих Главах нашего повествования уже нужно рассказывать о жите бытье не только Виктора Анатольевича, но и о нас двоих.

А поскольку я застряла в его жизни уже почти на 60 лет, то речь пойдёт о нашей семье и детях.

Причём в нашей саге – «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ НАШЕЙ ЖИЗНИ», начиная с 1959 года – каждая очередная Глава включает в себе воспоминание одного года жизни семьи Дудко, сначала в СССР, а потом и в следующем ХХI веке...

25 сентября 2–18 года Виктор Дудко после тяжелой болезни умер.

Уже после его смерти я приняла решение опубликовать эту, написанную нами ещё при его жизни – первую из серии книг семейной саги – «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ НАШИХ ЖИЗНЕЙ», которую назвали – «ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ВИКТОРА АНАТОЛЬЕВИЧА ДУДКО».

И когда я написала уже ПОСЛЕСЛОВИЕ к этой книге, у меня возникло жгучее желание добавить третью главу – о встрече выпускников МАИ, группы АП-1–4 1957 года – 60 лет спустя.

Что я и делаю...

Глава 3

Спустя 60 лет

Часть 1

Гарик Белик

Встреча выпускников МАИ – через 60 лет состоялась в 2017 году, и воспоминания об этой встрече были написаны ещё самим Виктором Дудко.

Из всей нашей большой и дружной группы АП-4 выпуска 1957 года осталось в живых на сегодняшний день всего 7 человек. Группа организовывала встречи сначала каждый год. Потом – реже. И вот 12 марта 2017 года на встречу собрались 6 человек (ещё одна однокурсница приехать не смогла).

Договорились о том, что эта встреча – последняя. Уже трудно многим передвигаться активно, так как почти всем уже перевалило за 80 лет. А самому старшему из нас, Гарику Белику, исполнился 91 год.

Игорь Белик – ветеран и изобретатель

На нашу последнюю встречу в этом 2017 году Гарик привёз несколько листочков со своими фотографиями. Копии

скорее всего он делал сам, так как они были бледными и не чёткими.

Свой рассказ об этой нашей встрече я начину именно с Гарика и его снимков.

Гарик успел повоевать, с 1943-го и до Победы летая борт-механиком на Ла-5. Домой вернулся с боевыми наградами. Сейчас у нашего друга здоровье подкачало. Гарику вместе с женой предоставили место в пансионате для ветеранов в Коньково, куда они и переехали 28 марта. Эта наша последняя встреча была организована по просьбе Гарика.

Поэтому я начну эту главу с его снимков, которые он привёз на последнюю встречу с нами.

От встречи к встрече изменялся внешний вид каждого из нас – приезжающих. Появлялись на лицах морщины, у мужчин седина или лысины. Изменялась походка. Не заметили, как настала пора, когда многие стали при ходьбе пользоваться палочками...

Вот и у Гарика настало время, когда здоровье стало требовать посторонней помощи во всем. Он уже с трудом может написать несколько строк. Плохо слышит... Об остальном не стоит и говорить.

Первый снимок близких родственников Гарик сделал на половине обычного листка бумаги.

Над верхним рядом лиц надписал:

Отец, Дина, Слава, Дедушка, Вовка (погиб в 1943 г.),
мамочка.

Сбоку от фотографии, на том же листочке написано:

В 1919 мама в Гуляй-Поле дружила с женой Нестора Махно и добывала информацию для мужа – большевика, а в 1943 спасала смертельно раненного сына – Вовку в госпитале на фронте под Вязьмой.

Над приведенной ниже следующей фотографии сделаны

надписи:

Слева – Белик Владимир Григорьевич
1922–1947

Справа – Белик Игорь Григорьевич
1926 – ещё жив

А под фотографиями написано:

Слева: Смертельно ранен в 1943, умер в госпитале в
1947 г.

Справа: Бортмеханик Ла-5, лётчик По-2.

Справа: Бортмеханик Ла-5, лётчик По-2.

Над этими фотографиями Гарик надписал:

Слева – Бортмеханик самолёта 1943–45 годы

Справа – Авиационное училище 1946–47 годы

Но больше всего нас потрясла фотография памятника на могиле Даниловского кладбища.

БЕЛИК

ФОНЯ ЛЕОНТЬЕВИЧ
1860 - 1941

ДИНА ГРИГОРЬЕВНА
1924 - 1958

1926 ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВИЧ 20
КОНСТРУКТОР-ИЗОБРЕТАТЕЛЬ
СПАСАЛ БРАТЬЕВ НАШИХ МЕНЬШИХ

*Любимый Дедушка ЕСМЬ ЗДЕСЬ и ШАМ
И чтобы БЫТЬ С ЮСМ ЗДЕСЬ И ШАМ*

Под снимком памятника Гарик написал:

Любимый Дедушка ЕСМЬ ЗДЕСЬ И ТАМ
И чтобы БЫТЬ С НИМ ЗДЕСЬ И ТАМ
ПАМЯТНИК ЕМУ БУДЕТ И МОИМ (2018)

Даниловское кладбище

А на самом памятнике уже выбито имя Гарика:

1926 ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВИЧ 20..
КОНСТРУКТОР – ИЗОБРЕТАТЕЛЬ
СПАСАЛ БРАТЬЕВ НАШИХ МЕНЬШИХ

Гарик с женой – Прасковьей

Эта фотография была переснята на отдельную четвертушку листа бумаги и аккуратно вырезана. На обратной стороне снимка написано: – «Единомышленникам Ирочке + Виктору от Гарика + Прасковьи. С НИМ в разведку я пошел бы – знаю 66 лет.)

Гарик написал – 66 лет. Это с учётом года поступления нашего в МАИ. А со дня окончания, в эту последнюю встречу – мы отмечали – 60-и летний юбилей.

Верная жена – Прасковья, которая в последнее время была его руками, глазами, ушами, тоже состарилась. Уже и ей теперь требуется поддержка и чужая помощь. И вот настал момент, когда Гарик и Прасковья приняли решение – оставить родной дом и перейти на последние годы жизни в пансионат для пожилых людей.

Но Гарик почему-то внушил себе, что, переезжая в пансионат, он больше уже никогда никого не увидит. Родные, естественно, будут его навещать. А вот как же попрощаться с однокашниками? Ведь его прежняя жизнь всегда включала в себя «вечное» ожидание – ожидание встречи с нами, друзьями из группы АП-4.

И вот Гарик проявил инициативу. Обзвонил лично всех и попросил организовать срочный сбор. Сказал, что хочет

попрощаться со всеми нами. Каждого обнять, поцеловать, сказать всем прощальные слова...

На последней полу страничке своих подаренных нам снимков Гарик оставил записанные размышления...

**МЫ И НАША ЖИЗНЬ-МИГ – УДИВИТЕЛЬНЫ,
НЕПОВТОРИМЫ, КОНЕЧНЫ И ПРЕКРАСНЫ!!**

**(ТАКОЕ ЧУДО БЕЗ СОЗДАТЕЛЯ ВСЕГО – БЫТЬ
НЕ МОЖЕТ.)**

РАЗМЫШЛЕНИЯ

ЧЕЛОВЕК. Жестокость и несправедливость
НОМОСАПИЕНС (Врожденные и Приобретённые)
Постоянны и Неизменны! Тысячелетия «колотим»
друг друга

Слава Богу Придумали Ядерное Сдерживание, а
Придумать как Остановить Непрерывное – Рукотворное
Уничтожение Фауны и Флоры (Животных, Землю и
Воду) Не получается!

Рукотворец НОМО Полагает неисчерпаемость Всего
Как Полагали Наши Пещерные Предки.

НАУКА. От Геоцентрического Мироздания
(Птоломей) до Мега Галактик – 2000 лет.
Электрон, Протон, Нейтрон... Бозон, Большой Взрыв,
Гравитационная субстанция, Чёрные дыры, Тёмная
Материя и Энергия, Геном и Загадка Жизни, Для Чего
мы И Одни ли... (открытия и гипотезы) за 100 лет.

Природа Божественна!

Великий Эйнштейн сразу не принял Квантовую теорию (полагал Бог в кости не играет) и сожалел соучастию в Атомном Джине.

Знание – Основа Бытия, а рулят им (Знанием) не всегда во Благо.

ФИНАЛ. Жизнь прошла не напрасно, к чему стремился, добивался, удачно выбрал свою колею, никого не подрезал и помогал другим найти свою колею, но за Всё Это надо Платить и Пахать.

И я – Пахал!

Покидая Бренный Мир тело тленно, а Память и Душа нетленны и будут Страдать или Возрадуются смотря ЧТО ТЫ ИМ ОСТАВИЛ после себя.

Белик Игорь Григорьевич – 2017 год

Виктору от Гарика

Часть 2

Едем

А теперь я перехожу к рассказу об этой нашей последней встрече – ещё живущей на этой грешной земле шестёрке бывших выпускников МАИ в 1957 году, группы АП – 1–4.

На эту встречу все собрались на квартире нашей младшей сокурсницы, которая живёт в Раменском под Москвой. Мужской состав: Гарик Белик, Боря Филин и я, Виктор Дудко. Женщины: Лариса Платонова, Регина Иванькова и Валя Почивалина (хозяйка встречи).

Боря Филин, Лариса и Регина договорились ехать электричкой с Казанского вокзала. Сам я со своими после операционными историями уже, считай, не выездной. Решили, что меня повезут на машине дочь Стэлла с зятем Сашей.

Спросили у Гарика: как он поедет, один? Встретится с остальными? Где?

Он ответил:

– Я давно не был на вокзалах, боюсь – потеряюсь. Мне сказали, что удобно ехать до «Выхино», потом пересесть на электричку, доехать за 40 минут до остановки "47-й км" и затем – 15–20 минут пешком до её дома.

Когда положили телефонную трубку, Стэлла спросила: а сколько ему лет и где он живёт? А живёт он в Беляево. И

ему – 91 год...

Стэлла ахнула, потом они с Сашей стали что-то опять выяснять по картам и навигатору. И наконец вынесли вердикт, который и объявили Гарику.

От «Беляево» – прямая ветка на метро до «Медведково». Наша компания поедет на машине по окружной дороге, заедет в Москву, «Медведково» – рядом, подберут в метро Гарика, и мы поедем уже все вместе в Раменское.

Как обрадовался Гарик, когда ему предложили этот вариант:

– Милые мои! Я так счастлив! Я же знаю, где это – Медведково. Я там лет 15 назад лежал в больнице. Меня вернули с того света и подарили вторую жизнь. А сейчас вы дарите мне – третью. Я бы, конечно, всё равно доехал, долетел! Я так рад. Я не опоздаю. Я приеду заранее.

...Когда Стэлла спустилась по эскалатору вниз, она увидела на противоположном конце зала топтавшегося на месте старичка. Чтобы он догадался о том, что приехали за ним, Стэлла пошла в его направлении, широко раскинув руки, как бы приглашая в объятия...

Он увидел... Он понял... И – побежал, семеня ногами, ей навстречу. Он кинулся обнимать её и повис у неё на руках. Так она, практически на себе и дотащила его до машины.

Часть 3

Последняя встреча

Виктор и Гарик ведут друг друга к подъезду, где состоится эта последняя встреча

Стэлла с Сашей довезли меня и Гарика с комфортом. Сами они пошли искать свободное мест около дома, чтобы поставить машину, а я с Гариком потихонечку потопали к подъезду дома.

И вот мы в гостях, опять все вместе. Забывается, что прошло 60 лет со дня окончания института. Прикосновения рук, неожиданные слёзы на глазах. А ещё говорят, что невозможно вернуться в прошлое. В эту минуту мы были там. И перед тем, как садиться за стол, сфотографировались на память.

**Борис Филин, Лариса Платонова, Виктор Дудко,
Регина Иванькова, Валя Почивалина и Гарик Белик**

Оказалось – мы приехали первыми. Стэлла сразу же отправилась на кухню – помогать Вале (хозяйке дома) с закусками для стола.

Вскоре приехали остальные гости, добравшиеся обычным транспортом – метро и электричками.

Первым, раздевшись, вошел в комнату – Борис Филин. А женщины, конечно сразу же пошли к зеркалу в туалет прихорашиваться.

Виктор Дудко и Борис Филин

Я знал, что придет Лариса. Ну Вы все конечно помните – опубликованную во второй главе этой книги нашу переписку, которой мы обменивались в течении трёх лет нашей учёбы в МАИ.

Конечно, я волновался. Надеюсь – и она тоже.

И вот она вошла...

Я вручил ей букетик мимозы.

Конечно букетики покупала Стэлла и не только для Ларисы. Они были привезены для всех женщин. Но так уж получилось, что Лариса вошла первой и именно ей я вручил букет, когда других женщин в комнате ещё не было. Я даже не подумал о том, что немного стеснялся. Но как-то так получилось, что вручая букет, я задержал её руки в своих и мы на несколько секунд – замерли, не произнося слов приветствия. Мы просто молча смотрели глаза в глаза. И казалось – не было этих прошедших 60-и лет. Она была так же молода и прекрасна.

Нашу растерянность прервала Валюша, входившая в комнату с тарелками в руках...

Вскоре все дружно разместились за праздничным столом.

Как бывает обычно – после первого тоста наступила тишина. Добирались до Ваюшиного дома в Раменском долго, а потому – все проголодались и теперь с удовольствием главное внимание было уделено – закускам и горячительным напиткам.

Валя Почивалина – по выражению лица – она довольна гостями и их похвалам в адрес её кулинарных способностей. Не зря старалась – всё получилось отлично.

Ка всегда бывает в первые минуты, когда все приехавшие гости, наконец усядутся за празднично накрытом столом.

Наконец, прозвучала команда – разобрать закуски по своим тарелкам.

И вот – наступила тишина. Все смотрели друг на друга и думали об одном и том же...

Думали о том, как все постарели и изменились. Если бы случайно встретились на улице – прошли бы мимо, не узнав друг друга.

И вторая мысль – значит и я так же изменился, хотя живя много лет на даче у дочки об этом как-то не думал.

Жизнь была полна событиями, происходившими в семье детей и внуков. А мы с Ираидой старательно заполняли всё время, свободное от болезней и больниц – записями наших воспоминаний.

Жизнь-то практически прожита. И прожили мы долго. Как никак – перевалило на 9-ый десяток. В следующем году мне будет уже 85 лет, а Ираиде – 84. Кроме того будет в ноябре бриллиантовая свадьба (60 лет). Надо готовится к юбилею. Интересно – кто из присутствующих здесь сможет приехать в гости?

Когда первое чувство голода было удовлетворено, сначала стали звучать короткие тосты. А чуть позже – между тостами жевать стали меньше и начались – воспоминания.

В этот день мужчинам были сделаны скидки по возрасту – тосты они говорили сидя. Я, сказав тост за родной институт и стал вспоминать о том, как сдавали вступительные экзамены.

– Мне запомнился экзамен по математике. Все не хотели попасть к одному преподавателю, который ставил много двоек. Пришлось мне пойти к нему.

Только я начал отвечать по билету, как он меня остановил и спрашивает:

– А где это вы так загорели, молодой человек?

– Да я бегал, – говорю, – на стадионе во Фрунзе. А там солнце горячее...

– Переходите ко второму вопросу...

Только я начал говорить, а он взглянул на мои записи на листочке и опять меня прерывает и спрашивает:

– А что это за значок у вас на груди?

Я сказал, что это знак чемпиона республики среди юношей по лёгкой атлетике.

Мы довольно быстро пробежались по всем остальным вопросам (а всего их было в билете 7), он поставил мне пять. И никто мне не поверил, что он мне не задавал никаких дополнительных вопросов по математике...

После меня и Боря Филин подхватив тему – продолжил

рассказ о том, как – он сдавал вступительные экзамены.

"Когда в приёмной комиссии увидели мой аттестат с золотой медалью, мне сказали:

– Вы будете не сдавать экзамены, а проходить собеседование.

Надо сказать, я заволновался и спрашиваю:

– А что это такое?

– Узнаете, – ответили они и улыбаются...

Я занервничал ещё больше, не понимая – за что и почему? Подумал, что меня будут без билетов гонять по всему курсу и по всем предметам сразу.

Направили меня к декану. Беседа была долгой. Мы говорили обо всём, но только не об учёбе. В результате он мне сказал, что я принят в институт, а экзамены сдавать не надо.

Кроме того, меня назначили старостой. Не выбрали, а именно – назначили. Для меня это тоже стало неожиданностью".

Все ребята из нашей группы проработали до пенсии в закрытых институтах и предприятиях. Но больше всех наград оказалось у Бориса Филина. Он всю свою жизнь проработал в ракетно-космической корпорации «Энергия». А на Байконуре Борис Николаевич оказался задолго до запуска в космос Юрия Гагарина и был свидетелем и участником всех наших космических побед и поражений.

К счастью, его труд, как и труд всех его соратников и сослуживцев по справедливости отмечен государственными наградами.

Борис Николаевич Филин награжден:

Орденом "ЗНАКА ПОЧЁТА"

Орденом "ДРУЖБЫ НАРОДОВ"

Юбилейной медалью "к 100-летию ЛЕНИНА"

Юбилейной медалью "850-летие Москвы"

Федерацией космонавтов Б. Н. Филин отмечен, как

"ЗАСЛУЖЕННЫЙ ИСПЫТАТЕЛЬ КОСМИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ"

"ЗАСЛУЖЕННЫЙ ВЕТЕРАН КОСМОНАВТИКИ"

Борис Николаевич имеет свидетельство участника ПЕРВОГО ПУСКА, подписанное – командиром боевого расчёта подготовки и пуска В. ГУДИЛИНЫМ и техническим руководителем подготовки и пуска Б. ГУБАНОВЫМ.

Борис Николаевич Филин был участником пуска "Восход-2, командиром корабля тогда был полковник Беляев П. И., а вторым пилотом – Леонов А. А. 1965 год.

Борис Николаевич был участником запуска космического корабля "Союз-40 – Салют-6". Борис был в группе подготовки лунного корабля Л 1. 1967 год.

Борис Филин за большой вклад в развитие космонавтики был награжден юбилейной медалью "50 лет космической эры".

Борис Николаевич Филин – за высокие результаты в труде, большой вклад в создание изделий космической техники, награжден юбилейной медалью – "50 лет РКК «Энергия» имени С. П. Королева".

Медаль выдана Ракетно-космической корпорацией «ЭНЕРГИЯ» имени С. П. КОРОЛЕВА. 23 августа 1996 года.

Я точно знаю, хотя наши женщины и отмалчивались о своих трудовых достижениях – у них также было немало достойных заслуг и наград. Но в этот раз пришлось моему другу – Борису отдуваться за остальных присутствующих.

Все знали, что для Бориса Филина за все эти годы Байконур стал вторым родным домом. Естественно попросили его рассказать что-нибудь о непосредственной работе на Байконуре. О полётах разных космонавтов и особенно о полёте Гагарина.

Рассказы Бориса могли бы слушать до конца встречи. Так интересно было узнавать некоторые подробности, которые в обычной печати не встречались...

Я теперь дословно не смогу передать его рассказ. Поэтому воспользуюсь «шпаргалкой», хотя учась в МАИ никогда шпаргалками не пользовался.

К сожалению, на фотографии самого рассказчика – Бориса Филина не видно. Но можно увидеть, как его рука с указующим пальцем – сопровождает эмоции его рассказа. Ведь вспоминая о Байконуре и своей жизни там, он мыслями возвращается в те годы и события нашей космической истории,

в которой был не только свидетелем, но и участником.

Ну а я, чтобы не перепутать некоторые детали, хочу здесь в сокращённом виде привести репортаж А. Н. Солодухина о запуске первого человека в космос, запись которого была передана по электронной почте в Москву.

В этом репортаже упоминается имя – Бориса Филина.

А. Н. Солодухин создал уникальную космическую летопись за время своей деятельности на Байконуре. Его называют – «техническим дублёром» Юрия Гагарина.

Свой репортаж с Баконура он так и назвал —

«ОН СКАЗАЛ "ПО-Е-ХА-ЛИ!"

9 апреля – воскресенье.

На стартовой площадке и в МИКе происходит напряженная работа по подготовке стартового комплекса, ракеты-носителя и космического аппарата. Поздно вечером закончились заключительные операции по подготовке космического аппарата стыковке с ракетой.

10 апреля – понедельник.

Вспоминаю случай накануне вывоза ракеты и космического аппарата на стартовую позицию. Утром, войдя на испытательную площадку, где находился подготовленный космический аппарат для стыковки с ракетой-носителем, видим, что у стены МИКа в большой красной заглушки от камеры сгорания двигателя первой ступени ракеты-носителя, находится

груда различных разъемов и электрических проводов массой около 6–8 кг.

Нас охватил ужас. Откуда все это? Оказывается, О. Г. Ивановский ночью самолично принял решение уменьшить массу спускаемого аппарата путем удаления части электрических жгутов с разъемами, не задействованных на пилотируемом варианте.

Все это произошло на космическом аппарате, прошедшем полный цикл электрических испытаний и подготовленном для стыковки с ракетой.

Операция взвешивания КА показала небольшое превышение веса над расчетным, допустимым исходя из энерговооруженности ракеты-носителя, перед сборкой головного блока. На борту КА имелось некоторое количество электрических жгутов, которые в беспилотном, манекетном варианте обеспечивали функционирование системы аварийного объекта (АПО).

Он составил технологическое указание (ТУ) об обрезке кабелей с тяжелыми штепсельными разъемами. В результате такой операции произошло уменьшение веса спускаемого аппарата (отрезали согласно ТУ по принципу гребенки, с резкой длины каждой отдельной отрезаемой жилы).

Обрезание бортовых жгутов в спускаемом аппарате проводил номер боевого расчета из 5-ой группы рядовой Б. Я. Данилов.

И все это произошло на космическом аппарате, прошедшем полный цикл электрических испытаний и

подготовленном для стыковки с ракетой.

Было много волнений и «горячих» разговоров между руководством. Несколько раз звучало: "Отправлю в Москву по шпалам!". В конце концов, все обошлось, но пришлось каждую жилу в отдельности изолировать, провести дополнительные электрические испытания при заправленной ТДУ и установленных пиропатронах.

Вечером состоялось торжественное заседание Государственной комиссии по запуску «Восток», на котором было принято решение об осуществлении первого в мире полета ракеты с космонавтом на борту 12 апреля 1961 года. Утвердили первым летчиком-космонавтом Ю. А. Гагарина, дублером – Г. С. Титова.

А в это время проводилась стыковка космического аппарата с ракетой-носителем, шли заключительные операции.

Мы с руководителем электрических испытаний – Б. Н. ФИЛИНЫМ прозваниваем электрические цепи соединений ракеты и космического аппарата.

После проделанной работы, наблюдаем за виртуозной работой монтажников и крановщиков под руководством ветерана космодрома Н. П. Синеколодецкого.

Крановщики медленно и осторожно подводят КА к ракете, устанавливаются крепежные – и стыковка закончена. Надевается головной обтекатель на космический аппарат.

11 апреля – вторник.

Под утро провели предстартовые горизонтальные испытания – проверочные электрические включения. В 5 часов 40 минут – все готово к вывозу на стартовую позицию.

К этому времени прибыли С. П. Королев, его заместитель по испытаниям Л. А. Воскресенский и руководитель стартовой группы А. С. Кириллов. Подается команда, раздвигаются ворота МИКа и ракета-носитель с космическим аппаратом медленно начинает путь по казахской земле на стартовый комплекс. Тепловоз движется настолько медленно, что идущие рядом с ней, не отрывают свои взгляды от величественной картины.

Ракета с КА «Восток-1» устанавливается в стартовое сооружение, поблескивая серебром восходящего солнца. Четко и слаженно работают стартовые расчеты. Со своим помощником Б. Я. Даниловым поднимаемся на сорокаметровую высоту по ферме установщика и оказываемся с ним на поясе площадки у посадочного люка спускаемого аппарата.

.....

По команде В. И. Ярополова, который расположился на нулевой отметке, В. Е. Стаднюк подает напряжение на борт КА с ЦПУ, находившийся в бункере пультовой носителя в левом углу. Кабина освещается бортовыми светильниками и после доклада В. И. Ярополову, разрешаем точно по утвержденному графику первого дня специалистам по системам СА приступить к

предстартовым операциям по проверке бортовых систем КА.

К 10 часам утра прибыли на стартовую позицию Н. П. Каманин, В. И. Яздовский, Ф. А. Агальцов, а в это время председатель Государственной комиссии К. Н. Руднев и С. П. Королев находились на верхнем мостике около СА и С. П. Королев давал пояснения ему по устройству космического аппарата «Восток-1». Затем подвел его к отверстию в ферме и объяснял ему, зачем это отверстие сделали в ферме обслуживания. Дело в том, что в случае возникновения нештатной ситуации, космонавт может аварийно катапультирован через отверстие в головном обтекателе и ферме обслуживания на стальную сетку, которая перекрывала часть котлована. "На всякий случай", – ответил, улыбаясь, С.П. Королев.

Приближается полдень, а в 13 часов должна состояться встреча со стартовой командой. Этот ритуал оставался до определенного времени.

Космонавтов, и членов Государственной комиссии встретили бурной овацией. У всех было приподнятое настроение, гордились тем, что и их частица труда вложена в общее дело.

Ю. А. Гагарину, Г. С. Титову, Г. Г. Нелюбову были вручены желтые и красные степные тюльпаны. Ю. А. Гагарин заверил, что приложит все силы и знания для выполнения исторического полета.

.....

В делах и заботах пролетел день, вечером мы

не поехали в жилой городок, а остались отдыхать в монтажно-испытательном корпусе.

Мы расположились в комнате на втором этаже, где раньше находилась лаборатория системы аварийного подрыва ракеты (АПР). Улеглись В. И. Ярополов, В. Е. Стаднюк и Е. А. Ануфриенко. Никто не мог заснуть. Все жили ожиданием предстоящего полета.

В темноте послышались шаги, дверь приоткрылась: "Завтра, точнее, уже сегодня, у них будет напряженный день, не будем им мешать». По голосам мы узнали С. П. Королева и его заместителя К. Д. Бушуева.

12 апреля – среда.

В эту ночь нам спать практически не пришлось. На площадке № 2 спали только оба космонавта. Мы же не могли заснуть – не верилось, что, именно, сегодня состоится историческое событие 20 века.

.....

И вот в ночной тишине по динамику громкой связи раздается голос А. С. Кириллова:

"Всем службам полигона объявляется семичасовая готовность! Приступить к подготовке ракеты и корабля "Восток"!»

На стартовой площадке закипела работа. Жесткий предстартовый график закрутил всех. Подымаемся на «kozyрек» – нас обдувает прохладный ветерок, дышится свободно, хотя мы одеты в зимнюю одежду и унты.

С ЦПУ В. Е. Стаднюк подает напряжение на борт космического аппарата и включает определенные

системы согласно утвержденному графику подготовки космического аппарата.

Над головным обтекателем, под которым расположен КА, нависает утренняя дымка. Приближается утро, на востоке посветлело и небо подернулось золотом. На верхней площадке установщика около спускаемого аппарата довольно прохладно.

Началась заправка баков ракеты компонентами топлива. Ракета постепенно одевается в снежную «шубу» и нас окутывают белые облака конденсата из дренажей ракеты и образовавшийся снег белыми хлопьями сыплется на нашу площадку.

.....

Начало светать, наступило утро. Степь стала оживать под лучами восходящего солнца.

В шесть часов на площадку поднялись О. Г. Ивановский и Н. П. Каманин для проверки шифра логического замка. На космическом аппарате, кроме дублирования всех систем, была предусмотрена возможность ручного управления спуском с орбиты. Данной системой в 1965 году воспользовался П. И. Беляев, летавший с А. А. Леоновым, когда автоматика спуска с орбиты отказала. Но тогда был еще лишь первый пуск в мире с человеком и медики сомневались в правильности принятия решения космонавтом, оказавшимся один на один с невесомостью.

Чтобы космонавт в возбужденном состоянии не включил тормозную двигательную установку (ТДУ) космического аппарата на спуск, нажав на пульте пилота

особую красную кнопку, закрытую предохранительной крышкой, в кабине корабля на пульте управления был создан дополнительный пульт с кнопками (логический замок). Для включения ТДУ космонавт должен был нажать три из девяти кнопок в определенном порядке, а тормозная двигательная установка в то время включалась только один раз. Значение кода (цифр) знали только С. П. Королев, К. П. Руднев, Н. П. Каманин, которым ведущий конструктор передал акт об этой операции. Космонавт мог пользоваться этим кодом только на орбите, распечатав специальный конверт, если засветятся кнопки в определенном порядке.

Объявляется трехчасовая готовность. На верхнюю площадку установщика медики закладывают питание – последняя операция перед посадкой космонавта. Питание закладывают на десять суток, так как в случае отказа ТДУ корабль возвратится на Землю, конструкция СА и высота полета позволит осуществить спуск за счет естественного торможения в верхних слоях атмосферы, но тогда Ю. А. Гагарину придется пробыть на орбите не 108 минут, а около десяти суток.

Это был запасной вариант спуска с орбиты.

Нам осталось находиться наверху не более одного часа. Стрелки часов стремительно приближались к двухчасовой готовности, когда должны прибыть космонавты.

Тепловоз увозил пустые заправщики. Испытатели с ферм обслуживания вглядывались вдаль, на дорогу,

ведущую к старту, откуда должен появиться автобус с космонавтами.

"Едут! Едут!" – закричали во весь голос мы с самой высокой точки фермы обслуживания, увидев как по дороге, ведущей к старту, двигался бело-голубой автобус.

Автобус въехал на стартовую позицию – из него, поддерживаемый Е. А. Карповым, вышел Ю. А. Гагарин и вступил на «нулевую» отметку стартового комплекса. Все заплотировали, Ю. А. Гагарин, в ярко-оранжевом скафандре, подошел к членам Государственной комиссии и доложил, но слов мы не слышали, так как находились у спускаемого аппарата.

.....

Наше время пребывания у спускаемого аппарата заканчивается, пора уступать место специалистам, которые будут усаживать космонавта в кресло пилота и закрывать люк.

В. И. Ярополов командует: "В бункер!" дверь кабины лифта открывается и на площадке появляется О. Г. Ивановский, Ю. А. Гагарин, Ф. А. Востоков. Выше нас на площадке находится кинооператор В. А. Суворов, чтобы запечатлеть посадку космонавта в корабль.

В. Я. Хильченко жестом показывает нам: "Вниз!" Спускаемся на нулевую отметку и слышим команду: "Всем не занятым в работе покинуть стартовую площадку!" направляемся в служебное здание, где транслируются все команды и переговоры.

Специалисты по скафандру с одной стороны, О. Г.

Ивановский и В. Я. Хильченко с другой помогают Ю. А. Гагарину подняться по двум ступенькам приставочной площадке, закинуть ноги и лечь в кресло. Закончив размещение, прощаются с ним, желают успешного полета.

Космонавт занял место в кабине и начал проверку систем корабля. По докладам понимаем, что все идет по графику. В половине восьмого С. П. Королев поинтересовался у Ю. А. Гагарина самочувствием. Казалось, все идет согласно графика подготовки второго дня, но вдруг, когда до пуска осталось несколько десятков минут, случилось непредвиденное.

Слесари-монтажники Н. И. Селезнев, В. В. Морозов и В. И. Шаповалов проводили заключительные операции на спускаемом аппарате, закрывали люк и вдруг слышим: "Нет КП-3! Нет КП-3!" Это В. Е. Стаднюк докладывает В. И. Ярополову из пультуевой бункера, что на ЦПУ один из трех транспарантов, сигнализирующий электрический контакт прижима крышки люка спускаемого аппарата не горит.

Весь полигон замер в ожидании. Вдоль командного пункта нервно ходит С. П. Королев. Принимается решение: открыть люк спускаемого аппарата и повторно установить крышку. А до пуска остается совсем мало времени.

В этой нештатной ситуации так замелькали моментные ключи слесарей-монтажников, что они сумели открыть и закрыть тридцать замков крышки люка и снова проверить ее на герметичность

специальным приспособлением – «присоской», работа эта происходила в момент, когда половина фермы обслуживания обхвата ракеты была уже отведена.

Вот все с облегчением вздохнули – из пультовой по громкой связи слышим доклад В. Е. Стаднюка: "Есть контакт КП-3!"

Объявляется 50-минутная готовность, С. П. Королев по связи успокоил Ю. А. Гагарина, что все идет согласно графика.

«Развести фартуки и опустить стрелу агрегата!» – раздалось из динамиков.

Пора в бункер.

.....

"Все стартовое, заправочное и вспомогательное оборудование стартовой позиции к пуску готово!" слышим команду по громкой связи. Ясно, остается около десяти минут до пуска. Встаем вдоль стен подземного коридора ближе к выходу, чтобы попытаться первыми выбежать и еще раз проводить Ю. А. Гагарина.

Стрелки часов приближаются к решающей отметке. Зная, что сейчас как стрела, влетят Л. А. Воскресенский, А. С. Кириллов, С. П. Королев, стремительно пробегая 57 ступенек вниз, прижимаемся к стенке бункера.

Стремглав влетая, С. П. Королев толкает меня и кричит: " Вниз! Вниз!" Следует команда: "Минутная готовность!"

Мы замерли в ожидании. Нервное напряжение

достигло предела. В бункере наступает полная тишина, через минуту управление ракетой будет передано автоматике.

– "Сброс ШО объекта!"

– "ШО сброшен!" – докладывает Стаднюк.

Замираем в ожидании и слушаем команды. Слышно гудение наземной аппаратуры, на пультах гаснут и вспыхивают разноцветные транспаранты. Нервы у всех напряжены до предела.

В тишине звучат одна за другой команды руководителя стартовой службы А. С. Кириллова.

"Ключ на старт!" – Борис Семенович Чекунов поворотом специального ключа включает автоматику запуска ракеты. И, наконец, короткая, властная команда:

"Пуск!"

"Подъем!"

"Есть подъем" – в 9 часов 07 минут московского времени громко не докладывает, а кричит оператор центрального пульта управления ракеты Б. С. Чекунов.

Освобождаются и расходятся в стороны фермы пусковой установки. От нарастающего гула двигателей бункер дрожит, закладывает уши.

– "По-е-ха-ли-и-и!" – вырывается из динамика голос Юрия Гагарина.

Когда мы выбежали из бункера, в лицо ударил яркий свет казахского апрельского солнца, а уши закладывал нарастающий рев удаляющейся ракеты с космическим аппаратам и первым человеком на борту.

Ракета медленно поднималась. Но вот она полетела, все ускоряя и ускоряя свой разгон.

Так в памятный день 12 апреля 1961 года над планетой поднялось утро космической эры!

В эти минуты мы еще до конца не понимали всей масштабности события, участниками которого довелось нам стать. Это пришло позже. А в тот момент мы, замороженные, стояли у выхода из бункера и, задрав головы вверх, смотрели вслед улетающему Ю. А. Гагарину. У всех на глазах были слезы – слезы радости.

Борис Николаевич Филин находился на работе на Байконуре ещё задолго до запуска в космос Ю. А. ГАГАРИНА.

Борис был не только свидетелем всех событий, происшедших на Байконуре за долгие годы космических побед и поражений, но и непосредственным их участником, выполняя свою конкретную работу, как например, в период подготовки лунного комплекса ЛЗ.

Приведу ещё одну выдержку из другого документа —

"Необычный 2010 RSS

www.unnatural.ru.

Rambler's Top100 Openstat Рейтинг@Mail.ru"

№ 1 Liftoff 1972 Особенности подготовки лунного комплекса ЛЗ на Байконуре. Часть III.

Когда все пять запусков ракеты – носителя Н1 окончились неудачей, нужно было срочно определять

основные причины этих неудач, а затем решать проблему доработки изделия.

"Управление всеми работами осуществляли трое: ведущий конструктор, руководитель испытаний и руководитель филиала завода. Персонально это БУГРОВ, ФИЛИН и ЛЫГИН.

В случае отсутствия, нас кто-то замещал. Единоначалия не было, и не было случаев, чтобы мы не решили сообща какой-нибудь вопрос. При возникновении существенных замечаний всегда старались разобраться в них до конца, и сами принимали все необходимые решения по их устранению. Исходили при этом из того, что нам на месте виднее, а также стараясь максимально разгрузить руководителей в Москве от наших проблем.

После проведенных работ мы сообщали на фирму, что произошло и что нами сделано для устранения замечания, заканчивая обычно доклад словами: "Просим подтвердить правильность нашего решения". Постоянство этой формулировки часто становилось поводом для шуток.

Принятый нами порядок оказался устойчивым, не требовал никаких изменений и просуществовал до закрытия программы в 1974 году.

Мы втроем стали друзьями на долгие годы, ездили в горы кататься на лыжах, выезжали на Куандарью, где великолепные условия для подводной охоты. За эти годы у нас сформировался дружный творческий

коллектив.

За шесть лет для многих наших сотрудников работа по ЛЗ стала высшей ракетно-космической школой, а «двойка» на Байконуре – вторым домом.

Умели не только трудиться, но и отдыхать. Летом играли по вечерам в футбол, а зимой – в хоккеей на освещенной площадке, которую построил между гостиницами Лыгин.

После возвращения с рыбалок, не прекращавшихся и зимой, гостиницы наполнялись запахом жареной рыбы и лука, а по коридорам деловито перемещались люди с графинами".

Вот такой была работа и жизнь нашего друга Бориса Филина.

Конечно Борис на нашей встрече рассказывал о многом, лишь чуточку отраженном в приведённых мной отрывках из двух упомянутых документах. Мне удалось отразить здесь лишь малую часть его такой богатой интересными событиями жизни – на Байконуре и в городе Королеве.

Глядя на эту фотографию можно предположить, что я и Борис танцуем. На самом деле мы, перебивая друг друга рассказывают эпизод из нашей совместной жизни в общежитии, когда Борис уступил половину койки мне и нам приходилось довольно длительное время спать вместе.

Поскольку я был принят в институт без права получения общежития, я жил на частной квартире. Борис часто после занятий приезжал ко мне или мы вместе гуляли по Москве.

А проходная закрывалась в 12 часов ночи и, когда Боря ехал от меня, он опаздывал к этому сроку, и ему приходилось лазить через досчатый забор, чтобы попасть к себе в комнату и не проспять начало занятий.

Конечно, пришлось рассказать о себе и нашему ветерану ВОВ – Гарику, который собрал нас на эту встречу.

Игорь Григорьевич Белик единственный из нас всех – ветеран Великой Отечественной. Война началась, когда ему было 15 лет. Он рвался на фронт добровольцем – не брали. Зато за первые два года войны сумел получить специальность механика. И вот в 17 лет он уже полноправный воин – бортмеханик самолёта Ла-5.

После окончания войны два года учился в авиационном училище. В 1951 году вышел в отставку в связи с поступлением в МАИ. Учёба давалась трудно, но мы все помогали

ему, а он был для нас надёжным старшим товарищем.

После окончания института по распределению работает в НПО ИТ – Научно-производственном объединении измерительной техники. Он отдавался любимой работе всей душой, всеми силами и беспокойным умом. Начал с рационализаторских предложений.

А в 1977 году получил первое авторское свидетельство – на изобретение емкостного датчика.

За конструирование зубчатой передачи с вставленными в зубья металлическими пластинами он получил патент и довольно большую премию. Как он говорил, с этой передачей производительность и долговечность прибора увеличилась примерно на 30 %. На предприятии, которому он отдал столько сил и здоровья, его до сих пор помнят.

За все эти годы он не пропустил ни одной встречи с конкурниками. Учёба в МАИ оставила в его душе неизгладимый след. И каждый телефонный звонок одного из нас был для Гарика всегда самым лучшим подарком.

А еще он всю жизнь старался спасать брошенных, больных и погибающих животных – кошек и собак. Он их подбирал, вылавливал, находил и устраивал в приюты для бездомных животных.

Он объездил все фирмы, производившие корма для животных, и добился, чтобы они бесплатно отдавали небольшое количество корма приютам для бездомных животных. Потом сам ездил за этим кормом на фирмы и на своей ма-

шине развозил тяжелые мешки в приюты.

По сути Гарик был и остается большим ребёнком, верящим в добро, в Бога и людей.

Пансионат, в который Гарик и Прасковья переехали, стал для них вторым домом. У них комфортабельный двухкомнатный номер.

Они обеспечены постоянным медицинским наблюдением и необходимым обслуживанием.

В конце нашей встречи Гарик персонально с каждым из нас поговорил, сфотографировался и просил звонить ему почаще и навещать в пансионате.

Лариса и Гарик

Фотография на память

Регина и Гарик

Регина и Гарик

Гарик и Борис

Фотографии получились любительскими, тем не менее – в каждой из них запечатлён миг нашего последнего свидания. Всем перевалило за 80 лет, а Гарику уже исполнился 91 год.

По причине возраста и здоровья все понимали, что строить планы на будущее в масштабе лет – не реально.

Расставаться не хотелось. Но всё когда-нибудь кончается. Закончился и эта наша встреча.

Сначала проводили на электричку – Ларису и Регину. По-

том собрались в дорогу и мы.

Стэлла уговорила Борю Филина поехать с нами. Сначала отвезли Гарика – до подъезда его дома. Он так устал, что откровенно радовался тому, что не надо было ехать самому на метро и автобусе. Потом поехали в Королёв и также доставили домой Борю Филина.

В добавление к этой встрече. С тех пор прошло полтора года.

С Гариком перезваниваются все и на большие праздники даже удаётся его навестить.

Стэлла возила меня с правнуком Ильёй в пансионат, в гости к Гарику и Прасковье. Третий класс школы, в которой учится наш правнук Илья, взял шефство над некоторыми одинокими жильцами пансионата, у которых нет родственников.

Эти воспоминания мы записали с Виктором совместно, ещё тогда – в 2017-м. Теперь, уже без него я включила их в эту книгу.

Может быть, кто-то из Маёвцев выпуска 1957 года узнает на снимках, помещённых во 2-ой и 3-й главах этой книги своих сокурсников. Ведь дружили студенты не только одной группы.

С кем-то жили в общежитии, ездили на практику или в лагеря.

Эти воспоминания и – о группе АП-1–4 МАИ и о всём курсе выпуска 1957 года. И, конечно – это память о нашей юности, прошедшей в советской стране, и о нашей жизни шестидесятников, которую, как мне кажется – мы прожили не зря.

ВСЕ ФОТОГРАФИИ, ПРИВЕДЁННЫЕ В КНИГЕ – ВЗЯТЫ ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА СЕМЬИ ДУДКО